

МИРОВЫЕ РОДИТЕЛИ

САРА ТЕРНЕР

Антимамочка

РЕАЛЬНОЕ МАТЕРИНСТВО

Мировые родители

Сара Тернер

**Антимамочка.
Реальное материнство**

Издательство «Синдбад»

2017

Тернер С.

Антимамочка. Реальное материнство / С. Тернер — Издательство «Синдбад», 2017 — (Мировые родители)

ISBN 978-5-00131-110-2

Эту книгу англичанка Сара Тернер, воспитывающая трех мальчишек, написала на основе своего феноменально популярного блога. В ней она откровенно и с большой долей самоиронии пишет о том, что представляют собой материнские будни в действительности. Когда состояние полной растерянности — не редкость; когда кажется, что не получается почти ничего; когда мысль о том, как здорово было до всего этого, возвращается с навязчивой частотой... Искренняя и честная книга этой теперь уже опытной мамы заставит вас плакать и смеяться, а главное, напомнит, что не только вам иногда кажется, что вы взвалили на себя слишком много. Это испытывают все мамы на свете. Это часть реального материнства.

ISBN 978-5-00131-110-2

© Тернер С., 2017

© Издательство «Синдбад», 2017

Содержание

Пара слов о маминой книге: письмо моим мальчикам	9
Вступление	12
Часть первая	14
Пока нас было двое	15
Я уже сияю?	18
Да тужусь я!	21
Когда он успел проголодаться?!	25
Взлеты и падения грудного вскармливания	28
Черт, мне нужны друзья среди мам	32
Первое впечатление бывает обманчиво	35
Мои слингомуки	38
Часть вторая	40
Твой день против его: победивших нет	41
Поговорим о сексе, детка	45
Пустая грудь и протекающий подвал	48
Мамочка уходит в отрыв	51
Адские игровые центры	54
Что за бардак!	57
То, что я обещала не делать, когда стану мамой. Но делаю. С завидной регулярностью	60
Почему тосковать по прошлой жизни нормально	63
Часть третья	65
Где первый, там и второй	66
Один и двое: в чем разница?	69
Мальчик или девочка?	73
Второй и вечно обделенный	77
Часть четвертая	81
Мамы на полную ставку, снимаю шляпу!	82
Законы подлости для родителей	85
Кто не спрятался я не виновата!	88
Эти забавные карапузы	91
Мамина ярость	96
Когда у вас дети: минусы и плюсы	101
Часть пятая	106
Открытое письмо Маме в Красном Пальто	107
Пошла в жопу, Супермама	111
Чувство вины	114
Вы не обязаны ни перед кем оправдываться	117
Выходить из себя естественно	120
Вращающиеся тарелки	123
Тебе, мама	127
Часть шестая	129
И оглянуться не успеешь...	130
Меняет ли нас появление детей?	133
«Ты просто не представляешь, как тебе повезло»	135
Американские горки	138

Благодарности

140

Сара Тернер

Антимамочка. Реальное материнство

Copyright © 2017 by Sarah Turner

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2019.

* * *

Посвящается Дебби Шепард, лучшей маме на свете (1954–2002)

Познакомьтесь с Тернерами

МАТЬ
Сара

Она же Антимамочка (известная в англоязычной блогосфере под ником The Unmumsy Mum)

Писательница/блогер/немножко того и другого. Гордая обладательница ученой степени, которая ей ни разу в жизни не пригодилась.

Запойный чаеголик. Также равнодушна к виноградному соку для взрослых и джингу с тоником в банках. Слегка помешалась на бибисишной адаптации «Грозового перевала» с Томом Харди в роли Хитклиффа (Би-би-си – мечты сбываются!). Любит зависать в Фейсбуке.

ПЕРВЕНЕЦ
Генри

Он же Медвежонок Генри и Генризатор

Горячий поклонник Дарта Вейдера, Скуби-Ду и своего Воображаемого Друга-Монстра (да, его так и зовут – Воображаемый Друг-Монстр). Никогда не останется без открытки на День святого Валентина, потому что умудрился в этот день родиться. Может часами беседовать о попах и пуках.

ОТЕЦ
Джеймс

Он же Хабс

Экстраординарный госслужащий.

Марафонский смотритель автомобильных телешоу, марафонский поедатель печенья, однажды действительно пробежал марафон (Лондон, 2011), ненавидя каждую его секунду. Любит пинать балду в парке. Не любит, когда его просят привести «несколько интересных фактов о себе». Меняет местами именные карточки на свадьбах, чтобы его жена оказалась за столом с незнакомыми людьми. Сделает все ради семьи. Всесторонне славный малый.

ВТОРОЙ СЫН

Джуд

Он же Джуд Всемогуций, Рыжая Печенюха, Джуди Попс

Ест все, что несъедобно. Выплевывает все, что съедобно. Считает гостиную полосой препятствий. Решительно отверг очаровательных плюшевых медвежат в пользу Мамы Свинки. Маленький Рон Уизли в семействе блондинов.

Пара слов о маминной книге: письмо моим мальчикам

Дорогие Генри и Джуд!

Мои чудесные мальчишки, Медвежонок Генри и Джуди Попс!

Если вы читаете это, велики шансы, что вы прочтете и все остальное. Я пока не знаю, как относиться к тому, что невольно поделилась в этой книге самыми сокровенными мыслями о вашем детстве. Но, наверное, это было неизбежно, так куда деваться?

Для начала скажу: я очень надеюсь, что вы уже как минимум подростки, потому что время от времени я позволяю себе слова, за которые сейчас вас ругаю. Мне всегда казалось, что, записывая мысли без обиняков, как есть, я добавляю искренности своему сочинению. К несчастью, на ум мне первым делом приходили обычно «засранец» и «гаденьш» (из песни слова не выкинешь), но это не значит, что вам можно так обзывать друг друга! Старый добрый стул для тайм-аутов всегда к вашим услугам.

В свои подростковые годы я вела дневник. Бумажный. Понимаю, это признание делает меня в ваших глазах ровесницей динозавров. В конце концов, я родилась в прошлом тысячелетии и выросла в девяностых, вместе со «Спайс Герлз», тамагочи и тушью для волос. Я даже записывала на пленочные кассеты хит-парады на радио (напомните показать вам, что такое пленочные кассеты)! И нет, я не собираюсь говорить, что было в тех дневниках: написанные в послешкольные годы, они были посвящены в основном ночным клубам и флирту с вашим отцом (не морщитесь, я все равно их сожгла).

Вскоре после знакомства с вашим папой дневники я забросила. Однако, став мамой, снова ощутила желание писать. Только на этот раз – вместо записок разноцветными гелевыми ручками в красивых тетрадках – я завела блог в Интернете. Кажется, я даже не успела толком осознать, что собираюсь поделиться своими мыслями со всем миром, а они уже отправились в Сеть. Интернет в этом плане – страшная штука.

Поэтому я хотела бы кое-что прояснить. Прямо здесь, прямо сейчас. Не потому, что я должна, нет. Прежде всего я хочу, чтобы вы поняли, почему я решилась открыто написать о том, каково быть вашей мамой. Я хочу рассказать, что творилось у меня в голове в то время – ведь вы двое, мои милые тыковки, находились в самом центре событий.

Быть мамой очень непросто.

В каком бы возрасте вы это ни читали, я, скорее всего, по-прежнему уверена, что материнство – тяжкий труд. Но первые его годы – это тема для отдельного разговора! В самые темные дни, когда после очередной бессонной ночи я еле держалась на ногах, а кто-то из вас (возможно, вы оба) надрывался от крика, когда я раздражалась от любой мелочи, а дом напоминал зону военных действий, мне очень хотелось прочесть, что кому-то тоже приходится нелегко. Чтобы кто-нибудь поддержал меня и сказал, что я справлюсь. Что не стоит рвать на себе волосы от отчаяния, потому что все будет нормально (и что нынешний хаос, безнадега и усталость – это тоже нормально). Вот что я хотела услышать. Вместо этого я натыкалась на разнообразные методики приучения ко сну – или призывы ценить каждое мгновение с ребенком. Щедро одобренные восклицательными знаками. «Вашему малышу уже четыре месяца! Как много нового у вас впереди! Возможно, вы уже задумываетесь о том, чтобы отлучить его от груди!» (Я ни о чем таком не думала. Я просто хотела выпить горячего чая, поспать и вспомнить, как меня зовут.)

Интернет изобилует блогами, где материнство представлялось в самом радужном свете. Рождественские фотографии в одинаковых свитерах, никаких какашек на нарядной пижаме, белозубые и беззубые улыбки. Мне все это нисколько не помогало.

Решение писать что-то самой пришло внезапно: так и родился мой блог. Я лихорадочно описывала жизнь с карапузом Генри, беременность малышом Джудом, походы в дет-

ские группы, поездки с вами и все, что происходило в перерывах между ними. Картинка не всегда (далеко не всегда!) получалась безоблачная; порой она выходила довольно мрачной, но такова была моя реальность в то время. Наверное, блог стал в некотором смысле моей отдушиной.

Он никогда не предназначался для широкой публики, но люди почему-то начали его читать. Сперва их было немного, потом счет пошел на сотни, тысячи, и вот уже мои бессвязные почеркушки привлекают миллионную аудиторию, а я понимаю, что давно пишу не только для себя.

Это открытие меня, честно говоря, потрясло. Я даже засомневалась, а стоит ли до такой степени делиться своими материнскими откровениями. Я очень хотела рассказать о своих мыслях. Но чем больше людей их читало, тем больше меня беспокоило, что эти самые мысли навсегда останутся во Всемирной паутине. И стереть их я уже не смогу. А ведь каждому из нас порой приходит в голову такое, о чем мы потом предпочитаем забыть. Иногда наши мысли нас пугают, иногда заставляют стыдиться или смущают до такой степени, что мы сжигаем свои дневники. Некоторые мысли настолько личные, что мы меньше всего хотели бы увековечить их в Интернете. Что же я наделала?

Но потом я начала перебирать сообщения от читателей, комментарии, твиты, электронные письма, и меня вдруг осенило: святая капибара, а ведь этот блог действительно помогает людям!

– Спасибо, – писали в сообщениях, – после твоего поста мне стало лучше.

– Я очень смеялась.

– Ты помогла мне пережить отвратительную неделю.

– Благодаря тебе я набралась мужества, чтобы признать: «Это был ужасный день, и я не радовалась ни одной его минуте».

От некоторых сообщений (авторами которых выступали не только мамы, но и папы) у меня слезы наворачивались на глаза. Люди рассказывали о своей жизни, борьбе с послеродовой депрессией, бесконечном чувстве вины и ощущении родительской несостоятельности – а еще о том, что со своими проблемами они остаются один на один.

– Я думала, это со мной что-то не так, – читала я снова и снова.

Мне хотелось собрать их всех вместе и прокричать в мегафон: «Нет, дело не только в тебе!» Это желание вдохновляло меня на ежедневные рассказы о собственном материнстве. В конце концов они собрались под одной обложкой и стали моей первой книгой.

Я даже не сомневаюсь, что через много лет посмотрю на свой блог и эту книгу с недоумением: «Женищина, как можно было столько ныть?!» Обернусь и подумаю: «Как быстро пролетели эти годы!» Обнаружу, что записала кучу всего, что казалось мне невероятно важным, но чем не стоило делиться с окружающими.

Мои милые сыновья! На страницах этой книги я пару раз называю вас «засранцами» (мне жаль, но вы правда вели себя, как самые настоящие засранцы; надеюсь, вы меня поймете и простите), тоскую по дням, проведенным в блаженной суете офиса, громко возмущаюсь, где мое радужное материнство с маленькими ангелочками, и сетую, как меня достали прогулки в парке и детские группы. И да, я совершенно точно не радуюсь каждому треклятому мгновению.

Но я хочу, чтобы вы знали: было гораздо больше мгновений, которыми я искренне наслаждалась. которыми наслаждалась вся наша семья. Объятия, сказки на ночь, люди, с которыми мы встречались, места, которые мы посетили, и то, что вы двое и ваш папа заставляли меня смеяться каждый божий день. Я была бы рада предложить отредактированную версию ваших первых лет, чтобы вы никогда не узнали, как я порой ругалась нехорошими словами и плакала. Я так хотела быть безупречной мамой в рождественском свитере. Простите, что не смогла.

Да, порой меня посещали мысли, будто я не предназначена для материнства, но я всегда знала, что никто не может любить вас сильнее. Вы красивые, потрясающие и просто невероятные, и я очень горжусь тем, что мы – одна семья. Горжусь тем, что я ваша мама. Чего бы я ни достигла в жизни, вы навсегда останетесь моими шедеврами, моими важнейшими творениями.

Это для вас, мои дорогие.

Люблю вас до самой луны – и обратно.

Мама

Вступление Антимамочка

Наверное, когда я представляла свою жизнь с детьми до их рождения, то рисовала себе картину бездетной жизни с двумя прифотошопленными младенцами. Разумеется, очаровательно-кудрявыми. Возможно, с личиками, умильно перемазанными вареньем. Не то чтобы я вообще ничего не знала о материнстве, нет. Я вполне отдавала себе отчет, что кое-что помешается: придется меньше спать, менять подгузники, на время забыть об алкогольных коктейлях и оставить вечеринки с друзьями в пользу прогулок с коляской. Но я даже помыслить не могла, что нового привнесут в мое существование дети, помимо декретного отпуска, неизбежного контакта с содержимым памперсов и покупки ходунков с пластмассовым телефоном в комплекте.

И такого урагана я точно не ожидала!

Впрочем, Майкл Фиш¹ тоже не ожидал в 1987-м, и посмотрите, что из этого вышло.

Можно даже не говорить о том, что, когда ураган «Малыш» налетел на нашу семью зимой 2012-го, я была к этому абсолютно не готова. Нет, с физической и материальной точки зрения лучшее время сложно было представить. А вот что касается моральной и эмоциональной готовности... Наверное, в тот момент я взяла на вооружение девиз «Слабоумие и отвага!» И в этом я вся.

Меня много раз спрашивали, что оказалось при первом урагане труднее всего. Будучи гордой матерью двоих детей, могу смело признаться: труднее всего было смириться с тем фактом, что кудрявым уродился только один. Если же без шуток, я могу долго рассказывать о кошмарном недосыпе, детских истериках в магазине и тоскливом раздражении, которое накачивало, когда мне приходилось часами смотреть какой-то сериал с ненасытным ребенком на груди, хотя больше всего на свете я мечтала о горячей ванне.

Да, все это порядком отравляло жизнь. Но самым тяжелым испытанием стало бесконечное чувство неуверенности.

*Почему я не радуюсь каждой секунде?
Как другим мамам удастся радоваться каждой секунде?
Может, у меня в голове чего-то не хватает, и я просто не предназначена
для материнства?
Я совсем не так себе это представляла.*

Как-то в три часа ночи, после очередного изматывающего кормления, я вбила в строку Гугла: «Я хочу свою жизнь обратно» – и тут же почистила историю поиска в телефоне. Мне стало стыдно, в первую очередь потому, что я вовсе не хотела вернуть свою прежнюю жизнь. Я была без ума от моего лысенького малыша и благодарна судьбе за то, что он появился в нашей семье. Но время от времени (например, когда я вставала в четвертый раз за ночь, потому что младенец опять срыгнул в колыбели) мне не давала покоя мысль: «Что мы наделали?» Время от времени я не могла удержаться от крика: «Как же меня все достало! Я больше не хочу этим заниматься!» И лицо мужа, невольного свидетеля моего срыва, говорило о том, что его представления о родительстве тоже с громким треском разбились о суровую реальность.

Прошло несколько лет, и хотя волшебные моменты продолжали перемежаться откровенно паршивыми, случилось кое-что невероятное. Я продолжала регулярно сомневаться в

¹ Ведущий прогноза погоды на Би-би-си. Приобрел печальную известность в 1987 году, когда утром 15 октября заверил телезрителей, что день будет ясный, а к вечеру на юго-восточное побережье Англии обрушился шторм невиданной силы, принесший огромные разрушения и убивший 19 человек. – *Прим. перев.*

себе, но уже не считала, что только я страдаю от приступов неуверенности. Почему? Потому что не могла игнорировать живой отклик, который вызывали мои записи о родительских взлетах и падениях.

Пара комментариев к постам в блоге превратились сначала в сотни, а потом и в тысячи. Сейчас на каждую запись я получаю множество писем от людей, чей родительский опыт мало отличается от моего. Людей, которые изводят себя за то, что не ценят каждую секунду – они бы и рады, но это чертовски сложно. Каюсь, я однажды посмеялась над фразой, что «быть родителями – самая тяжелая работа в мире». Это случилось до рождения у меня детей и до того, как я добровольно прервала декретный отпуск и вернулась к работе на полдня, потому что сидеть с ребенком дома стало невыносимо.

Люди часто неверно истолковывают название моего блога. Я не вижу ничего плохого в том, чтобы быть «мамочкой». «Мамочка» звучит вполне естественно, когда речь идет о счастливой женщине, которой комфортно в ее новой роли. Я и сама хотела быть такой мамочкой, но чувствовала себя в каком-то смысле дефектной, не принадлежащей к клубу. Тогда в голову пришло название «Антимамочка». Изливая в Интернет мысли, которые не давали мне покоя, и получая отклики в духе «Ты как будто про меня написала!», я находила силы двигаться дальше (и в плане блога, и в плане материнства, поскольку за это время успела родить второго ребенка).

Эта книга – для тех, кто писал мне, и тех, кто читал молча. Для всех родителей на земле. Для мам и пап², отчимов и мачех, приемных родителей, бабушек и дедушек и всех, кто имеет отношение к заботе о маленьком человеке.

Только не подумайте, пожалуйста, что перед вами очередное пособие по воспитанию. Если вы надеетесь найти здесь советы, как научить младенца засыпать до начала любимого сериала, или практическое руководство по отлучению от груди, лучше выберите что-нибудь с названием вроде «Как вырастить ребенка и не поехать при этом крышей».

Из этой книги вы не узнаете, как растить и развивать детей. Но я надеюсь, что вы, тем не менее, сочтете ее полезной. Я надеюсь, что, прочитав ее, вы поймете: что бы вы ни чувствовали, кто-нибудь в мире сейчас испытывает то же самое.

Вот, пожалуй, и все. Представляю вам рассказ о трех годах своей жизни, на протяжении которых из бездетной женщины я превратилась в мать двух мальчиков. Без купюр и приукрашиваний. Ожидания против реальности. Эмоциональные взлеты и падения в духе «я только что выловила руками какашку из ванной». Беззастенчивая и честная история, которую я сама бы с радостью почитала, когда в три часа ночи в отчаянии листала детские форумы. Я сейчас очень старалась не использовать слово «путешествие», потому что меня дико раздражает, когда люди именуют так любой свой жизненный опыт. Но в каком-то смысле эту книгу действительно можно назвать рассказом о моем путешествии в мир материнства.

Ну что, поехали.

«Порой я вспоминаю, как представляла себя в роли домохозяйки до рождения детей (нечто в стиле 50-х, передник, каблуки, розовощекие ребятишки спокойно играют, пока мы с подругой мирно пьем кофе с домашней выпечкой), а затем смеюсь и продолжаю оттирать чью-то козявку с леггинсов».

Лара, Чорли

² Папам здесь тоже рады, но предупреждаю, некоторые главы будут посвящены недержанию и забитым молочным протокам. – Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, прим. авт.

Часть первая

Что мы наделали?

*«Вряд ли что-нибудь может подготовить вас к суровому испытанию
ночными кормлениями»*

Пока нас было двое

Позвольте немного рассказать о том, как мы жили до рождения ребенка.

Перенесемся в 2009 год.

Я отматываю так далеко назад, потому что 2009-й – это своеобразный апофеоз нашей жизни в додетную эпоху. В том году мы с мужем купили первый дом, оба работали на серьезных взрослых работах. Джеймс трудился на государственной службе, куда стремился долгие годы, а меня только что повысили до менеджера по связям с клиентами в финансовой компании. На деле это означало, что большую часть рабочего дня я колесила между фермами в Дэвоне, но мне это чертовски нравилось.

Мы хорошо работали и неплохо отрывались. Иногда мы заваливались домой в два часа ночи, благоухая алкоголем и кебабами. Оглядываясь назад, я понимаю, что мы должны были отрываться усерднее! Теперь-то уже поздно. Я жалею, что в свое время так и не добралась до Ибицы. Не то чтобы я мечтала упиться до беспамятства на какой-нибудь пенной вечеринке, но тогда я хотя бы *могла* это сделать. Не ценили мы свою свободу...

После бурной рабочей недели мы иногда выбирались на пляж или на какую-нибудь экскурсию (чтобы попить сливочного чаю в кафе по пути назад). Но чаще проводили выходные на диване, заказывали пиццу на дом и лениво потягивали пиво. На заднем плане бубнили спортивные новости, и Джеймс даже мог разобрать, что говорит диктор! Домашние обязанности выполнялись неторопливо и под радио; во время поездок за продуктами мы покупали что хотим и когда хотим, а уборка заключалась в том, чтобы сложить в шкаф разбросанную одежду и для порядка пройтись по комнатам с пылесосом.

Мы были счастливы, а жизнь наша была прекрасна и *размеренна*.

В следующем году мы поженились и начали заплывать в опасные воды, ненавязчиво прощупывая почву. Уверена, к первому Серьезному Разговору нас подтолкнули беседы о лишних спальнях, гаражах и дружелюбных соседях. А поскольку кота мы к тому времени уже нашли (и, не скрою, баловали его, как любимое дитя), Серьезный Разговор мог зайти только на одну тему.

Впереди маячил следующий уровень взрослой жизни.

Не могу точно сказать, кто и когда впервые произнес судьбоносные слова «Давай заведем ребенка», но помню, что решила не пить противозачаточные, и будь что будет. Это только звучит беззаботно – «Будь что будет!» На деле же, как только вы перестаете *избегать* беременности, вы в значительной степени начинаете к ней *стремиться*.

Не знаю, чем объяснить нашу одержимость. Мне в то время было всего двадцать три, так что маятник биологических часов не качался надо мною дамокловым мечом. У нас в запасе было много лет для продолжения рода, но что-то подсказывало нам, что пора. На тот момент мы были вместе уже семь лет, хотя со дня свадьбы прошло всего несколько месяцев. Я встретила будущего мужа в шестнадцать, в ночном клубе в промышленном районе. Да-да, романтика и все такое.

Внезапно я начала повсюду наткаться на коляски с младенцами и беременных с большими животами. Нет, я по-прежнему наслаждалась работой, вином и спокойными пятничными вечерами с едой на вынос, но больше всего на свете мне хотелось стать мамой.

Я думала, это случится очень скоро.

И была жестоко разочарована.

На самом деле после десяти месяцев в режиме «Дорогой, кажется, у меня овуляция. Поставь “Топ Гир” на паузу и поднимись, пожалуйста, наверх» мы слегка приуныли. Все-таки секс раз в два дня с последующим задиранием ног (задирала я, не Джеймс – он-то ни разу не попробовал полежать десять минут с поднятыми ногами, чтобы обмануть гравитацию) кого угодно вгонит в тоску.

А потом на нас вдруг навалились другие заботы: мы продали дом и присмотрели новый, с дополнительной спальней и гаражом. Ура! Это было безумное время, когда нам за пару недель отпуска предстояло упаковать вещи, переехать, а потом еще и отчалить в Грецию на семь дней. В свое оправдание скажу, что отдых на острове Кос я запланировала до того, как на горизонте замаячил переезд. Когда большая часть коробок уже была распакована, но вещи даже близко не лежали на своих местах, пробил час ехать в аэропорт. Я побежала в ванную, потому что, как всегда, отложила эпиляцию на последний момент. Пока набиралась вода, я вдруг *почувствовала*, что приближаются критические дни: ноги болят, низ живота тянет. Вряд ли вас интересуют подробности моего менструального цикла (к концу этой книги вы вообще узнаете обо мне много такого, чего знать не хотели), но я тем не менее скажу, что у меня никогда не было регулярных месячных.

Врачи, кстати, говорили, что наши сложности с зачатием могли быть связаны именно с этим. И самым разумным было просто сунуть в чемодан пачку тампонов – ведь меня ждала неделя в бикини!

Но я почему-то схватила тест на беременность. Не буду утверждать, что предменструальные ощущения в тот день отличались от обычных. Скорее всего, я хотела увидеть одну полоску, чтобы с чистой совестью наслаждаться греческим узо (это такой ликер на анисовой основе). Я даже крикнула Джеймсу, который был внизу: «Кажется, у меня скоро месячные, но я на всякий случай сделаю тест на беременность».

Джеймс поднялся наверх. К тому времени я уже разделась (помните: я собиралась принять ванну) и оторопело взидала на роковую палочку.

– Ну, что там? – спросил Джеймс.

– Две полоски. Положительный. Я беременна. Черт!

– Черт, – согласился Джеймс. – Уверена? Сделай еще один!

– Не могу! Я больше не хочу писать!

Пока я сидела на краю ванной, пытаюсь переварить свалившиеся на меня новости, Джеймс притащил бутылку воды, чтобы я восполнила запасы жидкости в организме. И я сделала еще два теста.

Потому что один мог ошибаться.

Два – еще оставляли место для сомнений.

Но три положительных теста беззастенчиво указывали на то, что *у меня в животе ребенок*.

Господи боже мой, там ребенок!

И мы собирались тащить его или ее на остров Кос, в отель, который оказался самым дрянным из всех, где нам доводилось останавливаться, с ужасным пляжем и отвратительной едой. Добавьте к этому тот факт, что вместо Коса мы могли поехать на чудесную виллу в Тоскане (но не поехали!) и не получили никакого удовольствия от последнего отдыха вдвоем.

Наш паршивый отпуск (я уже говорила, насколько он был паршивым? Я подчеркиваю это, потому что крест на Тоскане поставил Джеймс, решивший сэкономить) спасло лишь знание того, что у нас будет ребенок. Мы провели всю неделю, улыбаясь, как два идиота.

По дороге в аэропорт я скачала на телефон приложение для беременных, и мы выяснили, что срок у меня – семь недель. Я не обращала внимания на задержку, потому что, повторюсь, критические дни никогда не приходили по расписанию. Других симптомов у меня тоже не было, так что я без опаски пила Пино Гриджио и даже не думала принимать фолиевую кислоту. Я клятвенно пообещала исправиться, как только мы вернемся из отпуска, и мысленно запланировала набег на магазин для беременных.

Вскоре мы уже лежали под жарким греческим солнцем, обсуждали имена для ребенка, обои в детской и напоминали друг другу, что не стоит слишком увлекаться, пока мы не убедимся, что все в порядке. Но было поздно – мы больше не могли думать и говорить ни о чем,

кроме нашей маленькой картофелинки. В тот первый раз новость о беременности оказалась чем-то потрясающим. Конечно, она слегка пугала и сбивала с толку, но по большей части приводила в восторг.

Я навсегда запомню наши счастливые загорелые лица и то, как по пути домой из Кардиффа мы поглощали купленные в аэропорту сэндвичи, лучась от самодовольства. Ведь у нас был наш маленький секрет – и мы знали, что наша жизнь скоро изменится.

На самом деле ничегошеньки мы не знали!

Я уже сияю?

Как вам известно, я пишу эти строки, будучи гордой (и порядком вымотанной) матерью двоих детей. Следовательно, восемнадцать месяцев своей жизни я провела, вынашивая в животе человеческих особей. Восемнадцать месяцев – это на двоих, я же не африканская слониха! На самом деле я преклоняюсь перед этими животными: я бы не дожила до конца беременности, продлись она шестьсот сорок дней. Два года терпеть прыжки на мочевом пузыре и отказываться от джина с тоником? Увольте. Тем не менее, восемнадцать беременных месяцев составляют пять процентов моей жизни, и, когда люди участливо интересуются, каково это, я обычно честно отвечаю: «Не очень».

Я правда старалась наслаждаться своим положением! Голова моя была забита мыслями о том, что беременность – благословение, о котором многие пары могут только мечтать. Я считала себя обязанной радоваться и получать удовольствие от своего состояния. При этом я, конечно, знала, что мне повезло сравнительно быстро забеременеть, выносить и родить здоровых детей.

И были моменты, которыми я действительно наслаждалась: новизной ощущений, волшебными первыми пиночками и звуком сердцебиения на приеме у врача. Еще было весело обсуждать имена (правда, зря мы решили поделиться идеями с семьей и друзьями – они дружно воспротивились нашему выбору), ходить на курсы для будущих родителей (мы с Джеймсом честно пытались вести себя как взрослые, когда нам показывали прохождение куклы по родовым каналам, но не смогли), покупать одежду для малыша, красить стены в детской и вставлять в рамочку мою любимую цитату из «Ведьм» Роальда Даля – немного мудрости на стенах никогда не помешает.

Я оба раза искренне восхищалась способностью своего тела вырастить маленького человека.

Но получать удовольствие от *каждого* момента просто-напросто не могла.

Мне довольно быстро осточертело спускать свой ужин в унитаз (не верьте тем, кто говорит про утреннюю тошноту, коварство токсикоза поистине безгранично: он настигает вас в любое время суток). Меня бесконечно раздражал тот факт, что моему мочевому пузырю вдруг стало тесно, поэтому он пытался опорожниться всякий раз, когда я поднималась по лестнице или ворочалась в кровати. Последние шесть недель второй беременности я проваливалась на диване не в состоянии найти удобное положение и пересматривала «Секретные материалы». В довесок к физиологическим «прелестям» моего положения меня невероятно бесили стереотипы и мифы о беременности, которыми со мной щедро делились окружающие (хотя я их об этом не просила!).

– Тошнит? Значит, будет девочка!

Мальчик. Оба раза.

– Первый ребенок всегда сидит до последнего.

Был точен как часы.

– Раз первый вылез вовремя, второй родится еще раньше!

Задержался на неделю.

– Какой огромный живот! Уверена, там настоящий слоненок.

Генри весил три килограмма двести граммов.

Но больше всего меня раздражало всеобщее убеждение, что беременные должны сиять!

Я не сияла.

Но упорно ждала, что вот-вот засияю! Потому что искренне верила в эту легенду (которую вряд ли придумали сами беременные) и с нетерпением выглядывала в себе признаки приближающегося Сияния. Мысленно твердила, что нужно только пережить токсикоз и «дивный»

период, когда живот уже выпирает, но еще непонятно, что ты в положении, и все думают, что ты просто разелась. Ведь потом непременно настанет чудесное время, когда под воздействием гормонов начнет светиться кожа, заблестят густые волосы, и можно будет с гордостью демонстрировать окружающим аккуратный животик в красивом платье для беременных. В нашей семье надолго прижилась шутка «Ну что, я уже сияю?».

Я, блин, так и не засияла!

Вместо этого я блевала, потела и валилась с ног от усталости. Кожа приобрела серый оттенок, и вдобавок меня обсыпало прыщами. Сама себе я напоминала страдающего от похмеля подростка. «Животик», который я наивно собиралась прятать под очаровательным чайным платьем, оказался далеко не единственным, что у меня выросло. Его с готовностью поддерживали подбородок, руки и другие части тела, о которых в приличном обществе не говорят. В каждую беременность я набирала в среднем по двадцать килограмм, хотя, честно говоря, меня это не слишком беспокоило. Есть нечто освободительное в мысли «Ой, да какая разница, еще один кусок морковного торта уже ничего не изменит!».

Но я не сияла. Правда, должна признать, что встречала сияющих будущих мамочек в стильных платьях – следовательно, кому-то везет. Просто я в их число не попала. Ни в одну беременность. И мне совсем не обидно. Ну вот ни капельки.

Из всех стереотипов о беременности, которые я считала «полной чушью», на собственном опыте я испытала два.

Во-первых, Гнездование.

Термин «гнездование» многих вводит в заблуждение, поскольку ассоциируется с избавлением от хлама, украшением дома и активной подготовкой жилища к появлению младенца. В моем случае Гнездование проявилось в форме маниакального стремления к чистоте. Я носилась по дому этаким пузатым ураганом, избавляясь от пыли, въевшейся грязи и посторонних запахов, и оставляла за собой ароматы чистящих средств повышенной яркости.

Я просто не могла ими надыхаться! Я собрала внушительную коллекцию всяких бутылочек и флаконов, а мистер Пропер на время стал героем моих эротических фантазий.

Одержимость чистотой достигла апогея в беременность Джудом. Я натирала кухню до блеска три раза в день – и это было еще самым безобидным ее проявлением! Я надраивала плитку, дезинфицировала посудные шкафы, двигала холодильник, чтобы помыть за ним. Как-то раз я так увлеклась, что во время мытья окон помыла стены *снаружи*, а потом заставила свекра помыть внешние стены на *втором* этаже – бедняга как раз стоял на стремянке и прочищал водосточный желоб. А еще я дважды в неделю просила Джеймса отодвинуть телевизор, потому что у меня никак не получалось протереть за ним пыль, и я не могла успокоиться. Эта чертова пыль сводила меня с ума!

К чести моих близких, никто мне не перечил. Видимо, сумасшедший блеск в глазах недвусмысленно намекал на то, что если они не согласятся, я сама полезу на лестницу/сдвину сорокадюймовый телевизор, и даже восьмимесячное пузо меня не остановит. Допускаю, что мое поведение их слегка пугало. Временами это было забавно, но в целом жизнь со мной превратилась в кошмар. Однажды вечером я поставила фильм на паузу только для того, чтобы снять чехлы с подушек и отнести их в стирку. Потому что нельзя просто взять и привезти ребенка в дом с нестиранными чехлами для подушек! В другой раз Джеймс оставил в холодильнике лазанью, и она чуть-чуть протекла. На только что до блеска натертую полку. По разрушительному эффекту это было сравнимо с атомной бомбой: я прорыдала с полчаса, прежде чем вооружилась тряпкой и заново отдраила холодильник. Бедный Джеймс.

Нет, сейчас-то я прекрасно понимаю, что лить слезы над соусом от лазаньи было, мягко говоря, глупо. Но в тот момент мне это глупым не казалось. Мною двигали глубокие природные инстинкты: я должна очистить гнездо!

Отпустило меня через пару недель после родов. Я наконец прошла через отдел бытовой химии, не приносясь к восхитительным цитрусовым ароматам. И – чтобы закрыть эту тему! – мистер Пропер тоже потерял для меня всякую привлекательность.

Второй моей беременной причудой стал волчий голод. Он настиг меня с младшим ребенком. Со старшим, Генри, все ограничилось помешательством на куриных наггетсах из Макдоналдса. (Впрочем, любовь к ним преследует меня все двадцать девять лет моей жизни, так что я бы не стала оправдывать ее беременностью.) А вот с Джудом, особенно на последних месяцах, меня неудержимо тянуло грызть лед. Я говорю не о напитках со льдом и не о фруктовом льде. Нет, я гредила кубиками льда, доставала их из морозилки и отправляла в рот, хрустя ими, как конфетками M&M's. Закончив с одним лотком, я немедленно замораживала следующий – про запас. Потому что знала: если лед закончится, история с лазаньей покажется детским лепетом! К слову, пристрастие ко льду может свидетельствовать о недостатке железа и часто встречается во время беременности. О чем оно говорило в моем случае – понятия не имею. Сейчас

у меня при одном воспоминании об этом начинают ныть зубы.

Так что моя беременность была не слишком интересной.

Но все равно благословением.

Правда, со своими тараканами.

«Во время беременности я в первый раз пошла в большой магазин игрушек. И услышала в соседнем ряду такой диалог:

– Хочу миньона!

– Я не куплю тебе миньона.

– Но я хочу миньона! Уааааа!

– Да ты даже не знал, кто такие миньоны, пока не увидел его на полке!

Теперь-то я понимаю...»

Мари, Эксетер

Да тужусь я!

Процесс родов всегда казался мне чем-то волшебным. Хотя роды Рэйчел из сериала «Друзья» меня несколько травмировали, позже я стала большим фанатом шоу «Каждую минуту рождается младенец» – и мне не терпелось получить собственный опыт. Не скрою, еще одной причиной моего нетерпения была усталость от токсикоза, необъятного живота и болезненного пристрастия ко льду.

Роды – настоящий ритуал перехода. Каким бы путем ребенок ни появился на свет (через «крышу» или парадный выход), в итоге вы все равно получаете пропуск в Клуб. О, как я мечтала о значке «Я родила», чтобы с гордостью надевать его в детские группы и обмениваться понимающими улыбками с мамами других крошечных (или не слишком крошечных) младенцев.

Что ж, теперь у меня в копилке есть две истории о родах, и на вопросы «Как оно прошло?» и «Это было ужасно?» я честно отвечаю: «Все зависит от того, про какого ребенка вы спрашиваете». Откровенно говоря, я не уверена, что моих детей рожала одна и та же женщина.

Если бы я писала эту главу сразу после появления Генри, она получилась бы довольно позитивной. Если бы мне подсунили клавиатуру после Джуда, я бы ограничилась парой весьма резких выражений (а то и одним: «Срань господня!»). Это ставит меня в затруднительное положение. О чем лучше рассказать? Чем поделиться, если я до сих пор не разобралась в своих чувствах?

Подумав, я решила честно написать о рождении обоих сыновей. А потом поделиться своими мыслями по поводу. Приступим?

Рождение Генри

Роды ожидались тринадцатого февраля, но Генри, видимо, был не в курсе. Поэтому в больницу мы поехали четырнадцатого, то есть в День святого Валентина. Все начиналось довольно мирно: Джеймс отслеживал периодичность схваток при помощи приложения на айфоне, а я скакала на гимнастическом мяче, краем глаза следя за утренними новостями. Мы снова и снова проверяли, все ли положили в сумку для больницы. Кажется, я ее раз десять переупаковывала, поскольку то и дело вспоминала советы из Интернета «нужно положить две пачки послеродовых прокладок» или что-нибудь в этом духе. Потом у меня наконец отошла пробка (звучит забавно, но в реальности довольно мерзко). Желая убедиться, что это действительно она, я показала пробку Джеймсу – и тот вполне ожидаемо скривился от отвращения. В течение часа после этого – как раз закончились новости – у меня отошли воды.

До сих пор все шло по учебнику, но потом меня начало тошнить. Джеймс додумался сказать, что не стоит пачкать рвотой новый диван, за что был вознагражден убийственным взглядом. Я тут собираюсь произвести на свет его трехкилограммового отпрыска, а он мне что-то про диваны талдычит! Чтобы добавить моменту остроты, я заметила, что цвет у вод, которые продолжали изливаться, какой-то подозрительный.

– Кажется, ребенок туда покакал. На курсах говорили, что такое возможно.

В итоге я не слишком удивилась, когда из родильного отделения (которое мы выбирали долго и тщательно, желая, чтобы малыш появился на свет максимально естественным путем с минимальным медицинским вмешательством) нас отправили прямиком в интенсивную терапию.

Помимо демарша, учиненного младенцем в утробе, врачей изрядно беспокоило давление, которое било рекорды. После первого осмотра мне поставили диагноз: преэклампсия.

Только этого не хватало.

Преэклампсия – штука серьезная. В палату набилась куча врачей, которые принялись сосредоточенно хмурить брови. Схватки усилились до такой степени, что уже мешали обсуждать с Джеймсом, какие закуски он положил в собственную больничную сумку (да, у нас была и такая). В остальном я чувствовала, что все идет как надо – и куда лучше, чем я ожидала. Через пару часов меня обезболили (тысяча благодарностей гению, который придумал эпидуральную анестезию), потом мне показалось, что я обделаюсь прямо на больничной койке, – и вуаля, младенец Генри появился на свет вполне естественным путем. Если бы про меня снимали эпизод «Каждую минуту рождается младенец», я бы, наверное, гордилась собой.

– Ты молодец, детка! – воскликнул тогда Джеймс. Что правда, то правда – я действительно показала себя молодцом. Держала себя в руках и после говорила любопытствующим друзьям, что «все было не так плохо!..»

Рождение Джуда

Два года и семь месяцев спустя состоялись вторые роды, обернувшиеся полной катастрофой. Если бы в первый раз меня наградили медалью «За собранность и хладнокровие», то во второй с позором бы ее лишили. С Джудом мне совсем не хотелось оказаться героиней шоу про рожениц: я была именно той женщиной, про которую ты думаешь, сидя на диване и потягивая чай: «Ради бога, дамочка, соберись уже!»

Я и в самом деле растерялась.

Даже не знаю, когда все пошло по... наклонной, потому что, в отличие от первых родов, я чувствовала себя хорошо. У меня не скакало давление, мне не грозили судороги и потеря сознания, и в больнице все вели себя спокойно. Кроме меня.

Скажу честно: я купилась на всю эту чушь, что вторые роды легче первых. И была совершенно не готова к тому, что они могут оказаться сложнее. Я не сомневалась, что рожу второго сына и глазом не моргнув. Реальность приготовила для меня не самый приятный сюрприз. На то, чтобы родиться, у Джуда ушло в два раза больше времени, чем у его брата. И на сей раз процесс был куда болезненнее. Уравновешенная женщина из фильма «Роды. Часть I», видимо, решила не сниматься в сиквеле и прислала вместо себя невменяемую сестру-близняшку.

В случае с Джудом свои впечатления о родах Джеймс подытожил фразой: «Тебе просто башню сорвало. Никогда тебя такой не видел». Чем изрядно сбил лоск с предыдущего триумфального «Ты молодец, детка!».

На протяжении всех родов меня швыряло от истерики к отрешенности и обратно. Я залезла в ванную, ожидая спокойного родоразрешения в воде, но меньше чем через час вывалилась обратно, сварливо требуя что-нибудь «более действенное»! Когда Джеймс на свою беду предположил, что мне следовало посидеть в ванной подольше, я, кажется, пообещала его самого туда запихнуть.

Я немного подышала кислородом, потом отшвырнула маску, чтобы тоскливо застонать. Я хотела эпидуралку. Меня отговорили от эпидуралки. Чудесная (и чертовски терпеливая) акушерка (Триш, вроде бы ее звали Триш; во всяком случае, мы к ней так обращались) объяснила, что ребенок уже на подходе, осталось потерпеть всего час или два, а анестезия может замедлить роды. Тогда нам придется остаться в больнице еще на день. Джеймс согласился с акушеркой: мне нужно чуть-чуть продержаться, и мы наконец встретимся с малышом.

На помощь пришел диаморфин. Мне вкололи две дозы, и я стала сонной и вялой. К тому времени я не спала уже двадцать четыре часа и так вымоталась, что вырубалась между схватками (не переставая стонать, как раненое животное). Джеймс утверждает, что в какой-то момент я на несколько часов ушла в себя и молча раскачивалась на кровати, лишь изредка поглядывая на него и бедную Триш. Ну и что?! В свою защиту могу сказать, что я с ума сходила

от боли, и мне действительно хотелось умереть. Схватки ослабевали из-за низкого сахара в крови. Мне предлагали попить чего-нибудь сладкого. Я отказывалась.

Апофеоз наступил, когда раскрытие достигло десяти сантиметров, и я устроила самую бессмысленную забастовку в своей жизни. Я отказалась тужиться.

– Хочу эпидуралку! – вопила я, ни к кому конкретно не обращаясь. Никто, собственно, и не обращал внимания на мои крики, потому как этот поезд ушел еще пять сантиметров назад.

– Хочу кесарево! – не унималась я.

– Хочу умереть!

Ага.

Все забеспокоились. Даже Триш (непоколебимая Триш!) ругнулась.

Если верить Джеймсу, потом я начала притворяться, что тужусь, бормоча «Да тужусь я!» – и при этом беззастенчиво саботируя процесс. В конце концов меня подловили и заставили работать на совесть. Три часа спустя, после знакомого ощущения, что я пытаюсь выдавить через задний проход пушечное ядро, на свет появился малыш Джуд.

Какое облегчение.

Помню, я заворачивала сына в пеленку и думала, какой он розовый и очаровательный, словно это не его мать только что пыталась увильнуть от родов. Я была на седьмом небе от счастья, что все закончилось.

А потом застряла плацента.

Святая капибара, я даже не знала, что такое возможно! В телешоу плацента никогда не застревает. Про нее вообще говорят по телевизору? Я ни разу не видела, как героине после родов задирают ноги и делают укол, чтобы извлечь на свет нечто похожее на ската (если вы можете представить ската цвета сырого мяса). Я в жизни не слышала, чтобы у кого-то застряла плацента. Но моя умудрилась. Уже зашла речь о спинальной анестезии и поездке в операционную, когда один из врачей наконец преуспел там, где спасовали другие. Не буду описывать, что именно он делал, но Джеймс, наблюдавший за процессом, выразил свои впечатления одним словом – «жесть». Так что, думаю, суть вы уловили.

Вот тогда все действительно закончилось. Нам принесли чаю с тостами, мы сидели и любовались прекрасным свертком, который посапывал в кювезе. У малыша тогда еще не было имени (хотя я думала назвать его Уилф). Потом я на подкашивающихся ногах доковыляла до душа, мы с мужем несколько раз обменялись впечатлениями (в основном в формате: «Это было ужасно? – Ты себе не представляешь, как!») и наконец вышли из больницы навстречу новой жизни, в которой нас было уже четверо.

Через несколько месяцев я начала смеяться над своими катастрофическими родами («Наверное, в больнице до сих пор меня вспоминают», «Зовите меня Женщина с Упрямой Плацентой»), но правда в том, что долгое время я старалась о них вообще не думать. Мучительный, не побоюсь этого слова, опыт с Джудом, к несчастью, затмил легкость рождения Генри. Я больше не смотрю шоу про роды, но если случайно наткнусь на серию, уже не буду укоризненно качать головой при виде растерявшейся роженицы. Теперь я и сама понимаю, каково это. Они не ведут себя глупо, они просто не знают, как быть.

Размышляя на свежую голову о том, что бы я сделала иначе, если бы решилась на третьего (притормози, Джеймс, это размышления из разряда «Что бы я сделала, если бы выиграла в лотерею»), я додумалась вот до чего.

Во-первых, я бы изучила гипнороды. Я читала о них потрясающие вещи. Как мне кажется, суть гипнородов как раз в том, чтобы чувствовать себя хозяйкой положения и не терять контроль (а именно это со мной и произошло). Должна же быть причина, по которой знаменитые и не очень мамочки сходят с ума по гипнородам, и если бы я снова забеременела, то не обошла бы вниманием этот вопрос. В конце концов, не попробуешь – не узнаешь.

Во-вторых, если мне снова будет так больно, я буду настаивать на эпидуральной анестезии. Каждый сантиметр моего тела корчился от боли, и я очень жалела, что мне не сделали волшебный укол. Да, я прекрасно знаю о преимуществах естественных родов, но, оказываясь, вполне способна смириться с небольшим медицинским вмешательством. И мне ничуть не стыдно: роженицам не выдают призы за то, что они обошлись без анестезии. И если я когда-нибудь увижу на тесте две полоски, то сразу подпишусь на эпидуралку. Шучу. Или нет.

За последние пару лет я прочитала множество историй о родах. Некоторые были пугающими и заканчивались экстренным кесаревым сечением; некоторые – настолько быстрыми, что младенцы выскакивали из материнской утробы в каретах «скорой помощи» или на больничной парковке. Чем больше я читала, тем сильнее убеждалась, что двух одинаковых родов не бывает. Каждые роды уникальны, как уникальна каждая женщина. Более того, одна и та же женщина (включая меня) в разных ситуациях будет вести себя по-разному. Я не хочу вспоминать о рождении Джуда прежде всего потому, что мне стыдно. Одно дело – раскачиваться на четвереньках, выставив напоказ свое неглиже, и совсем другое – раскачиваться на четвереньках и в панике выкрикивать ругательства (не забываем про неглиже). Впрочем, вряд ли я была первой перепуганной женщиной на памяти акушеров, так что не стоит чересчур корить себя, дамы. Со всеми случается.

Хотя если ты сейчас читаешь это, Триш, прости меня! За то, что рычала на тебя, кричала и даже стукнула по руке, когда ты пыталась проверить сердцебиение младенца при помощи доплера. В общем, прости, что я была такой засранкой. И спасибо, что, несмотря на мое отвратительное поведение, ты помогла появиться на свет чудесному малышу, который теперь не такой уж малыш. Ты делаешь невероятную работу. Огромное спасибо тебе и всем акушеркам!

Когда он успел проголодаться?!

Вряд ли что-нибудь может подготовить вас к суровому испытанию ночными кормлениями. В общем-то, беспрестанные дневные кормления – тоже не сахар (через пару часов после возвращения из больницы я пришла к выводу, что отныне моя жизнь будет посвящена исключительно производству молока), но ночные кормления – это нечто. Выражаясь точнее, нечто ужасное. Будучи мамой неопытной, я старательно убеждала себя, что в течение дня досплю то, что не доспала ночью. Господи, да я понятия не имела, о чем говорю! Проблема не только в недостатке сна; проблема в том, что в течение ночи вам снова и снова приходится совершать одни и те же раздражающие действия – и счастье, если между ними удастся урвать хоть десять минут забытья. Покормить, сменить подгузник, проветрить хозяйство, стереть отрыжку, сменить пеленку, снова сменить подгузник... Помню, как-то ночью, во время очередного кормления, я слепо таращилась в потолок и думала, можно ли умереть от недосыпа. В конце концов я пришла к выводу, что очень даже можно – и скоро я именно это и сделаю. Мне казалось, что одна из функций сна – подавлять мрачные сущности, тающиеся в подсознании, и его отсутствие непременно приведет к тому, что мистер Хайд познакомится с мистером Джекиллом. Как же я хотела спать! Прежде я никогда не понимала смысла выражения «Я бы отдала правую руку за...» – но, доведенная недосыпом до отчаяния, была готова отдать уже и правую ногу.

В попытке отвоевать четыре часа полноценного сна (когда четыре часа стали считаться полноценным сном? Когда?!) мы с Джеймсом прибегли к помощи белого шума. Для начала мы скачали целый альбом фоновых шумов. Когда стало совсем плохо, кинулись на Амазон, который предлагает массу чудесных товаров, призванных убаюкать вашего младенца. Там мы приобрели плюшевого медведя с проигрывателем белого шума. В каком-то смысле он помог: мы засыпали, положив его посередине, и беззастенчиво мутузили, когда становилось ясно, что ребенок все равно не уснет. Засыпание под нежную симфонию ветра и морских волн стало нормой для нашего семейства. По ночам, после смены очередного подгузника, мы нередко обсуждали в полудреме любимые композиции: «Переключи на следующую, мне больше нравится “Дождь в лесу”». Кажется, мы дошли до ручки.

Вы будете изо всех сил надеяться, что станет легче. Обязательно станет, но до тех пор вы успеете пройти через пять стадий отчаяния.

Ночные кормления: пять стадий отчаяния

1. Надежда

Малыш медленно засыпает с плюшевым кроликом под боком. Под мерный белый шум вы позволяете себе помечтать, что сегодня ночью все будет по-другому.

2. Отрицание

Вы закрыли глаза всего пять минут назад, и малыш проснулся. Нет, этого просто *не может быть*. Не обращая внимания на отчаянный плач, вы лупите штукину, производящую белый шум, в бесплодной попытке отсрочить неминуемое. Вы и сами понимаете, что это бессмысленно, но не можете смириться с тем фактом, что ребенка нужно покормить. Опять. «Пожалуйста, спи», – шепчете вы, ни к кому конкретно не обращаясь. И тихо всхлипываете.

3. Торг

Ребенок проснулся, окончательно и бесповоротно. С этим уже не поспоришь. Он докричался до цвета спелой свеклы – и половина улицы в курсе, что он не спит. Но вы лежите неподвижно и при помощи языка тела отправляете мужу недвусмысленное послание: «Я сплю. И

вставать не собираюсь». Вы мысленно молитесь о том, чтобы он проснулся. Но драгоценный супруг даже не чешется. Замечательно. Иногда вы лежите просто для вида, поскольку все равно собирались в туалет, так что битва была проиграна еще до ее начала.

4. Гнев

Вы включаете ночник, «случайно» пинаете мужа по ребрам и вопрошаете: «Когда он успел проголодаться?! Он что, издевается? Это невозможно! Просто *невозможно!*» Извлекаете младенца из колыбели и (с громким вздохом!) прикладываете к груди. Если муж все-таки соизволит проснуться, скорее всего, он услышит что-то вроде «Второго – никогда!» или, если дело зашло слишком далеко: «О чем мы думали, когда решились на второго?!» / «Я ненавижу свою жизнь». Если муж продолжит сопеть в две дырочки, время от времени сладко похрапывая, вы будете сверлить его взглядом, с трудом сдерживая желание хорошенько ему врезать.

5. Раскаяние

Малыш улыбается. Вы уже мысленно закончили подписывать бумаги о разводе, и вдруг ваш кроха начинает лепетать и курлыкать. На вас моментально накатывает безудержное чувство вины. Как вы могли упрекать это чудо в том, что он разрушил вашу жизнь? И называть его всякими нехорошими словами? Вы продолжаете кормить и шепчете малышу: «Тише, тише. Все хорошо. Тебе вкусно? Нравится молочко?» – попутно размышляя о том, какая вы ужасная мать. С трудом разлепляя глаза, вы начинаете искать женские форумы, где другие мамы признаются, что под гнетом недосыпа тоже обзывают своих детей. Не найдя ни одного (еще бы!), окончательно убеждаетесь, что вы – ошибка природы, которой не стоило рожать.

Ночная феерия достигает апогея, когда протекает подгузник с «большим делом». Сменив белье, вы забываетесь сладким пяти-десятиминутным сном – чтобы затем снова пройти через пять стадий отчаяния...

Должна признать, что Джеймс не дезертировал с полей ночных бдений. Просто мы с самого начала договорились, что главный удар я приму на себя – в конце концов, у меня декретный «отпуск», а ему утром еще на работу ехать. За рулем. И я совсем не завидовала тому, что он каждый будний день сбегает из дома. Ну вот ни чуточки...

Люди по-разному воспринимают ночные кормления: некоторым они даются менее болезненно, некоторым более. Мне давали вполне разумные советы, например: «Станет легче» (и действительно стало), «Это не навсегда» (что правда, то правда) и «Просто переживи эту ночь» (а ничего другого мне и не оставалось). Тем не менее, нашлись и те, кто пытался убедить меня, будто я непременно должна ценить эти волшебные моменты. Скажу прямо: вы не обязаны их ценить. И наслаждаться ими тоже не обязаны. Вполне возможно, где-то между отчаянным недосыпом и истерикой притаится островок спокойствия, когда вы действительно поймаете волшебный момент и почувствуете, что во всем спящем мире есть только вы с малышом. Не исключено, что в эти минуты ваша незримая связь с ребенком укрепитя. А может, и нет. Я, во всяком случае, предпочла бы укреплять ее днем. Я никогда не злилась на своих мальчишек за то, что они будили меня посреди ночи. То есть злилась, конечно, и даже по-всякому их обзывала, но в целом я прекрасно понимала, почему они просыпаются. Младенцам нужно много еды, и я никогда не рассчитывала, что они будут спать по двенадцать часов в сутки. Я знала, что ночные кормления неизбежны – этот момент материнства меня ничуть не удивил, в отличие от многих других. Но легче от этого не стало. «Это время никогда не вернется», – предупреждали меня сердобольные советчики, когда я жаловалась, что засыпаю на ходу.

«И слава богу!» – думала я.

Если вы читаете это, будучи новоиспеченными родителями (или у вас все еще впереди), знайте – я не собираюсь вешать вам лапшу на уши, обещая что-то конкретное. Рождение

ребенка можно сравнить с покупкой подержанного автомобиля: вы добровольно принимаете участие в лотерее, где выигрыш не зависит от ваших усилий, а потом просто надеетесь на лучшее. Я знаю людей, чей ребенок просыпался по ночам до трех лет – и тех, чей младенец сладко спал с вечера и до утра уже в три недели. Нам не слишком повезло в первый раз (Генри очень долго просыпался каждый час, чем едва не свел меня с ума), зато мы сорвали джекпот с Джудом. Этот мальчик просто любит спать, хотя с ним мы применяли те же «усыпляющие» стратегии, что и с его старшим братом. Единственное, о чем я хочу вас предупредить: вступая в олимпийские соревнования Яжематерей (основные дисциплины: чей младенец дольше спит, кто первый научился держать голову, кто первый хлопнул в ладоши, кто первый зевнул), помните: у всех свое понимание того, что значит «спать всю ночь». Мне как-то довелось пообщаться с мамой, которая утверждала, что ее дочка спит всю ночь, хотя ей едва исполнился месяц. Каюсь, мне очень хотелось ее пнуть (маму, не ребенка).

Но потом выяснилось, что «всю ночь» означает с полуночи и до пяти утра («В полночь мы ложимся, а в пять уже подъем!»). Каким же оптимистом нужно быть, чтобы называть это «спит всю ночь»? Впрочем, после этого признания мне уже не хотелось ее пнуть. Ну, если только чуть-чуть. В нашем с Джеймсом представлении «спит всю ночь» означало с семи вечера до семи утра (плюс-минус час).

Так что цельтесь в луну, друзья.

«Став мамой в первый раз, я испытала, наверное, сильнейшее потрясение в жизни. Я работала учительницей в средней школе и наивно полагала, что справлюсь без труда. Ведь что такое младенец по сравнению с тридцатью подростками, которые не желают учиться? Как же я ошибалась... Падая с ног после очередной полубессонной ночи, тщетно пытаясь наладить грудное вскармливание и попутно восстанавливаясь после кесарева сечения, я просто не могла поверить, что сознательно обрекла себя на это. Я ненавидела себя за то, что стала мамой, – и ела себя поедом за эту ненависть».

Аноним

Взлеты и падения грудного вскармливания

У каждой мамы своя история и собственный уникальный опыт. Во время первой беременности пособия по кормлению грудью казались мне довольно забавными: справочная информация в них перемежалась предупреждениями о мастите и картинками из восьмидесятых, призванными объяснить, как правильно прикладывать ребенка. Но когда мне в руки сунули новорожденного младенца, который хищно присасывался ко всему, включая волосатую грудь отца, я вдруг поняла, что нужно было внимательнее читать те буклеты. Я была прекрасно осведомлена о пользе грудного вскармливания для мамы и ребенка, а также для семейного бюджета, но мне хотелось приобщиться к личному, неотредактированному опыту других матерей. Что представляет собой грудное вскармливание на самом деле? Теперь этот опыт имеется у меня аж в двойном размере.

Поначалу это сложно

В первые дни кормление грудью порядком меня выматывало. Собственно, первые недели – это потрясение для всего организма, и маленький человечек, готовый висеть на тебе целую вечность, ситуацию не облегчает. «Кормление по требованию» прекрасно, когда «требуют» не слишком часто, а я два месяца после родов чувствовала себя каким-то молочным рабом. Генри присасывался к груди на час только для того, чтобы минут через сорок... присосаться еще на час. В какой-то момент кормления так меня измотали, что я достигла точки невозврата. Я смеялась, и плакала, и говорила Джеймсу, что наш ребенок – молочный пьяница. Добавим к этому массу неприятных ощущений – поначалу кормление грудью может быть очень болезненным. Я мазала соски кремом, предлагала Генри сосать через накладку и пробовала самые разные способы прикладывания (и снова спасибо буклетам). Таких затейливых поз наш диван еще не видел!

Я вызвала консультанта по грудному вскармливанию, которая посоветовала воспринимать каждое кормление как полноценный обед. Первая грудь будет закуской и главным блюдом, а если ребенок не наестся, можно предложить вторую в качестве десерта. Совет на самом деле был толковым, но я уже дошла до того состояния, когда мне просто хотелось на всех орать. Мое существование свелось к сидению на диване с грудью наголо – и смириться с этим было, мягко говоря, непросто. Мне казалось, что жизнь обошлась со мной крайне несправедливо: я взрослая, самостоятельная женщина, так почему моему мужу приходится резать еду на мелкие кусочки, чтобы я успела закинуть в рот хоть что-нибудь, прежде чем в нашем доме снова прозвучит роковое: «Кажется, он опять проголодался». Аааа-ргх!

А еще это удобно

Впрочем, довольно часто я радовалась, что кормлю грудью. Слава сиськам! Благодаря им мне, усталой, всклоченной маме-зомби, не нужно было волноваться хотя бы о бутылочках и смеси. Куда бы мы ни пошли, грудь всегда со мной. А в ней – молоко. Не слишком горячее, не слишком холодное, как раз нужной температуры. У-блин-ра! Грудь стала для меня чем-то вроде любимого оружия, которое я всегда ношу в кобуре. Однажды в поезде младенец Джуд вознамерился устроить представление с громкими звуковыми эффектами, а я невозмутимо отстегнула лифчик и всучила ему грудь, не отвлекаясь от интересной статьи в журнале. Да, это был один из тех моментов, когда я подумала: «Слава богу, что мы на ГВ». Другой аргумент за кормление грудью явился нам во всей красе, когда мы перешли на бутылочки. Как-то суб-

ботним вечером мы обнаружили, что в доме заканчивается смесь («Ты говорил, что купишь! – Нет, ты должна была купить!»). Помимо того, что грудь всегда под рукой, молоко в ней еще и бесплатное, а смесь влетает в копеечку. Если это не делает грудное вскармливание невероятным, то я даже не знаю, что еще сказать.

Это довольно интересный опыт...

На курсах для будущих родителей вам обязательно расскажут про электрические и ручные молокоотсосы, но на деле процесс сцеживания оказался куда утомительнее, чем я могла представить. Должна признаться, я сцеживалась довольно часто, потому как хотела, чтобы Джеймс взял на себя часть кормлений. Не сказать, чтобы мне не нравилось кормить грудью... Но и особого восторга я, как вы могли понять, не испытывала. У меня не получалось наслаждаться процессом, как наслаждаются им некоторые мамы, но я уже давно примирилась с этим постыдным фактом своей биографии. Как и со многими другими. Я считала, что от кормления из бутылочки все в нашей семье только выиграют, так что мне не терпелось распаковать молокоотсос и разделить эту «радость» с мужем. Электрические молокоотсосы – гениальное изобретение, но, господи боже, как же нелепо я себя чувствовала. Я сидела на диване, закрепив на одном соске помпу и подложив под другой пластиковый контейнер, чтобы ловить вытекавшее оттуда молоко (вторая грудь никак не могла сообразить, что пока не ее очередь сцеживаться). До рождения Генри я три года работала в компании, которая занималась аппаратным обеспечением сельскохозяйственных предприятий. В том числе нам приходилось иметь дело с доильными машинами. После регулярного использования молокоотсоса я прониклась искренним уважением к коровам. А Джеймс часто шутил о том, что теперь видит меня топлесс куда чаще, чем в самые бурные времена наших отношений. Заходя в гостиную, он по привычке восклицал «О, снова вы!» – и имел на то полное право. Мне так часто приходилось вытаскивать грудь наружу, что иногда я не утруждала себя запихиванием ее обратно.

А потом случилось Происшествие – связанный с ГВ эпизод, от которого мы с мужем, наверное, так и не оправились. Однажды утром я проснулась с грудями, раздувшимися, как два воздушных шара. Меня лихорадило, и я испугалась, что мастит уже на подходе. Раньше, если грудь разбухала и появлялись уплотнения, я аккуратно массировала их, чтобы размять закупоренные молочные протоки. Иногда помогало приложить к груди ребенка, который, правда, не без труда «надевался» ртом на раздувшийся сосок. Но в тот день 2012 года я быстро поняла, что своими силами не справлюсь. Когда массаж уплотнений не помог, я позвала на помощь Джеймса. Уверена, предлагая мне выйти за него замуж, он не представлял, что однажды я попрошу его исполнить супружеский долг таким способом.

Зайдя в комнату, он обнаружил меня сидящей на кровати в одних трусах в окружении полотенец и теплых фланелек. Груды мои к тому времени уже сделали бы честь Памеле Андерсон (если бы у нее вскипел и сбился в комочки силикон).

– Тебе придется расцедить меня вручную, – мрачно сообщила я мужу.

– Шутишь? – недоверчиво спросил он.

– Нет, мне действительно нужна помощь. У меня не получается нормально обхватить грудь, а молокоотсос не цепляется на сосок, его слишком раздуло. И мне очень больно.

– Вот блин. Хорошо.

После этого Джеймс сел на кровать – и подоил меня. В этом не было ничего сексуального (потому что в лактации вообще нет ничего сексуального³), но я испытала огромное облегчение.

³ Должна заметить, поисковые запросы по ключевым словам в моем блоге указывают на то, что многие почему-то придерживаются обратного мнения. Что ж, человек, которого привел ко мне запрос «секс+душ из грудного молока», прости, что разочаровала!

Два полотенца промокли насквозь, прежде чем мои груди вернулись в нормальное состояние, а мы наконец дали друг другу «пять» и пошли на кухню пить чай. Потому что это и есть настоящий брак – в болезни, в здравии и в самой нелепой ситуации.

Одежда для кормящих не всем к лицу

Многие кормящие мамочки непостижимым образом умудряются выглядеть так, будто они не махнули рукой на свою жизнь в целом и внешний вид в частности. Действительно, в наши дни даже в дорогих бутиках можно найти одежду с доступом к груди (благо комбинезоны опять в моде). Но у меня, признаюсь, всегда было плохо с воображением, когда дело касалось одежды, и кормление грудью несколько не упростило задачу. Иногда мне просто хотелось выбрать наряд, не думая о том, как в нем покормить ребенка, и наконец надеть что-либо другое вместо свободных маек, платьев-трансформеров, туник на пуговицах или свитеров с «потайными» карманами (не обольщайтесь, они ни разу не «потайные» – я за милю могу распознать очередную кофту для кормящих). Порой подтекающее молоко доводило меня до белого каления; мне хотелось зашвырнуть куда подальше осточертевшую прокладку для лифчика, которая вечно сбивалась между ночными кормлениями, отчего я снова и снова просыпалась в луже. Честно говоря, я почти забыла о «молочных заплывах» и скудном гардеробе, пока недавно родившая подруга не написала мне эсэмэс, что ей надоело втискивать раздувшиеся груди в очередной «сиськокрой» (!) и «пахнуть, как старый холодильник». Может, она и резка в выражениях, но я, пожалуй, с ней соглашусь.

Иногда ничего не получается

В наше время мам активно призывают кормить грудью. Учитывая все преимущества грудного вскармливания, я понимаю, почему это так важно. Иногда опытная пара рук и глаз (в лице консультанта или подруги) помогают разобраться с проблемами прикладывания и справиться с синдромом вечно голодного младенца (кажется, для этого есть специальный термин – «лактационный кризис», и причина в большинстве случаев одна – резкий скачок роста). Порой для того, чтобы наладить ГВ, достаточно ободряющего «Не сдавайся, дальше будет легче».

Но мне пишут множество отчаявшихся мам; они кормят, невзирая на недостаток молока и мучительную боль от растрескавшихся сосков, потому что им кажется дикой сама мысль о том, чтобы отказаться от ГВ. Им столько раз говорили «Не сдавайся, дальше будет легче!», что теперь они не допускают даже мысли о том, чтобы отступить. Какими матерями они будут, если признают поражение?

Я обещала честно рассказывать о своем опыте и отношении к материнству, и не думаю, что трудности грудного вскармливания должны быть исключением. На самом деле эта проблема – как слон в комнате, которого все видят, но притворяются, будто его здесь нет. Даже когда я пишу эти строки, пресловутый воображаемый слон укоризненно качает хоботом: «Что значит: кормление грудью – не всегда лучший вариант?!»

Я сама кормила обоих сыновей, и в каком-то смысле я – фанат грудного вскармливания. Так что я вам горячо советую – попробуйте. Но если вы читаете эти строки, когда у вас ничего не получается, и они вас больно задевают, то скажу еще вот что: отказ от грудного вскармливания – ни в коем случае не конец света.

Ничего страшного, если вы хотите/вынуждены перевести ребенка на смесь или кормить из бутылочки. Это никак вас не характеризует. Мамы заслуживают лучшего и иногда должны выбирать то, что хорошо в первую очередь для них. Уверена, даже слон бы с этим согласился.

«Я носила этого ребенка под сердцем девять месяцев, я полюбила его в тот же миг, как узнала, что он у меня будет, все мои мысли были только о нем и его благополучии. Я твердила себе: принимай витамины, не пей, не кури, питайся правильно, делай упражнения, делай то, что лучше для ребенка, лучше для ребенка, лучше для ребенка!

Долго это будет продолжаться?!»

Сьюки, Киренчестер

Черт, мне нужны друзья среди мам

Когда родился Генри, мне особо не с кем было поделиться переживаниями. Подруги по школе/университету/работе еще не успели обзавестись детьми (беззаботные засранки!), а сестра, у которой на то время был «всего один» ребенок, жила в ста милях от меня. (Кстати, надо похвалить себя за выдержку: пока не родился Джуд, я умудрилась никому не врезать за фразу «всего один ребенок». Чтоб вы знали, даже с одним бывает очень тяжело, а порой и одного слишком много.) Моя лучшая подруга забеременела на пять месяцев позже, но до нее было четыре часа на машине. Так что она тоже выпадала из категории «забежать на чай и поболтать между делом».

Мне совсем не улыбалось в одиночестве блуждать по Острову Родительства, о который разбился корабль моей жизни. С той самой секунды, когда тест на беременность подтвердил мои подозрения перед отлетом в паршивый отель (да, Джеймс, если ты это читаешь, я ехидно ухмыляюсь), я поняла, что мне придется искать новых друзей. Откровенно говоря, перспектива заводить подруг среди мамочек меня не слишком вдохновляла. Я всегда сторонилась девчачьих компаний, и на работе мне было куда проще общаться с коллегами мужского пола. Так что, если не считать подружек из школы и университета, после двадцати я в основном дружила с парнями. С ними, конечно, здорово потусить после работы и поболтать про онлайн-свидания (их, не мои), но вот швы от эпизиотомии и крем для сосков в такой компании уже не обсуждишь. Блин. У меня впереди маячил ребенок, и мне срочно требовалось найти приятельниц. Вот только где же их взять?

Насколько я знала, удобнее всего это делать на специальных курсах для будущих родителей под эгидой NCT⁴. Моя сестра именно так и поступила, да я и сама читала об этих группах: вы встречаетесь с будущими мамами, которые собираются родить примерно в то же время, и продолжаете общаться уже после

появления детей. Где-то в Фейсбуке я даже наткнулась на фотографию: младенцы, лежащие на коврике для пикника, и подпись «Наша NCT-команда» (кажется, рядом я заметила нескольких скучающих пап, которых тоже вытащили на это «увлекательное» мероприятие). Что ж, для меня это звучало крайне заманчиво. Значит, нужно искать курсы NCT! Но когда пришло время электронной записи, я обнаружила, что в нашем районе их попросту нет. Ну что за невезение?! Мне что, придется заводить подруг по старинке? Подходить к незнакомым мамам и надеяться, что одна из них согласится стать моей «мамодружкой»? Обычные курсы для будущих родителей, которые посещали мы с мужем, были ориентированы скорее на практику и просвещение, чем на общение и сплочение участников. Если мы не наблюдали за тем, как кукла проходит через родовые пути, то разглядывали хирургические щипцы или болтали про послеродовые прокладки. Да, мы приветливо улыбались другим родителям, но никто не предлагал обменяться электронной почтой или организовать пикник для малышей, родившихся в феврале. Я сильно сомневалась, что когда-либо еще увижу этих людей. Оставалось надеяться, что в конце концов меня примут в какую-нибудь группу мам, где я разживусь парой-тройкой телефонных номеров. Эта перспектива живо напомнила мне всякие рабочие мероприятия по укреплению деловых связей – только меньше строгих юбок и больше леггинсов и спортивных штанов.

К рождению Генри я уже мысленно настроилась на активный поиск друзей. Четыре недели спустя, когда Джеймс вышел на работу, я решила записаться сразу в несколько групп. Группа малышей, группа по грудному вскармливанию, семинар «останься и поиграй» после

⁴ National Childbirth Trust – британская благотворительная организация, которая в том числе организует курсы для будущих родителей. – *Прим. перев.*

посещения детского врача... Надо попробовать все, терять-то нечего! Так я и поступила. Потратив два часа на лихорадочные сборы («Только не говори, что ты снова покакал... Да сколько можно!»), я мчалась на встречи с другими мамами – с ребенком наперевес и улыбкой на лице. Порой эта улыбка выдавала скорее растерянность, нежели радость от встречи. Я практически влетала в муниципалитет, где проходили собрания, тараня двойные двери коляской, и обнаруживала, что явилась посреди разговора. Не слишком изящно лавируя между всевозможными сенсорными игрушками, я плюхалась рядом с кем-нибудь на стул и надеялась незаметно влиться в компанию. Где, на секундочку, не было никаких мужчин – то есть мне впервые в жизни пришлось осваиваться в исключительно женской среде с чаем и разговорами о застоях молока. Короче, решительно выходить из зоны комфорта.

Но знаете что? Оно того стоило! Эти группы оказались просто подарком небес (а беседы о застоях молока мне в итоге оченьгодились). Мне не нужно было мучительно выдумывать темы для разговоров, чего я заранее боялась, – потому что с маленьким ребенком на руках почти невозможно *молчать*. Младенцы сами подкидывают повод поболтать. Достаточно спросить: «А сколько вашей дочке?» или «Вы сегодня взвешивались?» – и час беседы о родах, кормлении и прочих радостях материнства вам гарантирован. Вы общаетесь через подобие защитного экрана, которым обеспечивают вас малыши, не забывая улыбаться в ответ на их мимолетные улыбки и в шутку проклиная несвоевременно наполнившийся подгузник. Поднаборов на встречах, вы уже легко заводите разговор с незнакомой мамой, которая, как и вы, слоняется по парку в ожидании, когда же ребенок наконец уснет.

Часовое чаепитие в окружении понимающих людей было воистину бесценно. Оно давало мне повод нормально одеться и оторваться от просмотра очередного телешоу пятый день подряд. И другие мамы в самом деле были замечательными. Но я так и не поняла, как перейти на следующий уровень. Мне нужно было набраться храбрости и обзавестись друзьями вне детских встреч и семинаров в педиатрическом отделении. Друзьями, которые могли бы заскочить на кофе, которым я могла бы написать жалобное эсэмэс в три ночи и получить в ответ: «Держись, подруга, у нас тут тоже невесело». Я нуждалась в эмоциональной поддержке чаще, чем пару раз в неделю.

Поворотным моментом в поиске новых друзей стала случайная встреча в нашем квартале. Начиналось все довольно мрачно. И под «довольно мрачно» я подразумеваю, что, вернувшись вечером с работы, Джеймс опять нашел меня в слезах. На сей раз я рыдала из-за викторины «Погоня»: я впервые за день попыталась зависнуть перед телевизором, но Генри верещал так, что мне пришлось все выключить. Это стало соломинкой, переломившей хребет верблюду. Точнее, верблюдице. Я сунула мужу младенца и вылетела на улицу через заднюю дверь. Я тут же пожалела, что не оделась потеплее, но возвращаться за курткой после столь драматичного ухода было как-то несолидно. Поэтому я пошла куда глаза глядят и примерно час бродила по окрестностям, злобно бормоча под нос: «Я не собираюсь больше это терпеть!» Потом я остыла и решила вернуться домой, чтобы посмотреть, как там мои мальчишки.

Метрах в двухстах от дома я столкнулась с девушкой, которую встречала на курсах для будущих родителей и в приемной акушера-гинеколога. Ясно, она тоже уже родила. В тот вечер она яростно запихивала в контейнер у тротуара мусорные пакеты, и я как бы невзначай спросила: «Ну, как дела?» Хотела бы я помнить, что именно она ответила – но прошло слишком много времени. Тем не менее я уверена, это было что-то из разряда «Полный писец», «Кошмар» и «С меня хватит», потому что я тут же подумала: «Ну слава богу!» Нет, я радовалась не тому, что у нее все плохо, а тому, что я не одна такая. Не одна я задаюсь вопросом: «Господи, что же мы наделали?!»

Значит, я все-таки не ущербная. Значит, у других мам тоже бывают темные времена. Значит, я *нормальная*. У меня будто гора с плеч свалилась! Ведь одиночество в материнстве угнетало меня изо дня в день. Я сразу прониклась симпатией к этой девушке. Мы с полчаса

простояли на улице, болтая о том, как наши жизни пошли под откос. И после этого я наконец смогла вздохнуть свободно. Мы договорились обязательно встретиться – не на собрании детской группы, а просто прийти друг к другу в гости. Наверное, тогда я впервые пригласила к себе подругу с ребенком. Меня переполняло невероятное счастье от мысли, что я нашла сестру по духу. Что у меня наконец-то будет подходящая компания. Я вернулась к Джеймсу и по-прежнему вопящему Генри с широкой улыбкой на лице (а ведь до этого я несколько недель почти не улыбалась!). И все-таки досмотрела «Погоню».

Мы ходили друг к другу сотни раз, а рыдали в жилетку и того чаще, но чувство облегчения от того, что я нашла единомышленницу, так меня и не покинуло. Мы часами обсуждали ужасы недосыпа и вместе тосковали по прежней жизни. Вспоминали, как допоздна засиживались на работе и проводили выходные на пляже. Мы откровенничали и не боялись осуждающих взглядов. Но когда родился Джуд, наша семья переехала в другой район, потому что этот стал нам не по карману. Дети – дорогое удовольствие! Я больше не могла между делом заскочить к ней на тост с сыром и пожаловаться на детей, которые единодушно отказываются спать. Как же мне этого не хватало... Я снова вернулась туда, откуда начинала. Мне предстояло искать друзей среди мам в новом районе. За-ши-бись.

Впрочем, во второй раз я чувствовала себя куда увереннее. Я точно знала, что ищу, и была преисполнена решимости. Обычно мне было достаточно перекинуться парой слов на развешках, чтобы понять, найдем мы общий язык или нет. Начиналось все с невинного «Не хочешь как-нибудь выпить кофе вместе?», а затем я переходила к осторожному прощупыванию почвы. Метод не универсальный, но меня ни разу не подвел. Если я вскользь роняла фразу «Боже, иногда жизнь с младенцем – настоящая пытка. Поскорее бы он уснул!» и наталкивалась на озадаченный взгляд, то сразу понимала: здесь ловить нечего. Вряд ли мы с этой мамой найдем точки соприкосновения. Но если я слышала в ответ «И не говори!», или «Мне срочно нужно выпить вина», или еще лучше: «Может, как-нибудь пропустим по бокальчику?», то внутренне ликовала: наконец-то единомышленница!

Я встречала мам, которые достигли высшего пилотажа в поиске новых подруг и организации домашних посиделок с детьми. Мои достижения на их фоне кажутся достаточно скромными, но, знаете, я довольна. Каждая мама в моей стае на вес золота. Когда-то давно я чуть ли не брезгливо морщилась при мысли о «мамодружках» и «игровых свиданиях», но, если честно, без этого я бы не выжила. Социальная изоляция сводит молодых мам с ума почище недосыпа. И я очень рада, что у меня есть мамодружки, с которыми можно не стесняясь поболтать о таких сугубо личных вещах, как послеродовое недержание и «это самое» (то есть (шепотом) секс). Помнится, я боялась, что подобные разговоры буду навевать на меня скуку, как мытье посуды. Но оказалось, что беседы о растяжках и половой жизни при наличии детей тоже могут быть интересными. Главное – найти правильного собеседника.

Так что дорогу мамодружкам!

«К черту сияющих мам с обложек журналов и скидочные карты дорогих магазинов, где вы уже никогда не будете закупаться! Что мамам на самом деле нужно, так это искреннее “Без паники, ты справишься, мы все через это проходили и все думали, что ужаснее матерей мир еще не видывал”».

Энниси, Гемпшир

Первое впечатление бывает обманчиво

Пока я обзаводилась мамодружками, я сделала очень важное открытие: стереотипы о мамах – всего лишь стереотипы. Общение с сотнями мам в реальной жизни и в Сети показало мне, насколько я была узколойбой.

Помню, где-то в середине первой беременности я поехала на встречу с клиенткой, и в разговоре она упомянула свою сестру, которая недавно родила. «Знаете, она из этих – сторонниц естественного родительства», – сказала клиентка, понизив голос для пущего эффекта. И хотя я никогда не видела ее сестру, я почему-то решила, что точно знаю, какая она мать. *Естественница*. Со всеми сопутствующими атрибутами: многоразовыми подгузниками и кормлением грудью до самоотлучения.

Когда я начала ходить по детским группам после рождения Генри, мне не терпелось вживую познакомиться со стереотипными мамами, о которых я так много читала: Естественницами, Карьеристками, Яжематерями, Ехиднами и Гламурными мамочками. Ведь гораздо проще разложить всех по коробочкам, так? Я не испытывала особого желания соблюдать все постулаты естественного родительства и уж точно не тянула на Гламурную мамочку (хоть и надеялась, что не кажусь слишком запущенной на их фоне), поэтому пыталась примкнуть к тем, кто со стороны казался мне *нормальным* – то есть без перекосов в какую-либо сторону.

Оглядываясь назад, я понимаю, что вела себя, как склонная к поверхностным суждениям снобка (в каком-то смысле я такой и была). На самом деле я просто очень боялась, что другие мамы будут меня оценивать. Вымотанная и как никогда уязвимая, я почему-то думала, что сторонница естественного родительства обязательно осудит меня за использование бутылочек и одноразовых подгузников. Мне было куда проще завязать разговор (и подружиться) с мамами, которые напоминали меня – то есть с растрепанными дамочками, на чьей одежде виднелись следы детской отрыжки. Почти всегда стопроцентное попадание.

Тут стоит оговориться, что порой стереотипы все-таки имеют под собой почву. Можно игнорировать предупреждающие знаки и пытаться найти общие темы, но это ни к чему не приведет. Со мной такое случалось: как-то на развивашках я разговорила с мамой, которая вязала крючком. Должна сказать, что всякого рода рукоделие – это вообще не мое, но мне просто хотелось поболтать. С узоров крючком дама плавно перешла на «полностью органический» стиль жизни и принялась рассказывать о том, что она не собирается возвращаться на работу и когда-либо снова пить алкоголь. Все это ей теперь без надобности, ведь она стала матерью. Я точно помню, что она называла себя «матерью», а не «мамой», и я еще подумала, смогу ли когда-нибудь так себя назвать. Потом она заговорила о том, что ей не нравятся коляски, ведь они нарушают связь между матерью и ребенком, и тут меня понесло... Я выпалила, что никогда не брала в руки крючок, не замораживаюсь органическими продуктами и мечтаю вернуться на работу (особенно когда гуляю с коляской, грезя о припрятанной в холодильнике бутылке вина...).

Но – и это очень большое НО – это был единственный на моей памяти случай, когда я подумала: «Странная она какая-то». Чаще всего первое впечатление, основанное на мимолетном общении в песочнице, оказывалось совершенно ошибочным.

Как, например, в тот раз, когда я втайне окрестила одну маму Карьеристкой: она собиралась снова выйти работать на полный день. Потом она поделилась, что все дело в деньгах. Они с мужем выплачивали ипотеку и уже всерьез подумывали о переезде, чтобы она могла поменьше работать и больше времени проводить с ребенком.

Другую маму я мысленно отнесла к Домоседкам, ведь она и не думала выходить на работу. Оказалось, на свою зарплату она просто не может позволить себе няню или ясли. В противном случае она бы с радостью вышла на неполный день.

Как-то мне встретила исключительно Гламурная мамочка, с ног до головы одетая в дизайнерские вещи. Позже я выяснила, что она живет в самом бедном районе города. В принципе, совершенно неважно, кто где живет, но я допустила ошибку, когда с первого взгляда решила, будто она купается в деньгах. Я уже представляла, как эта мама отвозит ребенка в сад на «рендж ровере», а она призналась, что не умеет водить.

Первое впечатление и в самом деле бывает обманчиво. Особенно когда речь идет о мамах.

Я знаю, как трудно удержаться от суждений. Подсознательно так и хочется навесить на других родителей ярлыки, основываясь на тех крохах информации, что у нас есть (прежде всего на первом впечатлении). Но я теперь очень стараюсь этого не делать. И не только потому, что подружилась со многими мамами, от которых прежде предпочла бы держаться подальше (да что там, я бы и близко к ним не подошла!). Но и потому, что разные взгляды делают жизнь интереснее. Только представьте, как скучно было бы жить, если бы мы все думали одинаково! Самые увлекательные и откровенные разговоры о материнстве у меня случались именно с теми мамами, которых я раньше без раздумий списала бы со счетов как «не мой тип».

Как раз недавно я имела удовольствие общаться с мамой «не из моей лиги». Это была Зион Лайт, автор книги «Полный путеводитель по зеленому родительству». Могу честно сказать, что до нашего разговора я и не задумывалась, можно ли отнести меня к «зеленым» мамам. Ведь быть «зеленой» значит придерживаться принципов естественного родительства, выкинуть телевизор и переживать из-за парабенов? Нет, это точно не для меня.

Но встретившись с Зион за чашкой кофе, я неожиданно обнаружила, что «зеленый» образ жизни не только полезен для здоровья, но и позволяет экономить (ура!). Мы замечательно поболтали о детях и о нашей любви к прогулкам на свежем воздухе. Лично я никогда не считала многочасовые блуждания по парку чем-то особенным, но оказалось, то, что мы предпочитаем поездкам на машине пешие прогулки, уже делает нас немножко «зелеными».

Зря я думала, будто «зеленые» родители сразу начнут осуждать меня за преступления против природы. Зато наш разговор вдохновил меня на действия. Хотя «действия» – это, наверное, громко сказано. Я выудила из мусорного ведра стаканчики из-под йогурта и выставила на продажу детские вещи, которые прежде не задумываясь отправила бы в помойку. Вряд ли я в ближайшее время избавлюсь от телевизора или стану задумываться об этических вопросах при выборе шампуня (ну нравится мне запах «Пантина»). Но познакомиться с «зеленым» родительством было интересно. Точно так же, как интересно было узнать побольше о естественном родительстве. Время от времени меня заносит в сторону Гламурных мамочек, а уж о Ехиднах я, наверное, знаю теперь все.

Честно говоря, я сильно сомневаюсь, что среди мам встречаются чистые представительницы какого-либо вида. Ведь быть мамой – это вам не на выборы сходить, тут нельзя просто поставить галочку и выбрать себе партию.

Задним умом я понимаю, как глупо было сторониться мам определенного типа. Так же глупо, как пытаться определить собственный тип. После рождения Генри в 2012-м я много рассуждала о классификации родителей и наконец пришла к выводу, что не принадлежу ни к какому типу. Если, конечно, «И так сойдет!» не является признанным стилем материнства.

Так что не бойтесь пробовать, это весело!

Хотя крючок у меня так и не пошел.

«Когда моему сыну было полгода, я выбралась поужинать с нашей детской группой. И в разговоре умудрилась ляпнуть: “С детьми иногда можно помереть от скуки”. Мне почему-то казалось, что всех посещают подобные мысли, просто вслух никто об этом не говорит. Видимо, я ошибалась. За

нашим столом воцарилась мертвая тишина. А мне захотелось провалиться
сквозь землю».

Хелен, Чешир

Мои слингомуки

– А вы пробовали слинг?

– Что, простите?

Генри было уже три месяца, но я до сих пор растерянно оглядывалась по сторонам, когда мне задавали вопросы о ребенке. *Вы ко мне обращаетесь?*

Эта мама искренне хотела помочь: я пожаловалась, что сын все время плачет и успокаивается только на руках, которые к концу дня просто отваливаются. Вместе с нещадно болевшей спиной.

– Ты пробовала носить его в слинге? Или в эргорюкзаке? – снова спросила она.

Ах, вот оно что! Будучи мамой неопытной, я называла все эти новомодные приспособления *переноской*. Вскоре мне предстояло выяснить, что мои познания в данной области застряли где-то на уровне восьмидесятых, когда наши родители таскали детей в «кенгурушках». Я даже не представляла, каких масштабов достигло слингодвижение за последние годы. Передо мной открылся целый мир разнообразных перевязей, слингов и эргорюкзачков. И если бы все ограничивалось тем, чтобы засунуть младенца в слинг и пойти с ним выгуливать собаку... Но нет! Огромное количество сайтов, посвященных слингоношению, встречи слингомам, слингоконсультанты, всевозможные техники ношения и аксессуары – вот с чем я столкнулась. Голова шла кругом.

Заручившись советами опытных мам, включая сводную сестру, которая уже стала слингопрофи, я приобрела первый слингошарф. И хотя я говорю «шарф», мне пришлось иметь дело с огромным полотном типа тех, на которых болтаются воздушные гимнасты. Я не шучу, в нем было метров триста длины! Помнится, я еще разматывала его и думала: «Господи, во что я ввязалась?»

Но отступать не хотелось. Две профессиональные слингомамы из числа подруг быстро ввели меня в курс дела, обмотав одним из своих слингошарфов. У них вышло довольно ловко. Всего-то нужно найти середину полотна, расправить края, перекинуть один конец через правое плечо, второй через левое, здесь ослабить, вот тут подоткнуть... Нет, ну все же элементарно, да?

Да. Только у меня, наверное, руки не из того места растут. Когда настало время сажать в слинг Генри, я уже напрочь забыла все, чему меня учили. Пришлось обратиться за помощью к всемогущему Ютубу. Я хорошо помню, как стояла посреди кухни и пыталась освоить простейшую фронтальную намотку «крест над карманом». На видео женщина спокойно приматывала к себе куклу, подробно объясняя каждый шаг. Я честно старалась повторять за ней, но только вспотела и чуть не придушила себя этим злосчастным слингом. Тогда я решила сменить тактику и стала останавливать видео в ключевые моменты. Наконец у меня все получилось; я храбро засунула слегка оторопевшего Генри внутрь и позвала Джеймса, чтобы он оценил мои усилия.

– Та-дам! Ну как, похоже? А сзади погляди! – попросила я.

Джеймс внимательно посмотрел на экранную даму с аккуратно примотанным младенцем и перевел взгляд на Генри, который болтался в жалком подобии цыганского баула. Кукольный младенец уютно прижимался к груди, и ткань шарфа плотно облегла его спинку. Мой повис где-то в районе пупка и шумно возмущался. Я глубоко вздохнула, вытащила ребенка из слинга, отмотала видео на начало и попросила Джеймса помочь. Дальше мы воевали с километровым шарфом вдвоем. Это был далеко не самый интересный фильм, который мы смотрели вместе, – а вечер, проведенный в попытках примотать ко мне рыдающего младенца, стал одним из первых в серии «И как мы до этого докатились?».

Моя неспособность сладить со слингом, наверное, выглядела невероятно забавно, и если бы я смотрела видео с собой в главной роли, то всласть бы посмеялась. Но в тот момент мне было не смешно. Я взмокла от пота. Очередная неудачная попытка закончилась тем, что я разрыдалась (ну, этому в нашем доме уже никто не удивлялся) и хотела бросить «дурацкий шарф» на пол, чтобы хорошенько по нему потоптаться. Увы, у меня ничего не получилось, потому что я все еще была плотно в него замотана. Гррр-р. Я до сих пор вскипаю при одной мысли о том вечере.

Пару недель спустя я все-таки укротила слингошарф. Ну, как укротила? Я научилась приматывать Генри перед зеркалом, в спокойной обстановке. У меня уходило на это минут двадцать, и со стороны я все равно напоминала потного осьминога, зато сын теперь сидел там, где нужно. Со слингом мне действительно стало легче: наконец-то освободились руки, и я начала выходить из дома без громоздкой коляски, которая вечно застревает в дверях магазина. Ну, и Генри теперь мог срыгивать мне в декольте незаметно для окружающих.

Но приматывать младенца и поправлять слинг на бегу у меня по-прежнему не получалось. Наверное, не хватало опыта. Я нередко уходила из кафе с наполовину примотанным ребенком и ноющими от тяжести плечами. Или стояла возле машины, тщетно пытаясь подтянуть лямки, потея и чертыхаясь. Да, слинг – это вам не «Рексона», которая никогда не подведет.

Так что моя слингокарьера вышла короткой. После шарфа я попробовала слинг на кольцах, слинг-карман, май-слинг и прочие сложносочиненные конструкции, но в итоге прокляла их все. Я по-прежнему с завистью смотрю на других слингомам и слингопап (особенно когда случайно наезжаю кому-нибудь на ногу коляской), а порой меня посещают мысли, что нужно попробовать еще раз. Но последняя попытка – слинг на кольцах, который Джуд сразу же возненавидел и принялся яростно колотить меня по груди, – напрочь отбила всякое желание вливаться в слингодвижение. Охотно верю, что каждый может подобрать себе слинг по вкусу и где-то там меня ждет мой Удобный и Единственный. Возможно, мне стоит выйти из зоны комфорта и посетить встречу слингомам, чтобы приобщиться к тайному искусству простых намоток. Не исключено, что я так и не оправилась от провала, постигшего меня в тот вечер на кухне, и боязнь неудачи мешает мне найти свой слингопуть.

Или же я просто криворукая, что вероятнее всего.

Часть вторая
Жизнь – не такая, какой мы ее знали

«Я как-то потеряла среди шариков в бассейне прокладку из лифчика»

Твой день против его: победивших нет

Иногда по утрам я думаю о грядущем дне, и в голове проносится тоскливое «Боже мой...» Джеймс выключает будильник, встает, принимает душ и собирается на работу. У меня вместо будильника Генри, который кричит над ухом: «Мам, ты уже проснулась? У меня пижама мокрая! Где моя пожарная машина? А можно мне хлопья?» Если повезет, вместо криков с утра я услышу звонкие пуки миньонов из «Гадкого Я», и приставленный к моей голове пукач из вышеупомянутого мультика разбудит еще и Джуда. Который тут же потребует сменить подгузник. И начнется утренний цирк...

– Хорошего дня! – криво улыбаюсь я мужу, который покидает дом. Я почти слышу, как он мысленно напевает: «На работу, на работу, на любимую работу!» Ему не придется запихивать в багажник коляску и устанавливать детское кресло. Не придется судорожно вспоминать, взял ли он влажные салфетки и чистую пеленку, которая не пахнет старым сыром. И если он захочет, то сможет послушать музыку. Которая ему нравится! Счастливый сукин сын.

А я тем временем сижу в разоренной гостиной, отбрыкиваясь от надоедливых отпрысков, и пытаюсь сообразить: половина девятого – слишком рано для «Истории игрушек 3»? Или мне все-таки удастся отхватить кусочек своего любимого утреннего шоу? Но самое главное: я снова и снова думаю о том, чем же буду целый день заниматься с детьми.

– Ты просто не понимаешь, как тебе повезло! Ты каждый день ходишь на работу, – выговариваю я мужу. – Я бы с радостью поменялась!

По окончании декретного отпуска моя обида чуть поутихла, но даже возвращение к неполной рабочей неделе (два будних дня у меня выходные) не мешает мне с завистью поглядывать на мужа, который сбегает из дома с понедельника по пятницу. Теоретически моя частичная занятость – явление временное, пока дети не подрастут, но я работаю так уже четыре года и все чаще вспоминаю, что нет ничего более постоянного, чем временное. После рождения Генри мои будни превратились в нечто невразумительное, тогда как у Джеймса практически ничего не изменилось. И это меня жутко раздражает. Проблема в том, что у него тоже есть весомый повод для раздражения: он впахивает до седьмого пота пять дней в неделю, тогда как я два из них провожу дома с нашими чудесными мальчуганами.

– Ну так давай поменяемся! – отвечает он. – Я с удовольствием буду работать только три дня в неделю.

Нет, он не лукавит и не пытается меня спровоцировать – ему действительно нравится мысль работать на неполную ставку.

– Ха! Да ты просто понятия не имеешь, о чем говоришь! – фыркаю я. И все по новой...

В конце концов я поняла, что вечные дебаты на тему «кому сегодня было тяжелее» ни к чему хорошему не приведут. Во-первых, ни одному из нас от них лучше не будет. Во-вторых, так ставить вопрос несправедливо по отношению ко всем участникам.

Во втором декретном отпуске я начала понимать, что вся моя зависть к свободе Джеймса проистекает из воспоминаний о том, что из себя представляла наша работа до появления детей. Нет, иногда она напоминает праздник (см. главу «Мама на полную ставку»), и мне нравится ходить на службу, но при этом работа остается работой. И Джеймсу, как отцу младенца и трехлетки, приходится справляться с трудовыми задачами, не имея возможности нормально выспаться. Плюс ко всему после смены он возвращается не в чистый опрятный дом, чтобы в тишине и спокойствии посмотреть спортивный канал с бутылкой холодного пива в руке (такое случалось, когда я допоздна засиживалась на работе). Нет, он возвращается домой ко мне. Уставшей. Задерганной. Изрыгающей проклятия над грудями игрушек и грязных подгузников. Чтобы вместо приветствия услышать, как я ненавижу сидеть дома с детьми. И как я ненавижу свою жизнь. Согласитесь, не лучший набор тем для разговора.

После этого я обычно высказываю дорогому супругу, как меня все достало, и что я знать не знаю, есть ли у нас что-нибудь к чаю, поскольку сама за день не выпила ни чашки. Иногда я просто сую ему под нос видео с нашими орущими детьми со словами «И так весь день». Удивительно, как он еще не набрал дополнительных смен.

В какой-то момент до меня дошло, что с этой практикой нужно завязывать. Если я продолжу вываливать на пришедшего с работы мужа весь накопившийся за день негатив, ни к чему хорошему это не приведет. Просто иногда мне хочется, чтобы он признал, что я вытянула короткую соломинку. Достал линейку и признал. Не на словах, а действительно понял, как мне тяжело. Но Джеймсу в равной степени надоело слушать мои стенания на одну и ту же тему. И он не прочь напомнить мне, что тоже целый день не в носу ковырял, а работал. («Повезло тебе!» – обычно отвечаю я, и понеслось...)

При здравом рассуждении я понимаю, что чуточку к нему несправедлива. Да, когда у меня домашние дни, он действительно «сбегает» в 8:25. И слушает музыку на своем айпode (хотя и он не застрахован от «Акуны мататы» или «Отпусти и забудь»). И да, иногда к половине десятого утра я готова залезть на стенку и вышвырнуть в окно злосчастный пукач (или обстрелять звонкими «газами» умника, который додумался нам его подарить).

Так что довольно часто я бы с превеликим удовольствием сама сбежала на работу.

Но это не доказывает, что мой муж вытянул длинную соломинку. Уверена, в понедельник утром он тоже нередко думает о грядущей неделе и вздыхает, что был бы рад остаться дома. Вполне возможно, он довольно часто мне завидует. Но мне его зависть кажется глупой, и я снова и снова тычу его носом в то, что он понятия не имеет. В моих словах есть доля правды: Джеймс действительно понятия не имеет, каково это – день за днем сидеть дома с двумя маленькими детьми, и так на протяжении нескольких лет. Ему никогда не приходилось этого делать. Но разве он виноват? С другой стороны, я понятия не имею, каково это – работать целыми днями и возвращаться в лежащий в руинах дом к Женщине-Халк, стабильно пребывающей в режиме «Халк Страдать». В самые темные месяцы моего декрета я часто не удосуживалась спросить мужа, как прошел его день. Возможно, ему тоже хотелось о многом рассказать, но я была слишком занята: вываливала на него тысячу и одну причину, почему мой день хуже его. Причины, которые я до этого в подробностях излагала в многочисленных эсэмэс. Например, таких:

«Лучше бы я чистила сортиры, чем разгребала это дерьмо».

«Не звони мне в обед, все равно ничего хорошего не услышишь».

«Ты где? Напиши, как выйдешь с работы. Купи подгузники – я так и не добралась до магазина, потому что твои сыновья весь день взрывали мне мозг».

«Лучше тебе не опаздывать. Твои дети меня достали».

Да, это настоящие эсэмэс. И нет, я ими не горжусь.

Я писала, когда хотела выплеснуть эмоции, а такое со мной, к несчастью, случалось довольно часто. И конечно, не нужно думать, что они описывают ситуацию в целом – на мою долю выпадает великое множество чудесных дней, когда мы с мальчишками развлекаемся, и у меня просто нет времени на эсэмэс. Джеймсу достается в лучшем случае смазанное фото с карусели. Да, я люблю поныть по поводу «выходных», особенно тех, что выпадают на середину недели. Но даже убежденные трудоголики не станут отрицать, что в сидении дома есть свои плюсы. Иногда моя соломинка кажется не такой уж короткой. Нежась на летнем солнышке в парке, радуясь встрече с друзьями или наслаждаясь внезапными обнимашками (теми, что не преследуют цель вытереть о маму сопливый нос), я не могу отрицать, что быть хозяйкой своего времени и не зависеть от рабочего расписания в чем-то действительно круто. Например, ты можешь запросто решить, что хочешь сходить в библиотеку во вторник в два часа – и пойти

в библиотеку. Конечно, вряд ли ты попадешь туда раньше четырех, поскольку на сборы уйдет полтора часа минимум, но... В определенных рамках ты правда распоряжаешься своим временем. Дети, разумеется, вносят коррективы и периодически накрывают твои планы пластмассовым горшком. И ты по-прежнему перед кем-то отвечаешь – вот только твое начальство значительно меньше и, бывает, засыпает у тебя на руках. А еще его можно задобрить печеньками.

Наверное, мне стоит уточнить, что я пишу все это, основываясь исключительно на нашем с Джеймсом опыте. Я прекрасно знаю, что в наши дни существуют разные варианты семейных укладов, и «мама занимается домом и детьми, пока папа на работе» – лишь один из множества. Возможно, вы состоите в однополном браке, и тогда вообще нет противопоставления «его» и «ее» дня. Или оба работаете на полную ставку. Или оба на неполную. Или воспитываете ребенка в одиночку.

Я снимаю шляпу перед всеми вами.

Но если ваша семейная ситуация напоминает нашу с Джеймсом, возможно, на лужайке супруга трава не намного зеленее. Иногда его лужайка действительно напоминает землю обетованную. А иногда там такое же поле боя. Бывают дни, когда у одного из вас явное преимущество перед другим. А бывают, когда вы оба в полете. И если вы не собираетесь всерьез поменяться ролями или пересмотреть список своих обязанностей, бесконечные скандалы на тему «мне сегодня было тяжелее, чем тебе» ни к чему не приведут. Я на собственном опыте убедилась, что куда полезнее в пятницу вечером распить бутылку вина и согласиться, что у обоих неделька выдалась не сахар. Вино и чувство супружеской солидарности – что может быть лучше?

Пара советов тем, кто уходит на работу...

1. Если у ребенка режутся зубы или дома кто-то болеет – вам определенно повезло, даже не спорьте.

2. Не пытайтесь делать вид, будто представляете, каково это – тащить на прививку плачущего младенца вместе с карапузом, который решил во всей красе продемонстрировать, что такое кризис трех лет. Поверьте, ваша жена прошла через ад. И вернулась!

3. Если на жену «накатило», будьте снисходительны. Вообще-то, она вас не ненавидит. И детей тоже. И свою жизнь. Просто сейчас ей очень-очень плохо. Все эти полные проклятий эсэмэс не стали ее новым хобби, но иногда она не может остановиться. И не знает, что еще делать. Не вздыхайте. На самом деле, в такие дни лучше вообще не дышите в ее сторону. Ничего личного, но за такое может и по лицу прилететь.

4. И наконец, никогда – слышите, никогда! – не спрашивайте ее, чем она весь день занималась, что так устала. И постирала ли она ваши рабочие брюки. Не факт, что она вообще успела умыться. А вы и сами прекрасно знаете, где стоит стиральная машинка.

...и тем, кто держит оборону дома

Я представляю, как порой бесит его «но я весь день работал!». Но он действительно работал. Весь день. И у него не было возможности погреться на солнышке, пока дети спали днем. Или в четверг посмотреть сериал в пижаме. Или встретиться с подругой в библиотеке и попить кофе. Просто признайте: в вашем положении тоже есть свои преимущества.

P.S. Джеймс, если ты это читаешь: я знаю, как ты устаешь на работе, но давай сойдемся на том, что сидеть дома с двумя детьми все-таки тяжелее. И потому ты можешь по крайней мере купить вина или сделать мне чаю. А я, в свою очередь, перестану закидывать тебя злобными эсэмэс.

«Так здорово, что мой мальчик дождался, пока все в библиотеке замолчат, прежде чем спросить: “А почему у этой тети борода?”»

Келли, Норфолк

Поговорим о сексе, детка

[Папа, буду признательна, если ты пролистнешь эту главу. Генри, Джуд, вам тоже нет необходимости ее читать.]

- У нас сегодня будет секс? – напрямую спрашивает Джеймс.
- Эмм, не знаю. А мы теперь о сексе заранее договариваемся?
- Мне просто нужно знать, ставить на запись «Махинаторов»⁵ или нет.
- А-а. Честно? Понятия не имею.
- То есть нет.
- Да, наверное, нет.
- Ладно. Тогда так посмотрю. Чай будешь?

Не стану ходить вокруг да около: с появлением детей ваши отношения меняются. Иногда в лучшую сторону, иногда в худшую, а порой рождение ребенка становится началом конца. Когда я писала о динамике семейных отношений у себя в блоге, то получила несколько комментариев в духе «У нас не было динамики. Мы просто развелись!». Высказанные шутливым тоном, они, тем не менее, получили живой отклик от других читателей, из разряда «Мой тоже свалил в закат» и т. д. и т. п.

Хочется верить, что для большинства отношения все-таки переходят на другой уровень. Несмотря на мои ураганные срывы, мы с Джеймсом отлично дополняем друг друга. Я не пишу ему на стене в Фейсбуке: «Люблю тебя, милый, ты моя скала, моя родственная душа, вторая половинка» – потому что могу лично ему это сказать. Но за время работы над книгой я в полной мере осознала, как же мне повезло выйти замуж за такого хорошего человека. Невзирая на бессонные ночи с младенцем, буйные истерики нашего старшенького и прочее дерьмо (иногда метафорическое, иногда настоящее, таинственным образом просочившееся сквозь подгузник), мы все-таки улучаем минутку, чтобы посмеяться до слез или потанцевать на кухне под наши любимые песни (без отрыва от мытья посуды).

Да, я много жалуюсь на то, как мне тяжело с детьми. Жалуюсь, потому что мне действительно тяжело! (Я ведь об этом уже говорила?) Но я не жалуюсь на наш брак и на то, что появление детей «с нами сделало». С нами все отлично. Мы справимся.

Тем не менее, наши отношения уже никогда не будут прежними. Думаю, многие со мной согласятся. Отрицать это бесполезно. Можно только смириться.

Сделаем это!

Подозреваю, на количество секса в жизни супругов влияет не только появление детей. Если вы много лет живете с одним партнером, скорее всего, ваша страсть со временем поутихнет. На момент рождения Генри мы с Джеймсом были вместе уже девять лет. Солидный срок! А в жизни много всяких дел помимо приятного времяпрепровождения в постели. Если исключить первый год после знакомства, отпуска за границей и месяцы, когда мы старательно пытались зачать ребенка, то мы и до детей не были похожи на кроликов. Откровенно говоря, я не слишком хорошо представляю, какая сексуальная активность считается «нормальной», поэтому тешу себя надеждой, что мы все-таки вписываемся в норму.

Иногда у нас бывает секс.

Иногда мы слишком заняты или устали. Ладно: я слишком занята или устала.

⁵ Телевизионная программа канала Discovery. Сюжет программы – покупка, реставрация и перепродажа с выгодой классических автомобилей. – *Прим. перев.*

Иногда я с куда большим удовольствием посидела бы в пижаме и посмотрела «Убийство на пляже».

Как вы понимаете, дети тоже не сильно помогают делу. Я не говорю о сексе в первые месяцы после родов – потому что, если честно, ничего о нем не знаю. Помню только протекшие прокладки для лифчика и трусы-парашюты, которые сами по себе отбивают всякое желание секса. Вдобавок, если в те дни мне выпадала возможность полежать с полчаса, то я хотела только одного – спать. Знаю, другие мамы возвращаются к сексуальной жизни через пару недель после родов, и я за них искренне рада. Но лично мне было слишком сложно отвлечься от мыслей о швах и застрявшей плаценте – по меньшей мере первые пару месяцев (под парой месяцев я подразумеваю полгода).

И даже сейчас, когда наша жизнь более-менее вошла в колею, секс редко бывает первым на повестке дня. Общаясь в соцсетях и за пределами Интернета, я понимаю, что не у нас одних. Думаю, многие родители могут припомнить пару забавных моментов из своей новой сексуальной жизни. Например:

– Вы превращаетесь в Отряд Экстренного Сексуального Реагирования и пытаетесь сделать это по-быстрому, уложив детей на дневной сон. Но войдя во вкус, слышите из соседней комнаты неумолимое: «Мама! Мама! Мама! Бутылочка бах! Бах!» Настроение испорчено, момент упущен.

– Вы с головой ушли в процесс, и вдруг ребенок забредает в комнату и недоуменно смотрит на мамочку и папочку, которые «толкают тележку». Или того хуже: вы уже достигли «точки невозврата», и вдруг вам кажется, что кто-то вылез из кровати и топает по коридору. Оргазм, помноженный на панику, – так и до инфаркта недалеко!

– Вы договариваетесь, что сегодня – «та самая ночь», пока делаете покупки в супермаркете. «Вечером что-нибудь будет? А хлеб у нас еще остался?» – нормальная постановка вопроса, если у вас есть дети. Да, мы так делаем. Потому что лучше знать заранее, нужно ли бежать в душ и ставить вечернее шоу на запись. Спонтанность? Что это?

– Усталость застигает вас в самый ответственный момент, и вы:

а) засыпаете, несмотря на все свои эротические планы (и хорошо, если не в процессе!);

б) сводите полноценный акт к чему-нибудь менее трудозатратному (вы понимаете, о чем я);

в) вроде бы и не против, но сил подходить к делу с полной отдачей уже нет, поэтому вы даже не снимаете до конца пижаму. Уверена, производители пижам никогда не попадали на страницы женских журналов в рубрику «Поза недели». Но и родители маленьких детей не будут извращаться, практикуя «обратную наездницу», чтобы достичь трех оргазмов за ночь. Ведь не будут? Да?

– После секса на цыпочках идете в душ и принимаете его в абсолютной тишине, чтобы не разбудить детей.

– С хихиканьем вспоминаете, как развлекались где-то, помимо кровати и дивана в гостиной. Скажем, в примерочной магазина... *Папа, не читай это!*

Время, проведенное вдвоем

От рождения детей страдает не только сексуальная сторона супружеской жизни. Вы в принципе проводите куда меньше времени вдвоем – если вам вообще хоть изредка это удастся. Взять детей на себя, подарив второй половинке пять минут тишины и спокойствия, – вот что с некоторых пор стало самым ярким проявлением любви в нашем доме. Если я хочу с чувством, толком и расстановкой понежиться в ванной, сходить в туалет, не слушая надрывные завывания под дверью, или в кои-то веки поспать не до половины седьмого, Джеймс должен чем-то занять наших мальчуганов. Иногда он говорит мне: «Милая, иди поспи», и для меня это

значит больше, чем выигрышный билет в лотерею или коробка шоколадных конфет. Потому что я знаю, сколько любви в этих простых словах. С маленькими детьми вы начинаете ценить сон превыше всего, и в дни, когда мне приходится справляться одной, я порой готова отдать нашу стиральную машинку за пять минут сна. Или сплавить детей первому встречному, если тот взамен позволит мне подремать (шучу!). Подозреваю, что я не одинока в своих мечтах.

И если Джеймс хочет посмотреть хотя бы один тайм футбольного матча, не отвлекаясь на Генри, который лупит его световым мечом, и слушать комментатора, а не говорящую игрушку «Веселая ферма» («На поле замена, кто выйдет вместо нападающего?» – «Маленький цыпленок!»), я должна освободить гостиную и забрать наших очаровательных террористов. Мы принаровились время от времени давать друг другу передышку, но это все равно что работать посменно. Мы практически никогда не отдыхаем *вместе*.

Что же случается, когда волей судьбы вы все-таки оказываетесь в милом ресторанчике вдвоем, без детей? Ну, если вы хоть немного похожи на нас, то за тридцать секунд проглатываете блюдо дня от шеф-повара (привычка – страшная сила! Детей рядом нет, но вы все равно боитесь, что они не дадут вам спокойно поесть) и весь оставшийся вечер... разговариваете о детях.

– Ты видела, как Джуд проказливо улыбается, когда ему говоришь не залезать на коляску, а он все равно лезет – и знает ведь, что нельзя!

– А я тебе показывала фотографию Генри в песочнице? Подожди, сейчас кину по вацапу.

В такие моменты мы понимаем, что немного помешались на детях и уже успели жутко по ним соскучиться. Мы просим официанта принести счет и мчимся домой – проверить, как там наши спящие монстрики. А потом забираемся в кровать, чтобы достойно завершить этот вечер.

Не снимая пижам.

Пустая грудь и протекающий подвал

Я определенно недооценила, какое влияние на мое тело окажут вынашивание детей и последующие роды. Я говорю о тех физических изменениях, которые происходят с нами во время беременности и после нее. Насчет «после» я могу страдать вечно, поскольку некоторые из них, кажется, уже не исправить без вмешательства хирурга.

Меня всегда жутко раздражали призывы «скорее вернуть себе добеременное тело». Всяким постерам из разряда «Знаменитые мамы убирают беременный животик за семь дней» я мысленно показывала средний палец, бормоча себе под нос: «Ой, да отвалите уже». У меня на избавление от беременного живота ушло ну никак не семь дней: мне потребовался почти год, чтобы сбросить набранные за девять месяцев килограммы.

Но тут стоит признаться, что я не слишком-то старательно их сгоняла. А еще я до сих пор таскаю штаны, которые завелись в моем гардеробе, когда я носила Генри. В них, знаете ли, очень удобно ходить по дому, если вы вдруг забеременели плотным ужином или полуночной пищей.

Но лишние килограммы – это далеко не все, что приносит в вашу жизнь беременность. Если говорить только об их количестве, то тут мой вес до и после детей практически не отличается. Я часто слышу: «О, ты уже пришла в форму» или «А со стороны и не скажешь, что у тебя есть дети», и мне это, конечно, льстит, но эти люди просто не видели меня *без одежды*. А еще им не приходилось путешествовать со мной на машине и останавливаться на каждой заправке, чтобы я могла сбежать в туалет. Под этими джинсами из добеременных (дай пять!) времен многое изменилось.

Я знаю немало женщин, которым роды дали цену таких осложнений, что я на их фоне – просто невероятный везунчик и образец здоровья. Поэтому не пытаюсь судорожно исправить случившееся с моим организмом. Я воспринимаю это как изменения – вполне закономерные, если учесть, что мое тело дважды вырастило внутри себя три с лишним кило младенца и вытолкнуло наружу через вагину.

Поэтому мои наблюдения о послеродовых изменениях относятся только к моему телу. И я надеюсь, что мы с вами никогда не столкнемся на улице, а если и столкнемся, дружно сделаем вид, что вы эту главу не читали. Поскольку в ней я буду предельно откровенна. На свой страх и риск...

Прощай, грудь!

Генри и Джуд натурально сожрали мою грудь. Это, знаете ли, обидно – ведь пока я ходила беременная и кормила детей, у меня были выдающиеся формы даже без лифчика. Но все хорошее когда-нибудь кончается. Временами я жалею, что мало фотографировалась или не сделала глиняный слепок своей беременной груди – в тот период эта идея казалась мне на редкость бредовой. (Приношу извинения всем, кто счел свой бюст привлекательным и ныне гордо выставляет его на каминной полке рядом со свадебными фото. Это просто не моя тема.) Но я отвлеклась.

Увы, моя роскошная грудь оказалась прискорбно недолговечной, и ныне я довольствуюсь крошечными мешочками, которым не тесно даже в спортивном лифчике (в последний раз я носила такие в подростковом возрасте). Говорят, женская грудь должна помещаться в ладони. Ну, в таком случае мне повезло: в ладони с успехом поместятся *обе*.

Не сказать, чтобы меня это сильно беспокоило. Маленькая грудь – еще не конец света, хотя мне действительно нужно прикупить себе новых лифчиков (наверное, придется заглянуть

в детский отдел). Потому что в те, которые сейчас обитают в моем гардеробе, можно засунуть еще пару домашних питомцев.

Прощайте, чашечки С, вы мне хорошо послужили!

Не могу терпеть

Это я про «в туалет по-маленькому». Когда-то я гордилась способностью «все держать в себе». Меня не пугали долгие поездки на машине и перспектива встать в многочасовой пробке. И знак «30 миль до следующей заправки» не повергал в состояние паники. Я ехала, беззаботно прихлебывая из бутылки и прекрасно зная, что мочевого пузыря меня не подведет. Как-то раз я проехала восемь часов без остановки – и мне даже не захотелось пописать. Я никогда не вставала в туалет ночью. Мой мочевой пузырь был настоящим крепким орешком.

Как я скучаю по тем дням...

После рождения Генри все еще было нормально, но вот после Джуда «подвал» начал конкретно протекать. Такое чувство, что теперь «там» все работает на пятьдесят процентов мощности, а иногда и вовсе отключается. Тут мне некого винить, кроме самой себя: я не уделяла достаточно внимания укреплению внутренних мышц. «Делай упражнения Кегеля, пока смотришь “Убийство на пляже”», – советовала мне подруга. Но я легко отвлекалась («Упражнения Кегеля... упражнения Кегеля... О, Дэвид Теннант такой душка!»).

В общем, зря я отвлекалась (хотя Дэвид Теннант и правда душка). Если вы читаете это, будучи беременной, не поленитесь сделать пару упражнений прямо сейчас. Основная задача – сохранить невозмутимое выражение лица, как если бы вы писали в море. (То есть мне *кажется*, что люди писают в море исключительно с покер-фейсом. Сама-то я никогда...) Поверьте на слово: вас не просто так пугают слабостью мочевого пузыря. Теперь, когда мне нужно в туалет, мне *действительно* нужно в туалет – и как можно скорее. Я пока обхожусь без подгузников для взрослых, но если не потороплюсь, могу слегка обмочиться. Иногда это случается, когда я бегу за Генри в парке. Или вприпрыжку поднимаюсь по ступенькам. А шутка про «я сейчас описаюсь от смеха» давно перестала казаться смешной.

Там внизу

Помимо мочевого пузыря, *там внизу* меня особо ничего не беспокоит. Но я бы не сказала, что обошлось без изменений. Как же иначе? Вы, наверное, и сами слышали жуткие истории про разрывы при родах, сто пятьдесят швов и выпадение матки (от последнего мне и самой становится дурно). Так что я еще легко отделалась. И все равно мне есть о чем рассказать.

«Со швами даже лучше, все так узко становится», – написал мне кто-то. Ну, может, у кого и узко, но у меня, если честно, возникло ощущение, будто акушерка пыталась вернуть мне давно утраченную девственность. Но вы, наверное, не хотите об этом знать? Или хотите? Ай, ладно, все равно расскажу, раз уж со мной такое случилось. Никогда бы не подумала, что после родов у меня там все может стать уже, чем до. Кстати, позже я выяснила, что та «белошвейка» действительно чуть-чуть увлеклась. С Джудом обошлось вообще без швов, но я не уверена в правильности этого решения. Помню, акушерка сказала, что «можно наложить парочку», но мы все были слишком заняты выманиванием несговорчивой плаценты, и нам было немножко не до того.

После этого «мои прелести» стали бледным подобием оригинала. Где-то на семь баллов из десяти. Как раз под стать опустевшим грудям.

Растяжки

После Генри я тихо радовалась, что растяжки меня миновали. Поддавшись рекламным кампаниям, я всю беременность скрупулезно натиралась разными натуральными маслами. Видимо, это меня и спасло. Во второй раз у меня, увы, не было ни времени, ни сил, ни денег на то, чтобы умащивать грудь и живот. За девять месяцев я занималась этим пару раз, не больше. И вся покрылась растяжками. Производители масел, конечно, могут ссылаться на меня в своих исследованиях, но мне кажется, что виной тому не недостаток втираний, а один маленький мальчик, который слишком долго собирался и за лишнюю неделю прибавил полкило весу. Больше всего пострадали бедра, причем свежие растяжки багровели и с внешней стороны, и с внутренней! Я честно не знаю, почему в беременность у меня так растут бедра, но серебристая паутина растяжек стала самым ярким ее наследием. Помимо детей, конечно.

В соцсетях я не раз встречала разного рода кампании, которые призывали женщин гордиться своими «материнскими телами». Я считаю, это очень важно. Когда нас кругом одолевают всякие «Готовься к пляжному сезону!», мне хочется пожать руку тем, кто нашел в себе силы идти против толпы. Увы, я так и не набралась храбрости, чтобы выложить в Фейсбук фото растяжек с подписью: «Я мама-тигрица и заработала свои полоски!». Потому что, если говорить начистоту, с радостью обошлась бы без них.

Общее состояние здоровья

Я была более-менее готова ко всем перечисленным сюрпризам, кроме проблем с мочевым пузырем. Их я искренне считала чем-то вроде городской страшилки. При этом я и не представляла, какой эффект рождение детей окажет на мое здоровье в целом. И я сейчас не о психическом здоровье, которое изрядно пошатнулось в первые месяцы, а о том, что беременность и дети подкосили меня физически.

Я всегда чувствую себя не очень хорошо.

Если посчитать, сколько дней я чувствовала себя «не на сто процентов» в первый год материнства, наверное, наберется 364. Поразительно, как мало времени новоиспеченной маме отводится на то, чтобы прийти в себя после родов. И это играет свою роль. Неважно, как именно ваш ребенок появился на свет: путем кесарева сечения, при помощи щипцов, в гигантской окровавленной ванне – уверена, после этого вы минимум неделю чувствуете себя так, будто вас переехал грузовик.

Но никто не дает вам возможности оправиться. Нет, вас швыряют в самое пекло, и о поддержке с воздуха можно даже не мечтать. Через пару месяцев, в течение которых вы спите по три-четыре часа за ночь (и то не подряд), вас настигает расплата в виде вечных простуд и больного горла. Никто не предупреждал, что с рождением детей я буду чувствовать себя на все сто лишь в одном случае – после банки джина с тоником.

А если бы предупредили, я бы подумала: «Это не про меня! У нас все будет по-другому!» Поэтому, наверное, оно и к лучшему.

Но вот упражнения Кегеля я все-таки зря не делала.

«В первые годы я относилась к материнству слишком серьезно. И была очень несчастна. Я только недавно открыла, что лучшее лекарство – здоровое чувство юмора».

Алекс, Доркин

Мамочка уходит в отрыв

Ах, великая Британская Ночная Тусовка. Утюжки для волос, бокалы ламбрини, пабы, клубы, жирный кебаб и обещание весь следующий день проваляться в постели с банкой колы и пачкой чипсов.

Было бы слишком грустно утверждать, что нам вообще пришлось забыть о тусовках после того, как мы стали родителями. Но отрицать, что тусим мы теперь значительно реже, я тоже не буду. И если мне выпадает возможность вырваться на свободу в компании подружек, это все-таки уже не безбашенные алкогольные вечеринки прежних лет.

В те счастливые времена я могла посвятить подготовке целый день. А если повод для выхода был официальным – например, меня пригласили на свадьбу или прием – то готовиться начинала еще накануне. Я натиралась скрабами и делала маски, красила ногти и наносила искусственный загар. Если на календаре выпадала суббота, я могла даже вздремнуть после обеда, а потом полежать в ванне и подкрепиться одним-единственным бутербродом, чтобы не навредить талии.

О, славные деньки с 2003-го по 2011-й! Тогда подготовка к выходу в свет означала не меньше, чем сама тусовка. Мы с подружками собирались у кого-нибудь дома, набивались в спальню, смешивали коктейли и приступали к делу. Под хит-парад на «Kiss FM» мы неторопливо выпрямляли волосы и делали укладки, наносили макияж и выбирали парфюм. Попутно обсуждали эсэмэс от парней и показывали друг другу, как правильно подводить глаза. Да, в те стародавние времена у нас еще не было Ютуба с бьюти-блогершами, поэтому мы учились на собственных ошибках и красили губы помадой, купленной утром в соседнем супермаркете. Иногда, уже готовая к выходу, я в последнюю минуту решала переодеться или поменять прическу.

Просто потому что могла.

Сейчас мне это кажется нелепым. Мне даже хочется оттаскать за волосы ту, прежнюю себя. Свежая, выпавшаяся, она все не могла решить, в какое откровенное^{*} платье втиснуть свой подтянутый зад, но ничуть об этом не беспокоилась. Потому что знала: на следующей * В дни своей юности я не придерживалась правила «открываем либо ноги, либо грудь». И выставляла напоказ сразу все. Так что ладно, не буду таскать себя за волосы. Лучше дам «пять». Я домамского периода была той еще оторвой. И мне ее очень не хватает. Неделе снова будут выходные, снова будут вечеринки, и все наряды так или иначе выйдут в свет. Точнее, в ночь.

Вернемся в наши дни. Подготовка? Что это? Послеобеденный сон? Даже не мечтай! Понезиться в ванне? Закатай губу. Забудь про новую помаду. И маску для лица. И маску для волос (да, когда-то я и ее делала). Никакого расхаживания в автозагаре, когда ты аккуратно огибаешь мебель, стараясь не наставить оранжевых отпечатков. Сегодня я бегу в душ сломя голову, а в спину мне летят вопли Генри: «Мама! Мама! Можно мне печенье? Включи «Скуби-Ду»! Подтяни мне трусы! Мама. Мама? МАМА!», в то время как Джуд с молчаливым упорством ломится в кабинку и пытается укусить меня за лодыжку.

Я целую вечность не пользовалась скрабами (наверное, я таскаю на себе несколько тонн омертвевшей кожи и, если бы мне дали минутку, только за счет нее сбросила бы пару килограмм). Последняя попытка нанести искусственный загар закончилась тем, что Генри срочно запросился на горшок, и я успела «загореть» от шеи до колен.

В обычные дни «привести себя в порядок» значит добавить яркий шарф к стандартному сочетанию джинсов и джемпера и за тридцать секунд выпрямить хотя бы треть волос – с висящим на ноге ребенком. И это я еще называю «повезло». Бывает, перед выходом из дома я просто стираю со спортивных штанов чью-то засохшую отрыжку, а возвращаясь из аптеки, обна-

руживаю, что у меня зубная паста на подбородке и кукурузные хлопья в зубах застряли. (Да, я *знаю*, что это еда для детей, к тому же не слишком полезная. Просто отстаньте от меня, ладно?)

Но что же случается, если Наполовину Загоревшую Меня вдруг приглашают провести вечер в компании взрослых людей? Чтобы нормально общаться, пить вино, танцевать и ходить повсюду с клатчем? *Клатчем*, а не прилагающимся к коляске чемоданом, в котором лежат подгузники, салфетки, запасная одежда и печенье, чтобы накормить целый взвод (или одного маленького мальчика).

Для начала просто выйти из дома – уже задача из серии «Миссия невыполнима». Дети словно чувствуют, что мама собирается сбежать, и уложить их спать еще труднее, чем обычно. Наконец «Дочурка Груффало» прочитана (половину страниц я пропустила, потому что уже опаздываю на полчаса), мальчики сопят в кроватках – теперь-то можно подумать о том, что надеть. Когда я в первый раз решила выбраться куда-то с подругами после рождения Джуда, то совершила большую ошибку: отложила выбор наряда на последнюю минуту.

О, как я об этом пожалела!

Вы можете считать, что пришли в форму после беременности, но платье для вечеринок, оставшееся от прежних дней, быстро вас разубедит. Я сдалась после того, как не смогла запихнуть в него выросшую грудь в унылом лифчике для кормления. Ситуацию серьезно осложнял и пятимесячный Джуд, который спал в нашей комнате; мне пришлось в полной темноте перерывать шкаф в поисках того, что на меня налезет.

Я не чувствовала себя ни эффектной, ни красивой. С трудом поборов унылое «Я выгляжу, как мешок с картошкой, и никуда не пойду», я все-таки решила, что это неважно. А важно то, что буквально через несколько минут я распушу волосы и в кои-то веки проведу вечер не за очередным сериалом. Поэтому я выудила из недр гардероба что-то похожее на модный топ и натянула узкие (ну, не слишком широкие) джинсы, выбрав самые чистые из всех, что носила на той неделе. Я не позволила какому-то платью испортить мне вечер!

Покопавшись в шкапулке с драгоценностями, я надела пару серег, радуясь, что наконец-то шаловливые пальчики не будут пытаться оторвать их вместе с ушами. Потом отыскала туфли на каблучке в шкафу, которому давно пора бы присудить «Орден Бермудского треугольника» первой степени. Нанеся на губы блеск (возможно, тот самый, что когда-то купила в супермаркете), я вышла из дома. И час спустя сидела в баре, слушала музыку (настоящую музыку, а не песенки из «Улицы Сезам»!), пила джин и болтала с друзьями. Я сделала это!

Позже я периодически устраивала себе такие выходы в свет, и с каждым разом у меня получалось все лучше. Да и дети подрастают. Но должна сказать, что комбинезон – однозначно плохой выбор для вечера. Особенно если у вас беда с мочевым пузырем. Я провела полночи, раздеваясь и одеваясь в туалете. О чем я думала, когда вытаскивала его из шкафа?.. Ну, знаете, обычно я радуюсь, если там попадается одежда, не испачканная в детской присыпке или чьей-то отрыжке. И меня, если честно, не слишком заботит, в чем именно я буду болтать о *нормальных* вещах вроде современной музыки («Что вы думаете про дабстеп?» – «У меня недавно кран на кухне засорился, отличная композиция вышла») или кредита, который вам придется взять, чтобы оплатить второй коктейль.

Вот такие у меня теперь «тусовки» с друзьями. Я вырываюсь из четырех стен и на время забываю о кормлениях, стерилизации бутылочек, бубнящем телевизоре и зависании в Фейсбуке. Я заслужила отдых. И пока на моей одежде нет пятен от детского питания, а в сумке болтается тушь с помадой, я торжествую, едва выйдя за дверь...

...но ближе к пяти утра опьянение победой сменяется горьким чувством поражения. Эйфория от побега из унылой ежедневности и общения с людьми, куда более клевыми, чем я, притупляется. Поспав всего четыре часа, я просыпаюсь с ощущением, будто у меня во рту кошки нагадили; к горлу подкатывает тошнота, а в ушах уже гремит: «Мама, я хочу какать!», от которого не спрятаться и не скрыться. Я понимаю, что впереди меня ждет не уютный день в

обнимку с колой и чипсами, а поход в игровой центр, где нужно будет приглядывать за носящимся сломя голову трехлеткой. Чтобы он в буквальном смысле не сломал себе голову.

Когда у вас маленькие дети, глоток свободы горчит от осознания, насколько она кратковременна. Вы разойдетесь по домам, и все вернется на круги своя.

Шоу должно продолжаться.

А как было бы славно отлежаться хоть до обеда...

Адские игровые центры

Игровые центры вызывают у родителей смешанные чувства: от любви до ненависти. Поначалу я относилась к ним с подозрением, а предложения сводить туда детей на «игровые свидания» встречала без энтузиазма. Но со временем я прониклась к ним искренней симпатией, а это уже говорит о многом. Если вы понятия не имеете, о чем я, то представьте огромную комнату без окон – где-нибудь в торговом центре или на территории бывшего завода – до потолка набитую игровыми лабиринтами, горками, паутинами и сухими бассейнами. Чаще всего они носят названия вроде «Зов джунглей» или «Остров маленьких дикарей», и я не знаю лучшего места для встречи с другими родителями.

– Почему? – спросите вы.

Ну, неискушенному зрителю, случайно заглянувшему в игровой центр, может показаться, что он попал в ад. И в чем-то он будет прав. Но родителям игровые центры дарят возможность пообщаться и встретиться с друзьями, одновременно обеспечивая маленьких маугли физической активностью до такой степени, что они гарантированно уснут к началу «Она написала убийство». Опять же, поход в игровой центр – это смена привычной обстановки на другую. Пусть слегка пованивающую и очень шумную, но иногда о большем и мечтать нельзя. Например, когда за окном третий день льет дождь, и вы уже тихо ненавидите стены собственной гостиной, а дети начинают на эти самые стены лезть.

Тем не менее неопытному родителю к первому походу в игровой центр стоит хорошенько подготовиться. Совсем как новобранцу, идущему в первый бой. Соберитесь, ибо впереди вас ждет...

– Мощная атака на все органы чувств. Едва вы войдете в здание, на вас обрушится буйство красок, звуков и запахов. Дети будут скакать вокруг, как хлебнувшие энергетика маршутки. Поначалу вам покажется, что вы тонете в море воплей, футболок с Хэллоу Китти и сопливых носов, но через полчаса ваши глаза и уши привыкнут к этой какофонии. И если вы в панике скомандуете отступление, то будет поздно – ваш ребенок успеет затеряться среди неуправляемой толпы.

– В какой-то момент ваша бдительность притупится. Счастливые взвизги и надоедливый плач сольются в терпимый фоновый шум, лишь изредка нарушаемый тревожным «Ты не хочешь в туалет?» или вашим грозным «Если не начнешь играть нормально, мы пойдем домой!». При этом и вы, и ребенок прекрасно знаете, что угрозу в исполнение вы не приведете, поскольку еще не успели обсудить с подругой статью по работе или допить свой еле теплый кофе. Так что, даже если вашим детям нет друг до друга дела, они будут играть. И неважно, что потом вам придется их разнимать.

– У вас промокнут носки. В лучшем случае вы наступите в лужу сока. Но будьте бдительны: не все то сок, что желтое и разлито по полу. Особенно если вокруг много детей. Кто-нибудь обязательно описается. Кого-то непременно стошнит. Я своими глазами наблюдала Чрезвычайную Ситуацию, когда свежеприученный к горшку ребенок покакал, съезжая с горки. Да, такое тоже бывает. Мужайтесь.

– Походы в игровые центры заставят вас вспомнить, почему вы не слишком любите чужих детей (а временами и собственных). То, что они носятся, как бешеные бурундуки, еще не самое страшное. Вот когда «дети постарше» врываются на площадки для малышей, мамы призывают на помощь всю свою выдержку, чтобы не превратиться в берсерка. Потому что «тут сказано “до пяти лет”, маленький ты паршивец!»

– Смириться с тем, что владельцы игровых центров тоже должны зарабатывать. Это всего лишь бизнес, а не райский уголок для мам, которые утратили волю к жизни в своих гостиных. Поэтому детей будут завлекать разбавленным соком и подмокшими сэндвичами. А вас – обжи-

гающе горячим чаем. Его еще нужно не пролить на спящих под ногами леммингов, которые в самый неподходящий момент помчатся из лабиринта на батут.

– «Дети должны все время находиться под присмотром», – гласят правила центра. Ха. Ха. Ха. Кого вы хотите обмануть? В игровых центрах довольно часто встречаются родители, которые понимают «под присмотром» как «под присмотром какой-нибудь другой мамы». Они великодушно позволяют чужим родителям разбираться в ситуации, а сами сидят на пластиковых стульях и попивают кофе, делая вид, что их здесь нет. Но в конце концов, вы пришли сюда не затем, чтобы помогать маленькому Сэму взбираться по ступенькам или отчитывать большого Билли за то, что он пихается локтями. С чего эти люди взяли, будто вам доставляет удовольствие следить за их неуправляемыми детьми?

Вы что, похожи на Мэри Поппинс, которая в припадке благотворительности устроилась волонтером в игровой центр? Ну уж нет. Посмотрите на ребенка и громко спросите: «Где твои родители?» Страдать должны все. Вот главное правило!

Когда я написала об этом в блоге, мама двоих детей чуть постарше моих мальчишек оставила комментарий, что достаточно набегалась по игровому центру, присматривая за своими и чужими детьми, пока они были маленькими. Так что она заслужила право на горячий шоколад и спокойное чтение журнала. «Я свое отбегала», – написала она. Ее слова внушают надежду.

– Тщательно продумайте экипировку. Заклинаю вас: не надевайте в игровые центры джинсы с низкой талией! Однажды вам обязательно потребуется вылавливать ребенка из сухого бассейна или взбираться к нему по стенке для скалолазания, и я вас уверяю – вам не захочется в этот миг демонстрировать окружающим свои трусики. Лично я после рождения Джуда почти год носила уютные хлопковые «панталоны», но вряд ли кто-то был рад созерцать их, доедая подмокший сэндвич. То же касается кофточек с глубоким вырезом. Я как-то потеряла среди шариков в бассейне прокладку из лифчика: то ли по ошибке надела дома слишком широкий бюстгальтер для кормления, то ли моя грудь отправилась в свободное плавание, пока я была занята другими делами. Мне до сих пор интересно, что стало с той прокладкой... Боюсь даже представить, что еще таится в глубинах сухих бассейнов. Определенно, там нашли последнее пристанище не только пластыри и резинки для волос... В общем, примите как данность: лучший наряд для похода в игровой центр – легинсы и футболка. Или джинсы с высокой талией. И не забудьте запасные носки. Потому что лучше уж промочить ноги, вляпавшись в какую-нибудь лужу, чем подцепить грибок.

– Скорее всего, общаться с подругой вы будете урывками, если вам в принципе удастся втиснуть хоть пару фраз между окриками своего драгоценного отпрыска. «Я подумываю сменить работу, но... Не лезь на горку! – А я рассказывала тебе, как прошли роды Клэр? У нее было раскрытие три сантиметра, когда... – Так, быстро иди сюда! Мама ОЧЕНЬ ЗЛИТСЯ!» И когда вы хоть немного введете друг друга в курс дела, настанет время уходить.

– Настать-то оно настанет, но кто сказал, что будет легко? Детей совсем непросто вытащить из этой демонической песочницы. Они начинают плакать, убегают в лабиринт, а то и вовсе намертво застревают где-нибудь в тщетной надежде, что мама сдастся и оставит их там. Ах, если бы! Ну так вот, перед выходом из дома не забудьте положить в сумку какое-нибудь вредное лакомство, чтобы с его помощью заманить детей в машину. И поставьте в холодильник вино. Ведь маме тоже нужно себя порадовать.

И еще одно: если вы в середине беременности или мучаетесь тяжелым похмельем после вчерашней встречи с подругами, не ходите в игровой центр. Это будет не просто пыткой. Застенки инквизиции покажутся вам раем! Оставайтесь в гостинной. Просто включите детям мультики.

«Ненавижу игровые центры. Дети не играют и не общаются, они просто носятся, пытаясь причинить друг другу как можно больше увечий. Потом подзаряжаются сахаром – и снова носятся. Швыряют друг в друга шары,

изображают камикадзе на трамплине и сшибают на горке детей помладше.
Игровые центры – это комнатная версия ‘Повелителя мух’».
Джоанн, Сандерлэнд

Что за бардак! **(Я виню во всем игрушки)**

Я уже сбилась со счета, сколько раз мы с Джеймсом в немом отчаянии взирали на то, во что превратилось наше жилище. Конечно, дом там, где твое сердце, но я не могу сказать, что мое сердце принадлежит дому, в котором я живу вот уже три года. Это место, где мы спим и едим и где я четыре дня в неделю умоляю детей успокоиться и перестать разносить все вокруг. Но оно даже отдаленно не напоминает семейное гнездышко, о котором мечтали мы с мужем. Наверное, с нашей стороны было не слишком умно покупать «проект» – впрочем, в то время ничего другого мы себе позволить не могли, так что заключили сделку, несмотря на воняющий мокрой псиной ламинат. В доме хватало пространства (три спальни, не придется сидеть друг у друга на головах), и хотя в остальном он был далек от идеала (ванная не готова, прачечной и в помине нет, о кладовках можно не мечтать, парковка отсутствует, а на кухне – просто чудовищная кафельная плитка с фаллическими грибами в стиле семидесятых), мы разглядели в нем потенциал. Сейчас я даже не скажу, где именно. И куда мы вообще смотрели.

Так или иначе, если у вас нет ни времени, ни денег, на одном потенциале далеко не уедешь. С детьми вы не можете позволить себе роскошь медленно и вдумчиво доводить жилище до ума своими руками. Мы, к несчастью, об этом не подумали и обрекли себя на бесконечное «мы разберемся с этим на выходных/через месяц/ следующим летом». Три года исправно нарушаемых обещаний привели к тому, что сейчас наш дом можно назвать весьма... интересным. Иногда мне нет до этого никакого дела. Но порой невозможность привести все в порядок из-за бегающих и ползающих детей повергает меня в полнейшее уныние. Как и Джеймса.

До рождения Генри и Джуда мы бы не стали мириться с подтекающей раковиной и люстрой, в которой отсутствует половина лампочек (мы искренне верили, что решим обе проблемы сразу после переезда, – и кого мы обманывали?..). В те благословенные времена нам бы и в голову не пришло использовать старую простыню в качестве занавески, потому что шторы-блэкауты обрушились в самый

неподходящий момент (мы собирались подыскать крепления покрепче... два года назад). Если бы до появления детей кто-нибудь сказал, что я возьмусь красить кухонные панели и так никогда и не закончу, я бы просто рассмеялась ему в лицо. Потому что невозможно быть *настолько* ленивой. Да и кто согласится жить с наполовину покрашенной кухней? Ах да... Но следующим летом я непременно доберусь и до кухни. Учитывая, что нам с Джеймсом с трудом удастся выкроить время, чтобы посидеть в туалете без вмешательства двух очаровательных мальчуганов, готова поспорить, что с годами список недоделок будет только расти. Если, конечно, мы когда-нибудь не продадим дом, и агент по недвижимости не вынудит нас расстаться с фаллической плиткой. Возможно, к тому времени она даже начнет мне нравиться!

Помимо всяких недоделок, есть еще и общий беспорядок. У меня создается впечатление, что дом не там, где сердце, а там, где бардак. И если нам с Джеймсом случается заговорить о том, в каком ужасающем состоянии пребывает наше жилище, мы неизбежно находим корень проблем в одном – *в игрушках*.

Если у вас в доме нет отдельной игровой комнаты (надо сделать заметку себе на будущее), то все прежде свободное пространство превращается в Центр раннего развития, и количество разного игрушечного хлама растет там в геометрической прогрессии. Вы попытаетесь сдерживать хаос в течение дня, снова и снова убирая игрушки (спасибо шведам за интересные решения для хранения всей этой ерунды), но в какой-то момент поймете, что это сизифов труд. Когда я слышу, как Генри высыпает лего на ковер, у меня каждый раз умирает частичка души. Как бы я ни старалась потом собрать все детали конструктора, одна из них коварно вопьется

в пятку, когда я приду проверить спящего ребенка. «Спокойной ночи, мой ангел. Сладких снов, малыш. Люблю... *Ауц! Гребаный лего!*» Я обнаруживаю игрушки в самых неожиданных местах: Могучие Рейнджеры подглядывают за мной в душе, мистер Картофельная голова оставляет ухо в сумочке, а как-то раз я оказалась в постели с Баззом Лайтером. И он мог сколько угодно утверждать, что «бесконечность – не предел»⁶, но мое терпение точно не бесконечно.

И это далеко не все! На самом деле я написала целый список причин, по которым ненавижу игрушки. Возможно, меня подтолкнул к этому последний инцидент с забытым кирпичиком лего. Ведь всем известно, что существуют три уровня боли: 1) больно; 2) очень больно; 3) наступила на лего.

Семь причин моей ненависти к игрушкам

1. От них невозможно избавиться. Как только ты начнешь складывать в коробку вроде бы позабытые игрушки, чтобы сплавить их кому-нибудь на гаражной распродаже или отдать соседскому мальчику, внезапно выяснится, что эти-то игрушки твой ребенок и любит *больше всего на свете*. Дешевый пластиковый трактор, невесть сколько провалявшийся на дне корзины? Самая любимая игрушка! Половина чайного сервиза, собирающего пыль на книжной полке? Самая любимая игрушка!

В какой-то момент я вздумала избавляться от старых игрушек под покровом ночи, но Генри быстро заставил меня отказаться от этой идеи. Потому что он знает их все наперечет. И, кажется, проводит инвентаризацию каждое утро.

Я смеялась до слез, когда подруга рассказала, как решила отнести «этот хлам» на школьную благотворительную распродажу. А сын, узнав об этом, закатил такую истерику, что ей пришлось выкупать собственные игрушки. Которые были забыты уже на следующий день. Дети странные.

2. Упаковка. Какое-то совершенно безумное количество упаковки! Даже если вам удалось прорваться сквозь слой картона, пластика и металлических креплений, все равно без отвертки вы рождественский подарок своего сына не вытащите. Я чуть не дошла до нервного срыва, пока вызволяла Оптимуса Прайма из упаковочного плена. Зачем?! Я не понимаю, зачем так усложнять? На планете и без того довольно мусора, чтобы добавлять к нему коробки от игрушек.

3. Батареек всегда не хватает. Если вы, конечно, не Суперорганизованная Мама, у которой запас батареек лежит в ящике комода вместе со свечами на случай отключения электричества и пустыми поздравительными открытками. У меня никогда не было такого ящика, так что поздравлять родных и друзей мне часто приходится устно. Так вот, если вы обычная мама, то батарейки всегда будут заканчиваться в самый неподходящий момент. Мы пожертвовали батарейки от телевизионного пульта Спасательной станции пожарного Сэма («Фильм мы сегодня уже не посмотрим, зато город Понтипанди в безопасности»). Впрочем, когда батарейки полны энергии, от этого не легче. Потому что говорящие и музыкальные игрушки нереально раздражают. Я лично вытащила батарейки из говорящего медведя (если вы цените свое психическое здоровье, не покупайте детям говорящих медведей!). Должна сказать, медведь не виноват, просто я после пяти часов «Я милый маленький медведь, // Умею громко я реветь!» слегка поехала крышей. Помню, я раскурочивала отверткой отделение для батареек, бормоча под нос: «Посмотрим, как ты теперь будешь реветь!» После этого медведь онемел и упокоился на дне корзины в детской. Но по сей день остается *самой любимой игрушкой Генри* – если я вздумаю от него избавиться.

⁶ Коронная фраза Базза Лайтера из мультфильма «История игрушек». – Прим. перев.

4. Они ломаются, и все плачут. В первую очередь страдает пластиковый ширпотреб из магазинов «Все по одной цене». Через пару дней у игрушек отваливается какая-нибудь деталь, дети начинают рыдать, а родители обещают, что «обязательно все починят». У меня уже целый ящик поломашек, которые напрасно ждут, когда кто-нибудь купит живительный суперклей. Мы все знаем, что этого не случится, и сломанные игрушки улетят в мусорное ведро после очередного проникновенного разговора на тему «Как можно жить в таком бардаке?».

5. Игрушки из сотен мелких деталей, горите в аду. Клянусь, у меня набралась уже целая коллекция лишних запчастей, которые не подходят ни к одной игрушке или паззлу! Порой мне кажется, что они возникли из ниоткуда, порожденные игрушечной чумой. Но я не осмеливаюсь отправить их в помойку (вы же помните, у Генри все подсчитано!). А еще игрушки имеют свойство теряться. Снимаю шляпу перед всеми, кто сберег телефон от ходунков. Наш бесследно исчез спустя месяц. Мелкие детали также становятся источником головной боли, если по дому бодро на четвереньках перемещается младенец, который стремится все попробовать на зуб (или десну). Даже вспомнить боюсь, сколько раз стены нашего дома содрогались от крика: «Не оставляй это на полу, твой брат подавится и задохнется!»

6. У любого человека с нормальным цветовосприятием от них болят глаза. Даже если мы соберемся с силами и приведем дом в порядок, эта проблема никуда не денется. Я не представляю, в какую обстановку может вписаться разноцветный коврик-пазл из мягкой пенки. В журнале «Идеальный дом» вы никогда не наткнетесь на статью о том, как грамотно сочетать в интерьере мобиль, парковку и спасательную станцию. Скорее всего, после рождения детей вы напрочь забудете, какого стиля изначально придерживались при обстановке жилища. Если, конечно, вам не близок лего-конструктивизм или хай-пластик.

7. Заоблачная цена! Если мы говорим не об одноразовом ширпотребе, который покупают лишь с одной целью – унять нудеж во время похода за продуктами, то стоимость большинства игрушек не лезет ни в какие ворота. Мне надоело тратить целое состояние на героев всяких мультфильмов. Опять же, никакой гарантии, что ребенок не утратит интерес к Щенячьему патрулю на следующий день после покупки, и отряд не будет печально пылиться в ящике. Честное слово, я потратила на эту компанию столько денег, что вполне могу претендовать на свою долю от продаж.

«Мне больше не нравится “Пожарный Сэм”, он для малышей!»

Да ты издеваешься! Что ж, в таком случае можно пригрозить уборкой и потрясти мусорным пакетом. Ребенок быстро вспомнит, что это его самая любимая игрушка...

Пользуясь случаем, хочу попросить прощения у всех друзей, которые обзавелись детьми раньше меня. Простите! Простите, что покупала вашим детям пластилин, наборы для творчества и игрушки из тысячи деталей. Я думала, они займут их в дождливый воскресный день, а потом вернутся в свои коробки. Я не знала. Простите еще раз.

«Игрушки из киндер-сюрприза. Я не понимала, что такое боль, пока не наступила посреди ночи на крошечного динозавра».

Лорен, Корнуолл

То, что я обещала не делать, когда стану мамой. Но делаю. С завидной регулярностью

– Нет, ну как так можно? – насмешливо спрашивала я Джеймса, когда мы обсуждали раздражающее поведение других родителей. У нас еще не было своих детей, но мы твердо знали, что сами никогда *так* делать не будем. Что ж, у жизни своеобразное чувство юмора. Теперь я делаю почти все, за что раньше высмеивала других.

Я поднимаю ребенка и нюхаю подгузник

Неторопливо, с чувством, едва ли не зарываясь в него носом. Еще до появления Генри я слышала, как одна мама говорит: «Ты всегда можешь по запаху распознать какашки своего ребенка». Тогда я втихомолку посмеялась и подумала, до чего же у нее унылая жизнь. Три года спустя я готова биться об заклад, что узнаю подгузник Джуда среди двадцати таких же, не менее закаканых. Честное слово, это испытание нужно включить в какую-нибудь телевикторину.

Я называю мужа «папочкой»

Безо всякого сексуального подтекста. Поверьте, я старалась. Мне становилось жутко при мысли о том, что из мужа и жены мы превратимся в мамочку и папочку. Но даже сегодня я иногда забываюсь и спрашиваю у Джеймса: «Папочка, хочешь чаю?», хотя наши дети давно спят в кроватках. А папочка ничуть не переживает по поводу того, что супруга, кажется, забыла, как его зовут. Арг-х!

Я мало забочусь о внешности

Нет, нельзя сказать, что я совсем махнула на себя рукой. Когда на горизонте маячит встреча с людьми, которые знали меня до появления двух этих маленьких спиногрызов, я очень даже беспокоюсь о внешности. Меньше всего на свете мне хочется, чтобы они с жалостью подумали: «Она совсем себя запустила». Но в обычной жизни дети оставляют не так много времени на заботу о красоте. Порой я забываю побрить ноги, хожу по дому (и даже по улице) в толстовке с застарелым пятном от запеченных бобов и поглощаю рыбные палочки прямо с противня. Да, в такие минуты я и сама прекрасно сознаю, что ниже падать некуда.

Я вру детям

Иногда я вру, потому что ложь – наименьшее из зол. «Ох, милый, кондитерская уже закрылась, так что мы не сможем купить торт!» – говорю я, торопливо проводя сына мимо кондитерской (которая, понятное дело, и не думала закрываться в разгар дня). Просто я знаю, что не выдержу истерику, которая неизбежно последует за моим решительным: «Нет, сегодня мы не купим торт». Маленькая ложь сэкономит мне немало нервных клеток.

Иногда врать приходится потому, что дети отказываются воспринимать правду. Или не могут, потому что еще не доросли. Кстати, я не одна такая. Подруга поделилась записью разговора со своей трехлеткой, озаглавив диалог «Как же я от этого устала...»

Честер: А когда папа был маленьким, он жил с бабушкой и дедушкой?

Я: Да.

Честер: А где я была?

Я: Тебя не было, ты еще не родилась.

Честер: Я была большой?

Я: Нет.

Честер: Я была маленькой?

Я: Нет.

Честер: Я была в джунглях?

Я: Да. Ты была в джунглях.

Я говорю: «Боже, как он(а) вырос(ла)!» всякий раз, когда вижу детей родных или знакомых

Я понимаю, что это естественно. Дети растут каждый день. Если вы полгода не видели племянницу, она, скорее всего, успела подрасти. И тем не менее, меня так и тянет начать разговор с «Ты только посмотри, какая она большая» или «Они уже совсем взрослые. Как летит время!». Да, я знаю, это ужасно скучно. И я скучная.

Я выбираю отвратительные темы для разговора. Нет, серьезно, отвратительные

Я обнаружила в себе талант в подробностях обсуждать совершенно неинтересные и довольно неаппетитные вещи. Наша с Джеймсом «любимая» тема для беседы – размер, цвет и консистенция того, что мы обнаружили в горшке или подгузнике наших отпрысков.

– В последний раз у Генри там как будто черные червячки были!

– Это все банан. Вчера было то же самое, я уже погуглила.

– Мне больше нравятся твердые какашки.

– Мне тоже.

– Господи, ты только нас послушай. Как мы до этого докатились?

Возможно, мы обсуждаем содержимое подгузников и прочие скучные темы вроде того, во сколько уснул Джуд и что Генри съел на обед, потому что вести взрослые разговоры в присутствии детей совершенно бессмысленно.

Иногда мы все-таки заговариваем о работе, процентах по ипотеке и планах на выходные. Но дети перебивают нас через слово, а если не перебивают, то кидаются игрушками. И минуты через две мы все равно забываем, что собирались сказать.

Я подкупаю детей

– Я никогда не буду подкупать своих детей! – сказала я когда-то.

Ха. Ха. Ха.

По итогам трех лет беспросветного материнства могу сказать, что подкуп – единственная из освоенных мною тактик, которая реально работает. И я в этом не одинока: 99 % родителей время от времени подкупают своих детей⁷. За каждым идеально ведущим себя ребенком стоит шоколадка. Оставшийся процент родителей точно используют гипноз или колдовство.

Наверное, нам нужно не корить себя, а просто назвать эту тактику по-другому. Например, не подкупом, а стратегией сдерживания, переговоров и вознаграждений. Ведь по сути дела, мы всего лишь учим детей, что их действия имеют последствия. Например:

– Если съешь салат, получишь печенье.

– Если будешь хорошо себя вести на площадке, получишь печенье.

– Если поиграешь тихо, пока мама звонит в страховую компанию, я дам тебе печенье.

Что-то меня заклинило на печенье... Если я не хочу в будущем потратить целое состояние на детского стоматолога, нужно пореже давать мальчикам печенье подольше чистить им зубы.

Я кричу

⁷ Я не почерпнула эти цифры в каком-нибудь социологическом исследовании. И опросов тоже не проводила. Я их просто выдумала. Но искренне верю, что они соответствуют истине.

Дома. В машине. На прогулке. Порой я сама себе напоминаю героиню «Бесстыдников»⁸. Я прекрасно понимаю, что проблему криком не решить, но бывают дни, когда ничего другого не остается. Очень сложно всегда держать себя в руках, если у тебя есть дети. (См. главу «Один из таких дней».)

А еще я ворчу...

Как заезженная пластинка, я снова и снова повторяю просьбы и указания, которые никто (во всяком случае, мои дети) не слышит. Особой популярностью пользуются композиции «Вы можете вести себя потише?», «Играйте нормально!» и «Мы не пойдем гулять, пока ты не перестанешь ныть!». Причем я сама прекрасно сознаю абсурдность последней фразы: я вытаскиваю детей из дома, даже если они будут ныть всю прогулку, потому что сидеть в четырех стенах иногда невыносимо.

...и разбрасываюсь пустыми угрозами

Увы, я довольно часто прибегаю к угрозам, до того пустым и нереальным, что самой становится тошно.

– Значит так, повторяю в последний раз: никаких мультиков до конца недели!

Едва эти слова срываются с моих губ, я понимаю, что совершила большую ошибку. Ведь оставив сына без мультиков, я лишу себя единственной возможности спокойно попить чай!

– Сейчас я позвоню Санта-Клаусу, и он вычеркнет тебя из списка Хороших детей! Останешься без подарков – будешь сам виноват.

Да, на дворе август, но ничего лучше мне в голову не пришло.

– Попрошайся со своими любимыми игрушками, они отправляются в мусорное ведро.

Генри давно догадался, что иногда на маму «находит». Поэтому просто пережидает бурю, а потом тихонько переносит игрушки из «кучи на выброс» обратно к себе в комнату.

«Я вечно твержу: “Повторяю в последний раз”. Вот только все знают, что этот раз не последний. И даже не предпоследний. И повторять я буду каждые пять минут, пока дети не лягут спать».

Николя, Барнс

Я сюсюкаю. К месту и не к месту

Почти каждый предмет в нашем доме обзавелся уменьшительно-ласкательным суффиксом. Недавно я сказала мужу (цитата!): «Подогрей бутылочку с молочком, пока я сменю ему подгузничек и поищу погремушечку». Да, пока я это печатала, меня аж передернуло. Я представляю, как это непомерное сюсюканье раздражает окружающих. Родители и сами порой не рады, но у них не всегда получается переключиться на нормальный язык.

С другой стороны, дети растут очень быстро, так что пока я искренне наслаждаюсь сюсюканьем и нашим «особым» языком. Когда по утрам я достаю Джуда из кровати, то без всякого стеснения говорю ему: «Доброе утро, мой Сливочный Ангел». Никто не знает, откуда взялось это прозвище, но оно ему очень подходит. Он действительно самый настоящий Сливочный Ангел. И если бы я писала это в Фейсбук, то добавила бы еще и смайлик с сердечком, чтобы у вас все окончательно слиплось от умиления.

«Это не я, загружая на работе ксерокс, назвал его “ксерушкой”. Кто угодно, только не я».

Оуэн, Пул

⁸ Американская адаптация одноименного британского сериала «Shameless». Сериал рассказывает о неблагополучной семье Фрэнка Галлагера, отца-одиночки, алкоголика и наркомана, у которого шестеро детей. В то время как он проводит свои дни в алкогольном опьянении, его дети учатся жить самостоятельно. – *Прим. перев.*

Почему тосковать по прошлой жизни нормально

Я очень люблю болтать с Джеймсом о том, как мы жили до появления детей. Обычно разговор начинается так:

– Помнишь, когда-то я говорила: «Пойдем погуляем, подышим свежим воздухом». И мы просто шли гулять и дышать свежим воздухом. Вставали и шли! Не собирали сумку, не вытаскивали коляску. Даже не верится!

Или так:

– А помнишь, раньше мы за ужином обсуждали, как прошел день на работе. Я сейчас даже не соображу, когда мы в последний раз что-то спокойно обсуждали. Или нормально ужинали.

Ну, или так:

– Помнишь, как мы отдыхали в Доминикане? Один раз съездили на сахарные плантации, а потом три недели только плавали и загорали. Три недели! Мы даже сексом после обеда занимались, представляешь?

Хотя я встречала множество родителей, которые тоже мечтают о дне, посвященном блаженному ничегонеделанию, порой мне кажется, что я все-таки слишком сильно ностальгирую по жизни без детей. Особенно когда сталкиваюсь с родителями, которые по ней вообще не тоскуют.

Шкала тоски по прошлой жизни

0 = «Уже и не помню, как мы жили без детей. Даже думать об этом не хочу!»

5 = «Я скучаю по тем временам, когда с утра могла поваляться в кровати».

10 = «Я просто хочу попить чаю в тишине, сходить в туалет, не отгоняя от двери детей, вернуть назад свой крепкий мочевого пузырь и забыть о дешевом шампуне из супермаркета. Ты помнишь, когда у нас в бюджете оставались свободные деньги? Помнишь, что у меня была настоящая грудь, а не эти пустые мешочки?!»

О да, у меня все десять по «тоскливой» шкале.

Но стоит мне погрузиться в воспоминания о славных прежних деньках, я все время себя одергиваю. Потому что вместе с воспоминаниями неизменно приходит грызущее чувство вины (см. главу «Чувство вины»). Я ловлю себя на следующих умозаключениях: раз я постоянно думаю о прошлой жизни, значит, я жалею, что стала матерью и не ценю своих детей.

Но это же глупости. Я люблю своих сыновей. Бывают, конечно, дни, когда ты кажешься себе ужасной матерью, что бы ни сделала (или ни подумала). Но вообще я считаю, что не нужно слишком переживать из-за таких воспоминаний. И уж тем более корить себя за мечтательный вздох о тех днях (а он у всех вырывается время от времени). По правде говоря, нам стоит ценить те годы за все, что они олицетворяли:

- * Спонтанность
- * Непрерывный сон
- * Походы в кино на что-нибудь без Миньонов в главной роли
- * Встречи с подругами не для «игровых свиданий»
- * Беззаботную тупежку в Интернете
- * Свободные деньги на случайные покупки
- * Сумасшедшие ночи, которые заканчивались кебабами и пластырями на стертых до мозолей ногах
- Возможность приходить всюду вовремя
- * Ужины без криков и истерик

- * Отличное здоровье
- * Валяние на пляже с закрытыми глазами
- * Чтение в тишине (да что угодно в тишине!)
- * Возможность целиком съесть мороженое, когда тебе не приходится делиться с трехлетней, который уронил на пол уже второй шарик своего

Когда мой двухлетний сын улегся в торговом центре на пол возле эскалатора и завопил: «Помогите, я застрял! Пожар! Зовите пожарного Сэма!» (на самом деле он не застрял, и никакого пожара не было), я с особой нежностью вспомнила свои прежние походы по магазинам. Тогда я действительно занималась покупками. Я смотрела на одежду. И даже ее примеряла. Не впопыхах, не краснея, не потея – и не вызволяя чьи-то ноги, застрявшие в тележке. А еще не бормоча под нос ругательства.

Свалившись в прошлом году с тяжелой простудой, я то и дело с ностальгией припоминала, как болела раньше. Тогда я в буквальном смысле могла «свалиться» и провести в кровати весь день, попивая Колдрекс и температура в свое удовольствие. Но если у тебя есть дети, ты не можешь позволить себе роскошь обращать внимание на градусник. Ты встаешь в семь утра, вытаскиваешь себя из кровати, включаешь старшему «Клуб Микки Мауса», меняешь младшему подгузник и под бодрое «Тип-топ, тип-топ, тип-тип-тип-топ!» думаешь: «Кто-нибудь, пристрелите меня...»

Если синоптики обещают жару, я тоскую по дням, когда солнечная погода не ассоциировалась у меня с детскими ожогами и тепловыми ударами. Когда я не носилась за двумя сорванцами, чтобы намазать их солнцезащитным кремом и поправить панамки. Мы с мужем никак не ожидали, что Джуд получится таким... рыжим. Seriously, я не понимаю, откуда в нашем семействе взялся этот бледнокожий Рон Уизли. Но без панамки его на солнце выпускать нельзя.

Скучаю ли я по своей жизни до появления детей?

Да, иногда скучаю. Порой, когда я чувствую, что уже дошла до ручки, я ужасно тоскую по прежним дням. И хочу прожить их заново.

Но *на самом деле* возвращаться в те времена я не хочу. Ситуация изменилась. Из моей жизни действительно ушли беззаботность и спонтанность. И я не отрицаю, что порой готова почку продать за возможность спокойно попить кофе. А еще я была бы очень рада вернуть свое добеременное здоровье. Но, несмотря на усталость и поющих мышей-переростков, я бы ни на что не променяла свою нынешнюю жизнь. (Впрочем, если бы мне предложили раз в месяц летать на машине времени в 2008-й, чтобы провести там выходные, я бы тоже не стала отказываться.)

Я куда больше времени провожу, радуясь материнству, чем размышляя о том, как жила до появления детей. Когда-нибудь я буду и эти годы вспоминать с ностальгией, с нежностью перебирая в памяти чудесные мгновения с сыновьями. Да, я искренне верю, что через много лет львиная доля этих минут покажется мне чудесной, пусть даже сейчас я придерживаюсь иного мнения. Так что я ни в коей мере не считаю, будто обесцениваю настоящее воспоминаниями о прошлом.

Я просто размышляю о другом времени своей жизни. Ведь оно тоже было особенным.

И когда другие родители заявляют: «Я даже не помню, как мы жили до рождения детей», – я честно отвечаю: «А я помню. Прекрасная была жизнь».

Часть третья

Взялся за гуж...

«Иногда меня так и подмывает опубликовать в Фейсбуке шуточный статус: “Что значит быть мамой двоих детей? Это как быть мамой одного, только хуже”»

Где первый, там и второй

Кажется, окружающие дали нам шестимесячную передышку после рождения Генри, прежде чем начали забрасывать вопросами о втором ребенке. «Когда у Генри появится братик или сестричка? – интересовались люди, которые имели весьма отдаленное отношение к нашей семье. – Какая разница в возрасте кажется вам оптимальной? Вы уже решили, когда приступите к планированию? Разве не здорово, что в вашем доме осталась еще одна свободная комната – как раз для второго ребенка!»

Мы с мужем реагировали на эти вопросы так же, как кролики, выскочившие на дорогу, реагируют на свет приближающегося автомобиля. То есть в панике замирали.

Что мы могли ответить? Смутно помню, как мой мозг судорожно пытался выдать приличную версию фразы «Вы что, издеваетесь?». Это был мой первый год в роли матери, и меня абсолютно не радовала перспектива обзавестись еще одним младенцем, который украдет у нас с мужем последние часы сна. Как вы помните, поначалу материнство в принципе не оправдывало моих ожиданий. Увы, они основывались на ярких рекламных буклетах, где счастливая белозубая мама теплым весенним деньком подбрасывает в воздух малыша, который и не думает срыгнуть на нее завтрак. Реальность оказалась не столь радужной.

Я начала получать удовольствие от материнства, когда Генри исполнился год. Помню, на празднике по случаю его дня рождения я поймала себя на мысли, что мне нравится этот возраст и что я вроде бы освоилась с новой ролью. Одна из гостей пришла с малышом, которому было месяца три, не больше. Я весь праздник смотрела на него и думала: «Ну нет, во второй раз я на это не пойду!» Я только-только начала приходить в себя. У Генри более-менее наладился ночной сон, он активно болтал на своем языке и частенько меня смешил. Мне было слегка стыдно за то, что я бы предпочла стереть из памяти его первый год. Но в остальном я радовалась, что с младенчеством покончено. Худшее позади.

Поэтому вопросы о втором ребенке порядком меня раздражали. Я знала, что люди задают их из лучших побуждений и просто интересуются, какие у нашей семьи планы на будущее. Но никто не сомневался, что одним ребенком мы не ограничимся. И это слегка тревожило. Словно мы уже показали свое отчаянное безрассудство, и вопрос был лишь в том, когда нас снова потянет на «подвиги».

– Во многих семьях только один ребенок. Если честно, я не думаю, что мы решимся на второго, – в конце концов стала отвечать я, надеясь, что это охладит пыл собеседников.

– Но как же так?! – слышала я в ответ. – С кем же будет играть маленький Генри? Вы потом пожалеете. Не затягивайте с этим делом!

Мы с мужем твердо стояли на своем. Хватит и одного! В итоге от нас отстали. Но я все равно чувствовала, что тема не закрыта. Возможно, проблема была в неписаной заповеди нашего семейства: «Нужно два ребенка, не меньше!» Никто у нас в родне не останавливался на первенце, просто потому, что это было неправильно. У меня есть сестра, у Джеймса – брат, у них тоже по двое детей. Как будто все взяли на вооружение логику из детских сказок:

Одного ребенка недостаточно (да и одиноко ему будет!).

Трое – уже перебор (и придется покупать новую машину).

А вот двое – в самый раз.

Так что, хотя мы продолжали убеждать окружающих, что не планируем второго ребенка («Господи, нет, мы не хотим активировать режим самоуничтожения!»), близкие сошлись во мнении, будто мы еще просто «не дозрели».

– Вот подождите, еще передумаете, – говорили они...

И оказались правы, поскольку на Генри наша история не закончилась. Должно быть, мы действительно «дозрели». Или что-то заставило нас броситься в омут с головой – хотя теперь мы знали, что ждет в глубине.

В каком-то смысле так и было.

Джуда мы действительно планировали. Я обещала быть с вами честной, так что я бы призналась, если бы второй ребенок оказался сюрпризом. (Или «Малышом Упси», как написали на одном родительском форуме. Искренне надеюсь, что Малыш Упси вырастет без комплексов по этому поводу.) Нет, как и в случае с Генри, ко второй беременности мы подошли сознательно.

Так что же изменилось?

Дело было совершенно точно не в гормонах или инстинктах, которые взяли верх над здравым смыслом. Я ждала, что захочу второго ребенка, как когда-то захотела Генри, но тщетно.

Вместо этого я ощутила беспокойство.

И когда поделилась им с Джеймсом, оказалось, я не одинока в своих чувствах. Проблема была не в том, что мы пытались уклониться от «ответственности», остановившись на первенце. Для себя мы давно решили, что лучше быть счастливыми родителями одного ребенка, чем несчастными родителями двоих. И все же какой-то червячок грыз нас изнутри. Теперь, когда меня спрашивали о втором, я отвечала «Пожалуй, с нас хватит!» уже без прежнего задора. Моя убежденность потихоньку испарялась. И ко второму Рождеству Генри мы стали все чаще возвращаться к этому вопросу. Наконец у нас с Джеймсом состоялся Второй Серьезный Разговор, и пару часов спустя мы решили, что все-таки попробуем.

О чем мы говорили?

О том, что всегда хотели двоих детей. Что когда представляли нашу семью через десять лет, там обязательно был еще один ребенок. Двое детей на заднем сиденье, двое детей на празднике, двое детей за обеденным столом... В нашем будущем мы видели счастливую семью из четырех человек. Да, как родители почти двухлетнего мальчугана, мы были вполне довольны тем, что есть. И не испытывали большого желания снова возиться с младенцем, проходить через беременность и тяготы первых месяцев. Но все равно не представляли свою семью с одним ребенком. Может, на нас подспудно влияло общество, в котором норма – двое детей. Но, скорее всего, дело не в этом. И уж точно не в страхе, что Генри будет не с кем играть. Просто без второго ребенка наша семья казалась неполной.

Ну, и, если быть до конца честными, мы эгоистично надеялись, что, когда дети подрастут, они будут развлекать друг друга, а мы наконец сможем поваляться на пляже и насладиться мохито. Потому что мы это заслужили.

Нравилось нам это или нет, но второй ребенок из картинки Идеальной семьи не собирался, как по волшебству, появляться на заднем сиденье нашей машины или за обеденным столом. Мы оба понимали, что перед этим нам нужно будет через многое пройти. Причем теперь мы знали, через что именно.

Так что в каком-то смысле мы не передумали. Второго младенца мы по-прежнему не хотели. Но мы сосредоточились на том, что хотим еще одного ребенка. В начале декабря мы решили попробовать, и Джуд не оставил нам времени пойти на попятный: к Новому году я уже забеременела.

Если бы я думала только о младенческом периоде, то вряд ли отважилась бы на второго ребенка. Хотя сейчас сама мысль об этом кажется безумной, ведь Джуд оказался идеальным малышом. Истории о том, как он спит, стали настоящей легендой среди наших знакомых. Генри, милый, если ты это читаешь, знай: ты тоже был замечательным младенцем. И о тебе тоже ходили легенды. О том, как ты срыгивал на два метра и отказывался спать... Ты у нас просто поздно расцвел.

Я лишь недавно впервые поймала себя на том, что смотрю на новорожденного и думаю: «Ох, как же я скучаю по таким малышам». Кажется, я даже на секунду задумалась о третьем, когда уткнулась носом в пушистую младенческую макушку.

Я уверенно приближаюсь к тридцатилетию, и мне становится слегка не по себе, так как Мать-природа все настойчивее шепчет: «Пришло твое время», попутно бомбардируя мой мозг гормонами. Возможно, я только сейчас созрела до того, чтобы стать матерью. Возможно, я поторопилась с детьми лет на пять или даже шесть.

Это, знаете ли, многое объясняет.

«Когда мы возвращались из отпуска, старшего ребенка сильно укачало. Я не придумала ничего лучше, чем подсунуть ему резиновый сапог. А потом восьмимесячный младший обгадился по уши. Я сидела на заднем сиденье, с сапогом, полным рвоты, и вдыхала какашечное амбре. Замечательная вышла поездка».

Джули, Дэвон

Один и двое: в чем разница?

Помимо расспросов о втором ребенке, был еще один момент, который доводил меня до белого каления. Стоило мне упомянуть в разговоре, как тяжело бывает с Генри, как трудно прийти в себя после пятой бессонной ночи кряду или очередной истерики в автобусе, в ответ я слышала снисходительное: «Посмотрим, что ты скажешь, когда их будет двое!» То есть люди даже не допускали мысли, что с одним ребенком тоже бывает нелегко. Хотя мне было.

А потом на детской площадке я услышала, как одна мама рассказывала другим о втором ребенке. Она рассуждала так: «Я меньше беспокоюсь о ней [о младшей дочери], потому что у меня попросту меньше времени для беспокойства. Многое из того, что казалось недопустимым с сыном, на деле таким не было. Я сама ставила себе эти ограничения. С одним ребенком

действительно было проще, только я этого не понимала. Теперь понимаю, но уже поздно».

В ее словах было рациональное зерно. Ведь после рождения Джуда мы с Джеймсом тоже завели привычку с нежностью вспоминать жизнь с одним ребенком – совсем как раньше ностальгировали по жизни без детей вообще. «Как легко было с Генри! И почему мы не брали его на выходные за границу? Мы бы с ним прекрасно отдохнули», – говорим мы иногда, но быстро себя одергиваем. Мы понимаем, что в то время нам было с Генри совсем не легко. Мы с трудом привыкали к новым ролям и постоянно беспокоились, все ли делаем правильно. Да и в конце концов, не так важно, сколько у вас детей – один или десять. Порой всем родителям приходится несладко.

Иногда меня так и подмывает опубликовать в Фейсбуке шуточный статус: «Что значит быть мамой двоих детей? Это как быть мамой одного, только хуже».

Впрочем, я бы не сказала, что с двумя детьми мне стало намного тяжелее. Хотя у всех по-разному. Для меня в материнстве сложнее всего было свыкнуться с тем, что моя жизнь больше мне не принадлежит. Она не принадлежала мне с того самого момента, как мы вышли с новорожденным Генри из больницы и поехали напрямик в Мак Драйв (да, это был его первый выход в свет). И с этой точки зрения второй ребенок мало изменил ситуацию. Наверное, поэтому мне оказалось не так сложно перестроиться с одного ребенка на двоих. Плюс ко всему, по сравнению с «ураганом» Генри Джуд был просто ангелочком: он гораздо больше спал и значительно меньше кричал.

Но – и это очень весомое но! – после рождения Джуда мы столкнулись с некоторыми моментами, которые ну никак не могли предусмотреть. Есть вещи, которые вы не осознаете в полной мере, пока у вас не появится еще один ребенок. Они-то и остужают мой пыл, когда я загораюсь мыслью о третьем. Вот наш список внезапных «открытий».

У вас лишь одна пара рук

Знаю, это кажется очевидным, но после рождения второго ребенка я не раз жалела, что у меня всего две руки. В моей жизни довольно часто приключаются ситуации, когда я не знаю, за какого ребенка хвататься, а какого оставить без внимания.

Тяжелее всего мне пришлось, когда я впервые потащила обоих мальчишек к доктору. Мы сидели в приемной, через десять минут врач должен был осмотреть Джуда, которому как раз исполнилось два месяца. Мне казалось, что я неплохо справляюсь: мы пришли вовремя, и никто не плакал. А потом Генри слез со стула и улегся на пол лицом вниз. Когда я спросила, зачем он это сделал, сын крикнул: «Я отдыхаю!» Я в тот момент кормила Джуда и, честно говоря, растерялась. Но поскольку Генри не скандалил и никто не жаловался, что приходится перешагивать через мальчика по пути в регистратуру, я предпочла оставить его в покое.

Прошло еще несколько минут, и Джуд решил, что достаточно побаловал маму хорошим поведением. Он принялся сучить ножками и хныкать (то ли газы одолели, то ли устал), а недавно приученный к горшку Генри не придумал ничего лучше, чем объявить, что хочет в туалет. В отделении был всего один туалет, и коляска туда не пролезала.

К такому я была не готова.

Когда стало ясно, что Генри не дотерпит до дома (он начал приплясывать от нетерпения), я поняла, что выбора у меня нет. Я вручила Джуда приятной пожилой даме, случайно оказавшейся рядом, и объяснила, что мне нужно отвести сына в туалет. Уверена, с Генри мне бы даже в голову не пришло отдать его незнакомке, пусть и всего на пару минут. Но в той ситуации поход в туалет со старшим сыном показался мне делом первостепенной важности. Иначе нам бы пришлось иметь дело с грязным протестом в приемной.

Как выяснилось, я не зря прислушалась к своей интуиции. Генри не просто хотел в туалет, он хотел сделать «большое дело». Восхитительно. Никогда в жизни я не разрывалась так, как в тот день. С одной стороны, мне нужно было держать Генри, чтобы он раньше времени не спрыгнул с унитаза, с другой – мне не давала покоя мысль, что мой несчастный младший сын может стать героем новостного выпуска о пропавших детях.

Наконец туалетная миссия завершилась, и я с большим облегчением обнаружила, что пожилая дама по-прежнему сидит в приемной с Джудом на руках. Малыш заливисто хохотал и, кажется, ничуть не возражал против незнакомой бабушки.

А незнакомая бабушка сообщила мне, что пока мы пропадали в туалете, кто-то пошел к доктору вместо нас. Так что нам пришлось отсидеть в приемной еще двадцать минут, в течение которых Генри гордо делился с окружающими своими познаниями о личной гигиене: «Нужно ручки с мылом мыть, чтоб вонючкой не прослыть!»

Я же одной рукой укачивала уставшего Джуда, а другой набирала мужу эсэмэс о том, что больше никогда не поведу его детей к врачу.

Иногда стресс удваивается

Когда у вас двое детей (или больше, но я даже боюсь это представить), поход куда-либо превращается в настоящую эпопею. Собрать сумку на день, выйти из дома и загрузиться в машину или в автобус с двумя куда сложнее, чем с одним, уж вы мне поверьте!

Я в полной мере осознала, что обстоятельства изменились, когда однажды утром проснулась, преисполненная родительского энтузиазма, и решила съездить с сыновьями на пляж. Генри тогда только исполнилось три года, Джуд подбирался к пятимесячной отметке.

Да, я собиралась ехать с ними на машине.

Одна.

Накануне я в очередной раз дошла до ручки и поняла, что просто не переживу еще один день в четырех стенах с плачущим младенцем и неукротимым трехлеткой, который носится по гостиной с криками «не поймаешь, не поймаешь!». И меня осенило: нужно выбраться из дома. И убраться от него куда подальше.

– Мальчики, мы едем на пляж! – объявила я.

Идея незапланированной поездки была удивительно... освежающей. Я приободрилась. Генри пришел в восторг, и я решила в кои-то веки примерить на себя роль Веселой мамы.

– Поехали на пляж! Прямо сейчас!

Вы только посмотрите, я не разучилась веселиться!

На часах было девять утра. Я сказала сыновьям, что мы соберем вещи и сразу поедем.

В машину мы сели только в 11:47.

С момента зарождения плана до погрузки в автомобиль прошло три часа. Не буду утомлять вас подробным описанием того, на что мы их потратили. Если у вас есть дети, вы и сами

прекрасно понимаете, что нельзя просто взять и выйти из дома. А если у вас нет детей, поверьте на слово, что бывают дни, когда входная дверь становится недостижимой целью. Я же впервые ощутила, что два ребенка – это вдвое больше вещей и вдвое больше неожиданных проблем. За три часа я закинула в сумку несколько подгузников, две бутылочки, раз десять вытерла молочную отрыжку (всегда пожалуйста, Джуд) и совладала с истерикой на тему «Мне не нравится эта футболка, я не буду ее надевать!» в исполнении Генри. Впрочем, едва мы сели в машину, последовало продолжение. На сей раз поводом послужил солнечный отражатель с котиком, который мне пришлось убрать, а Генри не успел его погладить. Жизнь ужасно несправедлива к трехлеткам; кажется, все вокруг сговорилось вам досаждать, даже котики на отражателях.

Итак, мы тронулись. Генри продолжал вопить с интервалами в две минуты, старательно перекрикивая орущего братца. «Почему мы туда едем?», «Мы заблудились?», «Включи навигатора Салли!» Хорошо еще, он забыл, как в прошлый раз я обозвала навигатора Салли «дурой»: та снова и снова предлагала повернуть налево, хотя никакого поворота там не было.

Когда мы добрались до побережья, я долго не могла отыскать парковочное место. У меня совсем вылетело из головы, что у нормальных людей сейчас каникулы. Мамы живут по своему календарю, без праздников и выходных, день сурка сменяется днем сурка, и так до бесконечности. В конце концов я кое-как втиснулась на стоянку и нервно оглядела забитый пляж.

Я взяла с собой бутерброды и всю дорогу представляла, как расстелю на песке плед и мы устроим пикник. Но Джуд только что заснул, и нам пришлось есть в машине. Мне было искренне жаль Генри: если бы мы приехали вдвоем, то обязательно посидели бы на пляже. А так мы уныло жевали сэндвичи и любовались морем через лобовое стекло.

Когда Джуд проснулся, мы все-таки направились в сторону берега. У меня был план. Мы пройдем с коляской по кромке прибоя, потом затолкаем все в машину и просто посидим на песке. Ведь я без труда справлюсь с двумя детьми?..

Мой план полетел в тартарары уже через пару минут.

Генри, еще недавно утверждавший, что не хочет в туалет, внезапно передумал. И в доказательство серьезности своих намерений исполнил такую джигу-дрыгу, что мы со всех ног рванули к туалетам. Там, несмотря на мое ворчание, он потрогал все, до чего дотянулся. Боюсь даже представить, что повидала на своем веку эта кабинка – и сколько бактерий с жадностью вцепились в его любопытные ручки. Мой мочевой пузырь тоже решил поучаствовать во всеобщем веселье; даже не пытайтесь вообразить, в какой позе я зависла над унитазом, если учесть, что коляска с Джудом мешала закрыть дверь в кабинку. Мы вымыли руки над раковиной, которая выглядела ненамного чище унитаза, и я подумала, не сдать ли нам по возвращении анализы на все возможные инфекции.

Джуд расхныкался, потому что проголодался.

Генри побежал к морю, споткнулся, ободрал руки и тоже разревелся.

Наконец я все-таки опустилась на песок, и происходящее стало хоть немного напоминать картинку, которую я утром нарисовала у себя в голове. Я кормила Джуда, а Генри доводил меня до сердечного приступа веселыми криками: «Я закапываю собачью какашку!» Потом он признался, что все выдумал. Наверное, мне следует беспокоиться о том, что мой ребенок закапывает клад из воображаемых собачьих какашек. Но я не буду. Слишком устала.

А потом мы бродили вдоль полосы прибоя; я несла Джуда, держала Генри за руку, и это было чудесно. Нет, в самом деле чудесно! Я дышала морским воздухом, который никогда не залетал в мою гостиную, и мысленно похлопывала себя по плечу. Все-таки я молодец, что решилась на эту вылазку. Такие мгновения даже можно выложить в Инстаграм (#на_пляже_с_моими_ненаглядными).

Сменив Джуду подгузник прямо в багажнике машины, я поняла, что нам пора возвращаться. Естественно, Генри запротестовал, причем во всю мощь своих трехлетних легких. Но

я присела так, что оказалась с ним на одном уровне, и спокойно объяснила, почему мы должны ехать домой.

На самом деле я подкупила его шоколадным яйцом.

Оба вышеупомянутых случая (и куча других, о которых я не написала) наглядно демонстрируют, что жизнь с двумя детьми напоминает корзинку с фруктами еще меньше, чем жизнь с одним.

Но Генри неплохо нас закалил.

И вообще, взялся за гуж...

Мальчик или девочка? (То, о чем нельзя мечтать...)

С тех пор, как я стала мамой, меня неоднократно посещали мысли и чувства, за которые мне потом было стыдно. И в которых мне до сих пор тяжело себе признаться. Речь идет не о глубоких чувствах, а скорее о помутнениях; бывает, после очередной бессонной ночи с кро-воточащими от непрерывного кормления сосками или десятой за день истерики в исполнении старшего сына я не всегда отвечаю за то, что говорю или думаю. У всех случаются моменты, которые нужно просто пережить. Да, я говорила о своих сыновьях такие вещи, от которых у меня потом волосы на голове шевелились. Нет, я не обращалась к ним напрямую – если не считать младенческих месяцев, когда я ругалась сквозь зубы. Но вряд ли они что-то поняли. Обычно поток негатива принимал на себя Джеймс – или потолок, в который я бездумно пяли-лась, молотя кулаками диван. Эти вспышки недовольства не говорят о том, что я жалею, что стала мамой. Нет, я жалею о том, что сижу, покрытая детской отрыжкой, глаза у меня слипа-ются от хронического недосыпа, а ребенок настойчиво требует вторую грудь «на десерт».

У меня отложилось в памяти одно субботнее утро. Двухмесячный Джуд не спал почти всю ночь, а в пять часов я проснулась от того, что к нам в кровать забрался Генри в насквозь мокрой пижаме. Он описал свою постель и пришел к нам. Я понимаю, что он сделал это не специально, такое случается со всеми. И мне ужасно стыдно за то, как я себя повела. Я под-скочила, отшвырнула одеяло и нечаянно разбудила Джуда, чья колыбелька стояла в нашей комнате. Младенец заревел, и я вспомнила, что сегодня суббота. «Вот они, мои выходные», – подумала я, и меня накрыло. До поры до времени я держала себя в руках. Меняхватило на то, чтобы обнять Генри, помыть его, переодеть и заверить, что ничего страшного не случилось. Уверена, за мою улыбку в то утро полагался Оскар. Я достигла вершины актерского мастер-ства! Я спокойно отвела сына в гостиную, включила мультики и спросила, будет ли он хлопья на завтрак. Пока я занималась Генри, Джеймс безуспешно пытался уложить Джуда, который разошелся не на шутку. Как, впрочем, и я. Вернувшись в комнату, я специально хлопнула две-рю погромче, сорвала с кровати мокрую простыню и прокричала, заливаясь слезами: «Лучше бы у нас не было детей! Зачем мы их вообще завели? Это было ошибкой! Ошибкой! Отличные, мать твою, выходные!» Позже я, конечно, плакала, упиваясь чувством вины. Ведь на самом деле я не считала рождение Генри и Джуда ошибкой. Я просто хотела поспать субботним утром в сухой постели.

Обычно я осознаю всю иррациональность подобных срывов. Они никак не отражают мои истинные чувства. Я говорю не то, что думаю, и потому стараюсь не слишком себя за них корить. Но если окинуть взглядом все мысли и чувства, о которых я сожалела, есть среди них одно не столь мимолетное. Это чувство глубоко укоренившееся, и оно долгое время не давало мне покоя. Этим чувством я не горжусь. Я бы предпочла не говорить о нем, но обещала быть с вами честной до конца.

На двадцать второй неделе второй беременности я пошла на УЗИ. Я лежала на кушетке, прозрачный гель охлаждал уже довольно выпуклый живот, в котором снова порхали бабочки. А желудок завязывался в узел от тревоги, что с ребенком что-то может быть не так. Вдруг второй малыш окажется болен? Ведь это обследование не зря называют скринингом патологии плода. Думаю, все родители отчаянно надеются, что с их ребенком все в порядке. А нам уже достался один здоровый – маленький нарушитель спокойствия, наш «ураган» Генри. И все, о чем мы могли мечтать, так это об еще одном здоровом малыше. Ну, я действительно мечтала об этом. И о кое-чем еще. И эта мечта, пусть и не такая важная, занимала мои мысли на протяжении всего обследования.

Я мечтала о дочери. Я очень хотела, чтобы у нас родилась девочка.

И когда наступил момент истины, стало кристально ясно, что девочкой там и не пахнет. Врачу даже не пришлось долго водить сканером и выглядывать что-то у младенца между ног. Хозяйство Джуда заняло добрую половину экрана. Судьба преподнесла нам еще одного здорового сына. Нам очень, очень повезло.

И тем не менее я ударилась в слезы.

Не сразу, нет. Сначала я, конечно, обрадовалась, когда доктор сказал, что с ребенком все хорошо. И посмеялась над нескромностью Джуда. У нас будет еще один озорник, под стать Генри. А как он обрадуется младшему братику!

Но выйдя из больницы, я расплакалась. Я плакала и потом, когда мы приехали домой, и вечером, когда легла спать. Новость о том, что у нас снова будет сын, невероятно меня огорчила. К разочарованию примешивалось громадное чувство вины. Что я за мать? Разве можно быть такой эгоисткой? Я ужасно на себя злилась. Ведь прежде я сама снисходительно поглядывала на родителей, которые снова и снова рожали детей в надежде, что следующий окажется нужного пола. Такие истории нередко попадают в СМИ под заголовком «Двадцать пять сыновей, но они не теряют надежды». Мне не верилось, что пол ребенка может послужить поводом для разочарования. Да какая, в конце концов, разница?

Я и представить не могла, что у меня появятся *предпочтения* в этом вопросе. Всегда думала, что буду рада просто здоровому ребенку. И вот я лежу, вся в слезах, а грудь распирает отнюдь не от счастья. Мозг изо всех сил пытался настроить меня на рациональный лад. Нам и так повезло дважды забеременеть без проблем; ребенок здоров; это нужно отпраздновать, соберись, женщина! И я искренне хотела отключить разочарование и радоваться новостям. Если бы это было так просто...

Сейчас я гордая мать двух мальчишек, и хотя это уже заезженное клише, я не побоюсь сказать, что не могу представить свою жизнь иначе. Когда Джуд улыбается мне или до икоты смеется над моим исполнением детских песенок, я чувствую укол вины за слезы, которые пролила на парковке перед больницей, и дома, и когда узнала, что у лучшей подруги будет дочь... Ничего не говорите, я сама знаю, как глупо себя вела. Я так довольна своими мальчиками, что с легкостью могла бы сделать вид, что никогда не чувствовала того разочарования. Я могла бы посмеяться и забыть. Удалить пост, который выложила в блоге после УЗИ, и стереть эти переживания. Но за прошедший год я все-таки сумела с ними примириться. Теперь я понимаю свои чувства так, как не понимала в то время. Впрочем, тогда я была большая, беременная, и гормоны часто заменяли мне здравый смысл. Так что нужно сделать себе скидку.

Я осознала, что расстроилась не потому, что у нас будет мальчик. Против еще одного мальчишки я ничего не имела. В конце концов, до этого УЗИ я уже два года была мамой чудесного Генринатора, и, хотя материнство давалось мне невероятно тяжело (подчеркиваю: невероятно!), я гордилась нашей связью. И мысль о двух сыновьях – братиках! – ничуть меня не пугала. Я до сих пор называю их «мои мальчики» (иногда включая Джеймса, когда он ведет себя соответствующе).

А та, пусть и временная, но все-таки глубокая печаль возникла в моей жизни не на пустом месте. Я росла вместе с сестрой и всегда думала, что у меня будут дочери. Я представляла, как буду ходить с ними в спа, заниматься шопингом и обсуждать парней. Наверное, то, что моя мама умерла, когда мне было пятнадцать, обострило желание родить девочку. Я хотела воссоздать с ней дорогие моему сердцу воспоминания. Пойти в магазин за лифчиком самого маленького размера: мы обе понимали, что он мне не нужен, но переодеться без него на физкультуре было равносильно социальному самоубийству. Распевать бессмертную композицию «Дождь из мужиков» на кухне. Прятать под рождественской елкой палетку самых модных теней – после стольких лет «Тебе пока рановато краситься». Несмотря на то, что сама я никогда не была девочкой-девочкой, я очень ценила эти моменты – и стала ценить еще больше, когда узнала, как серьезно больна мама. Думаю, я так цеплялась за обычные для мам и дочек разго-

воры о первых месячных и о том, что нельзя выдавливать прыщи, потому что знала – скоро поговорить будет не с кем. Мой отец проделал (и продолжает делать) огромную работу. Он был рядом в самые важные моменты моей жизни, и я считаю, что мне с ним очень повезло. И все же я не могу избавиться от грусти, что мамы не было со мной, когда я влюбилась в Джеймса, вышла за него замуж и сама стала мамой. Должно быть, я мечтала о дочке, потому что хотела через нее восполнить то, чего не было у меня. Я хотела поддерживать ее в счастливые и грустные моменты. Рассказать о важности контрацепции и помочь с выбором свадебного платья. Я так ясно представляла себя в роли мамы дочери, что, пожалуй, даже не думала о том, что все сложится иначе. И когда я поняла, что оно *уже сложилось*, мне потребовалось время, чтобы расстаться со своими мечтами и погоревать о них.

Мы с Джеймсом точно не из тех пар, что пробуют снова и снова. Мы хотели двоих детей – и нам повезло стать родителями двух мальчиков. Пожалуй, на этом мы и остановимся, всем спасибо, все свободны. Мое «половое разочарование» было связано лишь с тем, что мне пришлось отказаться от мечты, которую я лелеяла двадцать семь лет. Когда я вышла из кабинета УЗИ, на меня обрушилось понимание, что сбыться ей не суждено. Надеюсь, подобные откровения не обидят моих сыновей, и когда-нибудь они меня поймут. То, что я хотела девочку, не значит, что я не хотела мальчика. Мой папа часто шутил, что мечтал о сыне. Будучи второй дочерью, я прекрасно об этом знала, но это никак не влияло на мою самооценку. Мы смеялись над папой, что численный перевес на нашей стороне. Мы знали, как сильно он нас любит. Так же сильно я люблю своих мальчишек. Несмотря на численный перевес.

При этом я не сомневаюсь, что еще не раз с тоской вздохну о том, что у меня нет дочки. Например, когда снова пройду в магазине мимо прелестных платьев и юбочек – прямиком к джинсам, футболкам и спортивным штанам. Или когда куплю кукольный домик и сервиз в тщетной надежде разбавить Черепашек-ниндзя и трансформеров, а мальчики опять предпочтут им игры с погонями и перестрелками. В самом деле, зачем спокойно сидеть на полу и собирать с мамой паззлы, если можно свеситься вниз головой с дивана и обстреливать ее из лазерного пистолета? Мне еще ни разу не встречались девочки, одержимые какашками, пугами и попами. Зато мальчиков таких встречала неоднократно. Я ни разу не слышала, чтобы моя племянница (или дочери подруг) взбиралась на горку, распевая во весь голос: «Раз ромашка, два ромашка, я ногой попал в какашку!» Но все же в глубине души я смеюсь над выходками Генри и, несмотря на неприятие гендерных стереотипов, улыбаюсь, когда слышу от случайных прохожих, что «так и ведут себя настоящие мальчишки». Разумеется, перед этим я строго кричу сыну, что нельзя петь про какашки.

Не буду лукавить, я считаю, что мальчики и девочки очень разные. Было бы здорово стать мамой сына и дочки. Лично мне это кажется огромным везением. И все же быть мамой двух сыновей тоже весело. Да, они одного пола, но это не значит, что они одинаковые. В мире вообще нет двух одинаковых детей! «Краник с бубенчиками» – единственное, что у Генри и Джуда есть общего. Они абсолютно разные.

После того, как я написала в блоге про поход на УЗИ, я еще целый год получала комментарии и сообщения к тому посту. От мамы, которая всегда представляла, что их дом будет полон мальчишек, и родила троих дочерей. От мамы, которая «твердо знала», что у нее будет дочь – и была слегка разочарована, когда доктор объявил «У вас мальчик!». От мамы мальчика и девочки, которая испытала огромное облегчение, собрав «полный комплект» – и теперь мучается чувством вины за свое облегчение. Их объединяло то, что они никогда ни с кем не делились этими чувствами. Может, нам просто непозволительно говорить о своих сожалениях на эту тему. Но дело сделано – и сказанного (а тем более напечатанного и опубликованного) не воротишь.

Наверное, я до сих пор не до конца простила себя за то, что тогда так бурно отреагировала. Это чувство сродни чувству стыда, когда ты ввязываешься в спор после трех бокалов

мартини, а наутро мечтаешь забрать все свои слова назад. Точно так же я хотела бы забрать слезы, пролитые в машине возле больницы и дома. Я хотела бы отреагировать на новость о мальчике так, как реагируют остальные родители, не слишком обеспокоенные полом будущего младенца. Сейчас все это кажется несерьезным, но поверьте, в тот момент для меня не было ничего важнее. Я была потрясена. И, думаю, лучше пережить свои чувства и примириться с ними, чем затолкать вглубь и сделать вид, что все в порядке. Когда люди возмущенно восклицают: «Как ты можешь так говорить?», на самом деле они хотят сказать: «Ты можешь об этом думать, только вслух не произноси». Но замалчивание чувств не делает их менее реальными.

Не сомневаюсь, мои мальчики еще не раз припомнят мне, как я мечтала о дочке. Остается только надеяться, что они поймут: больше всего на свете я мечтала о семье. И эта мечта исполнилась. Да, в будущем меня ждет еще немало дней, когда я с радостью променяла бы игру в Бэтмена и шутки про газы на чаепитие с куклами и плетение кос. (Хотя, если бы дочка пошла в меня, она бы тоже предпочла Бэтмена куклам.) Но куда чаще я буду собирать раскиданные по дому спортивные штаны и ветровки и тихо радоваться, что у меня подрастают здоровые сорванцы. Я уже поняла, что быть мамой двух мальчиков – это нечто невероятное. А ведь все только начинается! Так что ответственно заявляю: я довольна тем, как все обернулось. Впрочем, песенка про какашки могло бы быть и поменьше.

«Когда я ходила беременная вторым ребенком и спрашивала дочку, кого она хочет – братика или сестричку, та обычно отвечала «козявку». Что ж, пока ее братец в точности соответствует этому описанию».

Эмма, Таунтон

Второй и вечно обделенный

– Мы будем относиться к обоим одинаково! – заявляли мы, исполненные самых лучших намерений. В то время мы еще только красили стены второй детской и рассуждали о настораживающей тенденции, которую успели заметить в других семьях. Нам казалось, что родители слишком много суетятся над первым ребенком, тогда как второй остается за бортом.

Но мы – другое дело! Мы будем носиться с младшим сыном ничуть не меньше, чем со старшим. Думаю, в глубине души мы уже тогда знали, что пытаемся себя обмануть.

Впрочем, это мы делали тоже исключительно из благих побуждений. Просто, натирая плитуса в детской, мы с Джеймсом обнаружили, что заранее готовимся защищать второго ребенка. Ведь мы тоже были младшими в семье и знали, каково ему придется.

Не то чтобы мы сильно страдали, родившись вторыми. Откровенно говоря, мы от этого вовсе не страдали. И я *совершенно точно* не затаила на родителей зуб за то, что они водили мою сестру на уроки танцев и занятия девочек-скаутов, но не потрудились сделать того же для меня. И мне *ничуть* не обидно, что папа вечно забывал, когда у меня день рождения, и вместо этого называл день рождения сестры. (Шучу, пап. Знаю, что я твоя любимица. Хотя готова поспорить, что год моего рождения ты не вспомнишь.)

Не хочу сказать, что мы с Джеймсом чувствовали себя несчастными или на вторых ролях. Но мы постоянно видели, как круто быть старшим.

Тем, кто все делает первым.

Тем, чью одежду нам приходилось донашивать.

Тем, кому вечно достается самая большая комната.

Собственно, наглядный пример несправедливости в тот миг буквально маячил у нас перед глазами: мы красили стену детской, которая была в два раза меньше комнаты Генри.

Мы умудрились обделить младшего, хотя тот еще даже не родился.

Началось.

Я рада, что мы озвучили наше искреннее желание не делать различий между детьми (Джуд, мы и в самом деле думали, что у нас получится), но все-таки это было несколько наивно. Тогда мы и понятия не имели, что значит быть родителями трехлетнего сорванца и младенца. Примерив роль почти многодетной матери, я сразу устыдилась прошлых мыслей о том, будто родители уделяют младшим преступно мало внимания по сравнению со старшими. Простите, я даже не представляла, каково это.

На сегодняшний день я напоминаю себе жонглера-эквилибриста и отчаянно пытаюсь сочетать уход за младшим ребенком с удовлетворением потребностей старшего. Причем потребности эти из разряда «Мама, давай играть! Ты будешь Чубаккой!». (Должна с немалой гордостью признать, что у меня действительно неплохо выходит изображать Чубакку.) Так что я бы хотела сказать, что написала Джеймсу о том, как Джуд в первый раз захлопал в ладоши (с Генри я точно написала), но врать не буду: я даже не помню, когда это произошло. Наверное, я пропустила этот чудесный момент, потому что была слишком занята приготовлением бутербродов или уборкой ручек и карандашей, которые заняли старшего ровно на пятнадцать секунд. Или просто стояла с закрытыми глазами и вздыхала: «Пожалуйста, посидите спокойно хотя бы пять минут!»

Да, Джуда мы воспитываем не как Генри, но я не испытываю особых угрызений совести по этому поводу. Хотя я и считаю, что мы не слишком баловали своего первенца, с рождением второго ребенка я осознала, как много лишних телодвижений мы совершили с его старшим братом. Откровенно говоря, мне куда больше нравится наш нынешний родительский подход. Во многих отношениях мы стали спокойнее, увереннее и подрастеряли одержимость детьми, хотя их теперь у нас двое.

Не подумайте, что мы махнули на них рукой, нет! Но со вторым ребенком мы немного расслабились. И под «расслабились» я подразумеваю, что мы теперь слишком заняты, чтобы суесться по пустякам.

Когда родился Генри, мы кидались переодевать его, завидев мельчайшее пятнышко на бодике. Мы прислушивались к каждому звуку, который издавала его розовая попа, и в случае сомнений все равно меняли подгузник. Даже в три часа ночи, когда он засыпал в кроватке, мы могли тихонько его проверить, потому что на тот момент обкакавшийся спящий младенец пугал нас больше, чем орущий неспящий. О, счастливые деньки! У нас определенно было слишком много свободного времени. Или свободного места в стиральной машинке.

С Джудом мы игнорируем настораживающие звуки до тех пор, пока от запаха не начнут слезиться глаза. Но даже в этом случае, если за окном едва брезжит рассвет, я могу притвориться той обезьяной, которая ничего не видит, ничего не слышит и острым обонянием тоже не страдает. Что касается переодевания, у нас теперь новое правило, очень простое: если одежда сухая и пятен не слишком много, пусть носит. Наверное, мы с Джеймсом достигли нового уровня родительского дна, когда в четыре месяца Джуда сушили феном пятно от срыгивания на бодике. Не снимая его с ребенка. В свое оправдание скажу, что бодик был очень милым, а младенцы любят белый шум. Ну и, кажется, я в тот момент уже плакала от усталости, и Джеймс решил, что лучше поскорее уложить детей спать. Не поймите меня неправильно, я не предлагаю сушку феном как альтернативу стирке. Но случай бывает разный...

Разумеется, только этим разница в подходах не ограничилась. Изменились правила. То, что вы даже в мыслях не допускали с первым ребенком, вы спокойно делаете со вторым. И наоборот.

С Генри: «Я не хочу, чтобы он пробовал нездоровую еду. В этом нет никакой необходимости!»

С Джудом: «Что это у него на подбородке? А, соус от твоего Биг-Мака».

С Генри: «Давай-ка искупаем его еще раз и перед сном сделаем массаж с лавандовым маслом».

С Джудом: «Кажется, у него шея пахнет. Передай влажную салфетку! Искупаем завтра».

С Генри: «Нужно купить еще книжек. У меня заканчиваются истории для чтения перед сном!»

С Джудом: «Святая капибара, ему уже полгода, а я ему ни разу не читала».

С Генри я была одержима режимом сна и кормлений. («Ему нельзя сейчас спать, на часах лишь половина шестого!») Порой я по сорок минут расхаживала по гостиной с хнычущим Генри на руках, только чтобы выдержать промежуток между кормлениями.

Со вторым ребенком у меня не было на это ни физических, ни моральных сил. Один раз, когда я очень плохо себя чувствовала, я принималась кормить Джуда всякий раз, стоило ему пошевелиться. График кормлений? Ах, оставьте, у меня есть занятия поважнее, чем скрупулезно отмечать, когда он поел в последний раз. Мне было проще вогнать его в молочный ступор, потому что присмотр за старшим сорванцом никто не отменял. А тот как раз решил воспроизвести в гостиной «Большой пожар в Понтипанди». Были и другие дни, когда я перекормливала Джуда и позволяла ему спать дольше разумного просто потому, что мне нужно было помыть посуду. Или посмотреть сериал в относительной тишине.

В материальном плане нам тоже не удалось соблюсти равновесие. На первое Рождество Генри мы завалили его подарками. Мы купили кучу игрушек и одежды, до которой ему было расти и расти, и сидели под елкой, разворачивая сверток за свертком со счастливыми взглядами: «Милый, ты только посмотри! Тебе нравится новая игрушка?». А «милому» куда больше нравилось пробовать на свежесрезанный зуб свечку или облизывать дверной косяк. Джуду на его первое Рождество едва исполнилось четыре месяца. Он не умел сидеть и даже оберточной

бумагой не слишком интересовался. Поэтому мы купили ему пару символических подарков. Рождественским утром я, конечно, чувствовала себя немного виноватой за то, что мы обделили младшего. Но умом я понимала, что ему пока не нужен носок, доверху набитый гостинцами. Уверена, с тех пор мы успели восстановить справедливость.

Так что, Джуд, когда ты будешь это читать, мой Маленький Мармеладик, надеюсь, ты примешь наши с папой извинения. Несмотря на лучшие намерения, мы так и не смогли дать тебе столько же, сколько дали твоему брату.

Следующее письмо я написала, когда чувство материнской вины обрушилось на меня с особенной силой:

Моему Рыжему Печенюхе

Я пишу это взрослому тебе, чтобы попросить прощения. За то, что не отмечала твои достижения в альбоме «Первый годик малыша». Лучшие бы я его вовсе не покупала – пустые страницы снова и снова напоминали мне, что я забыла, когда ты впервые засмеялся или перевернулся. «Мой первый зубик вылез...» Хороший вопрос, действительно, когда? «Я вышла из больницы в...» В платье? В джинсах? Точно помню, что была одета, остальное в тумане.

Прости, что редко снимала тебя на видео. Где-то в недрах компьютера ты найдешь видео того, как Генри в первый раз пополз. На заднем плане я еще говорю таким противным голосом: «Сентябрь 2012-го, он тронулся с места. Берегитесь, дамочки!» – и смеюсь над своей уморительной шуткой.

Я забыла снять, как ты впервые пополз.

Как ты сел или начал хлопать в ладоши.

Если подумать, у меня вообще не осталось твоих младенческих видео. Словно еще с утра ты был маленьким сморщенным новорожденным, а к вечеру уже начал ходить по гостиной, держась за мебель, и пробовать все на зуб. Тот самый зуб, о котором я забыла написать в треклятом альбоме.

Сомневаюсь, что ты захочешь узнать, когда в первый раз перевернулся или поехал на пляж. Или какое пюре⁹ предпочитал, когда я отлучала тебя от груди. Но если ты спросишь об этом меня, я, скорее всего, озадаченно почесу в затылке и выдам что-нибудь наугад. За это ты меня тоже прости.

Горячо надеюсь, что все это не сильно на тебя повлияло. Да, я уделяла тебе меньше внимания. Да, в моем профиле в Фейсбуке твоих младенческих фотографий не так много (их в принципе не так много). И да, всякий раз, когда люди задавали мне вопросы, на которые я должна была знать ответы, я откровенно терялась.

Но я люблю тебя так же сильно.

Потому что ты ничуть не похож на брата. Ты удивительный маленький человек со своими ужимками и причудами, и я люблю тебя от макушки до пяток. Надеюсь, ты знаешь: пусть со стороны кажется, что я всегда ставлю твоего брата на первое место, ты для меня не менее важен. Просто, когда ты был маленьким, он носился вокруг, сотрясая воздух воинственными криками, спрашивал, почему сбитый котик возле дороги уже никуда не побежит, и просился в туалет в самый неподходящий момент. Генри было три года, и ему требовалось очень много внимания. Я так и не сводила тебя на детский массаж и не намазала твои маленькие ножки лавандовым маслом.

В первый год твоей жизни мы провели не так много минут наедине, но твое время придет, Моя Картофелинка. В этом году Генри пойдет в школу, и будь уверен, ты не станешь целый день сидеть в прыгунках и мусолить хлебную палочку.

⁹ Одно могу сказать точно: в отличие от Генри, которому я делала пюре в блендере, ты питался магазинными. За это тоже меня прости!

Родиться вторым не значит быть вторым по жизни.

*Это значит лишь, что у мамы вас двое, и она старается дать лучшее каждому из вас.
Что подчас бывает не просто.*

Люблю тебя до самой луны и обратно, мой Сливочный Ангел.

Мама

P.S. Лучшие люди рождаются вторыми. Только брату не говори!

Часть четвертая

Ежедневная каторга

«Торчать целый день дома – почти всегда ужасная идея»

Мамы на полную ставку, снимаю шляпу!

– А что, неплохой вариант, – сказала я как-то о мамах, которые целиком посвятили себя воспитанию и заботе о детях. – Кому не понравится целыми днями сидеть дома?

И правда, должно быть чудесно не вскакивать утром в понедельник с мыслями о грядущей рабочей неделе, лениво планировать прогулки по парку и встречи с подругами на игровых площадках. Что за жизнь!

Три года спустя я беру свои слова обратно.

Я понятия не имела, о чем говорю. Ни малейшего! Если вы мама на полную ставку – знайте, я смотрю на вас с восхищением и безграничным уважением. Вы заслуживаете признания. Вы заслуживаете извинений от всех недалеких людей, включая меня, которые имели наглость заявлять, будто вам легко живется. В тот

момент я просто не знала, каково это – сидеть дома с детьми.

Зато теперь знаю. И оказалось, что круглосуточно заботиться о маленьких детях, без отпусков и выходных, – это невероятно сложная, подчас непосильная работа. Да, под «невероятно сложной» я подразумеваю работу, которая вполне может свести вас с ума. Я к такому была решительно не готова.

Я знаю мам, просидевших в декретном отпуске почти целый год. У меня даже с двумя сыновьями года не наберется. Во второй раз я прервала декрет по собственному желанию, хотя изначально планировала сидеть с Джудом шесть месяцев. Ему едва исполнилось пять, когда я обратилась к начальству с вопросом, нельзя ли мне вернуться. К тому времени я уже поняла, что не справляюсь. Что не могу сидеть дома день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем.

Меня несколько раз спрашивали: «Что в этом такого сложного?»

На самом деле хороший вопрос. С чего бы начать?

Если рассматривать все трудности по отдельности, то справиться с ними вполне реально. Наверное, поэтому до рождения детей я смотрела в будущее с оптимизмом. Казалось бы, что трудного в том, чтобы навести дома порядок? Или успокоить ревущего младенца? Или сбегать в магазин за продуктами?

Нет, порой и у меня получается легко и непринужденно выполнять материнские обязанности. Но когда все наваливается одновременно, к концу дня я дохожу до точки кипения. И на работе мне подобный стресс даже не снился.

Что выматывает больше всего?

Нытье. Господи боже мой, нытье! Час за часом беспрестанное фоновое нытье по любому поводу, изредка прерываемое громким ревом или визгом.

Невозможность довести какое-либо дело до конца. Бывают дни, когда предел моих желаний – это развесить мокрое белье. Оно постиралось два дня назад и уже начало пованивать, так что я всерьез думаю засунуть его обратно в машинку. Или как вам недостижимая мечта съесть свой тост до того, как Генри объявит, что умирает от голода, и я кинусь готовить ему второй завтрак – или просто отдам этот несчастный тост. На что он, наверное, и рассчитывал! Иногда, прикладывая лед к очередной шишке («Я же просила не прыгать с дивана! Это вам не батут!») или собирая скандалящих сыновей на прогулку, я вдруг с ужасом понимаю, что мое психическое здоровье целиком и полностью зависит от того, соизволит ли хоть один из них поспать днем.

Рутинa. Знаю, современное общество осуждает матерей, которые осмеливаются заявлять, будто им скучно с детьми. Но я не покривлю душой, если скажу, что иногда умираю от скуки. Нет, это вовсе не значит, что мои сыновья скучные. Они те еще затейники! Но когда из твоей жизни уходит спонтанность, и ты знаешь наперед, чем будешь занята ближайшие

несколько месяцев (или даже лет), это угнетает. Хотела бы я не испытывать подобных чувств, но что-то мне подсказывает, что в своей тоске я не одинока.

Мамы на полную ставку заслуживают медаль за бесконечное терпение. Понятное дело, иногда оно кончается у всех (когда мы застреваем в пробке / пытаемся дозвониться в техподдержку / разбираем инструкцию из ИКЕА / общаемся со всякими придурками), но я никогда не испытывала раздражения, сравнимого с тем, что накачивает, когда ты целыми днями сидишь дома с маленькими детьми. У них в запасе сотни способов испытать на прочность мамино терпение. Например:

1. Закатить истерику на тему «Хочу!/Не хочу!». Если вы никогда не играли с трехлетней в эту занятную игру, поверьте мне, это нечто. Суть заключается в том, что вы просите ребенка что-то сделать (например, пописать перед прогулкой), и он уходит в глухой отказ («Не хочу!»). Вы грозите ему таймаутом и усаживаете на стул для наказаний, где он тут же начинает вопить: «Я пописаю! Пописаю!» Вы разрешаете ему встать со стула и направляете в сторону туалета, где он моментально забывает о своих намерениях, заводит старую песню про «Не хочу! Не буду!», и вы чувствуете, как еще одна частичка вашей души умирает.

2. Устроить сцену только потому, что мама не разрешила зайти в магазин, куда ему так отчаянно хотелось. Чаще всего это даже не магазин игрушек с яркой витриной, а что-нибудь невзрачное, вроде дешевого обувного.

3. Плакать из-за того, что хочет йогурт. А потом из-за того, что не хочет йогурт. При необходимости повторить. И конечно же во всем виноват йогурт. Жестоким кисломолочным продуктом!

4. Исполнить номер с йогуртом на бис, только теперь по поводу печенья.

5. Очень меееееделенно переставлять ноги, возвращаясь с прогулки. И не потому что он устал, а потому что я имела глупость сказать: «Генри, нам нужно поторопиться, Джуда пора кормить!» За безуспешным (он же не дурак) «Давай наперегонки!» следует бессмысленное и неизбежное «Я два раза повторять не буду» (кажется, это уже третий).

6. Режущиеся зубы. Тут и объяснять ничего не нужно. Клыки, как много в этом слове...

7. Сорок минут истерить на пару в машине, успешно перекрикивая льющуюся из колонок диснеевскую песню. Терпеливая мама сразу поняла бы, что дети просто устали от впечатлений, и спела бы, чтобы их отвлечь. И уж конечно, не стала бы материться сквозь зубы.

Какое-то время я пыталась убедить себя, что если бы так не торопилась вернуться к работе и восхождению по карьерной лестнице, то научилась бы получать удовольствие от круглосуточного материнства. Кажется, я пару раз даже говорила что-то вроде «Жаль, что декретный отпуск такой короткий». Так вот, мне было не жаль. Мне не терпелось вырваться из четырех стен. Даже самые тяжелые рабочие дни не сравнятся с сидением дома с детьми. Иногда я и вовсе иду в офис, как на праздник.

Через блог я общалась с мамами, которые признавали, что по многим причинам на работе им легче, чем дома. Все дело в том, что на работе...

– Вы можете выпить чашку чая, не прерываясь каждые пять секунд на окрик: «Осторожнее! У меня горячий чай!», потому что резвый трехлетка так и норовит сбить вас с ног.

– Ваш обед – это только ваш обед. Никто не украдет его, не съест половину и не накидает туда козявок.

– Вам не приходится прятаться за дверью холодильника, притворяясь, что вы ищете там йогурт, в то время как на самом деле набиваете рот десертом со взбитыми сливками.

– Когда вы идете в туалет, никто не сидит, тоскливо завывая, под дверью. И не пытается прорваться внутрь.

– Вам приходится одеваться в нормальную одежду без застарелых пятен на рукавах. Нет, рано или поздно вы все равно обнаружите на себе пятно – и будете поражены собственной

невозмутимостью, когда начнете оттирать его влажными салфетками. Ну подумаешь, пятно, с кем не бывает. Недавно я надела на встречу блузку и довольно броское ожерелье. На протяжении всего собрания я не переставала играть с ним, пока кто-то не сказал: «Кстати, классное ожерелье». Цель достигнута! Я не могу носить такие украшения дома: маленькие ручки непременно попытаются меня задушить.

– Никто в офисе не будет забираться к вам на колени и тем паче залезать на шею (если вы, конечно, сами их об этом не попросите). Вам не придется сидеть у подножия лестницы с заткнутыми ушами и кричать: «Перерыв! Маме нужен перерыв!»

– Вы можете целый день разговаривать со взрослыми людьми о рабочих делах, диетах и любовных интрижках. («Да ладно! А говорила, что ходит на зумбу».)

– В обеденный перерыв вы можете отправиться на прогулку. Одна. Без сумки с подгузниками и запасной одеждой.

Само собой, этот список справедлив не для каждой работы. Учителя, няни или воспитатели в детских садах явно не получают передышки от общения с кричащими детьми (пожалуй, стоит и водителей автобуса сюда отнести). И далеко не каждый может позволить себе пить чай на службе. Тем не менее, мне писали родители с очень тяжелыми работами (и частыми ночными сменами), которые все равно считали, что сидеть дома с детьми не в пример тяжелее. Возможно, это та ситуация, когда лучший отдых – смена деятельности.

Разумеется, у медали две стороны. Те, кто остаются дома, могут набросать и список преимуществ. Им не приходится каждый день общаться с людьми, которые им не нравятся. Они едят что угодно, не прячась от укоризненных взглядов коллег, вечно сидящих на диете. Ну, и сериал можно краем глаза посмотреть, когда дети на что-нибудь отвлекутся. Опять же, проводить время с ребенком иногда бывает на редкость приятно. Будучи мамой на полную ставку, вы не пропустите его первые шаги и первые слова. Хотя мне не терпелось вернуться к работе, к концу декретного отпуска я заранее скучала по сыновьям. До такой степени, что у меня ныло сердце (уверена, для этого состояния даже есть медицинский термин).

И тем не менее я научилась с этим жить. Потому что, если бы я оставила работу в пользу сидения с детьми, сердце бы у меня болело уже по другому поводу. Я смирилась с тем фактом, что не создана для круглосуточного материнства. Для этого мне недостает терпения и выносливости.

Так что, мамы на полную ставку, снимаю перед вами шляпу!

«Я – медсестра. И двенадцатичасовая смена в отделении интенсивной терапии, где постоянно пищат мониторы, кто-то пытается умереть, пациенты сходят с ума или страдают профузной диареей, все равно кажется мне отпуском по сравнению с сидением дома с моими годовалыми близнецами».

Жанин, Шрусбери

Законы подлости для родителей

За три с лишним года беспросветного материнства я вывела несколько типичных ситуаций, которые рано или поздно приключаются со всеми:

Вы сталкиваетесь с человеком, которого не видели несколько лет, когда внешне напоминаете зомби, а дети словно нарочно ведут себя отвратительно. («Да-да, это мои...»)

Закон подлости гласит, что если этим человеком окажется ваш бывший или бывшая, вы будете выглядеть особенно ужасно. Как будто вас сначала потрепали собаки, а потом хорошенько намочил дождь.

Ситуация приобретет дополнительную пикантность, если вы познакомились в те времена, когда у вас еще не было детей. То есть человек помнит вас с выщипанными бровями и уж точно не в легинсах. Если вы столкнетесь в супермаркете, первым вашим порывом будет зарыться в ящик с луком. Но вы не сможете себе этого позволить, ведь в тележке сидят дети! Поэтому вы чуть напряженно кивнете и обменяетесь приветствиями и стандартными вопросами, втайне мечтая провалиться сквозь землю.

Зато, когда вы сделаете над собой усилие – затолкаете честно наеденные килограммы в узкие джинсы, намажете лицо тональным кремом, а губы бальзамом – вы, скорее всего, вообще никого не встретите.

Молнию на теплом конверте/детском комбинезоне/капюшоне от коляски заклинит именно тогда, когда ребенок зайдется в истерике

Или «взбесится», как говорим мы с Джеймсом. Не знаю почему, но молния никогда не ломается, если ребенок в хорошем настроении. Но если на носу конец света или вы торопитесь – всегда пожалуйста! К Земле несется метеорит, а вы сражаетесь с несговорчивой молнией, и покрасневший от плача младенец старательно пинает вас в живот. Едва ли вы удержитесь от криков «Бесполезный ты кусок пластикового дерьма! Я пожалуюсь производителю!» (Мы все знаем, что куда вы не пожалуетесь...)

Если у вас в планах ранний подъем, дети спят беспробудным сном. И наоборот

Суббота, вам некуда торопиться и можно понежиться в кровати? Ждите, что они нарисуются в вашей постели уже в четыре утра – с криками, дикими скачками и жалобами на забитый нос.

Но если на календаре вторник, и, чтобы поехать в ясли, нужно встать в шесть... Дети впадают в сонную кому. Ну почему так?

Не стоит даже упоминать, что когда младенец впервые решит проспать всю ночь, его старший братец проснется минимум дважды. Это, видимо, у детей такой принцип – чтобы родители не расслаблялись.

Закон упущенных возможностей

Вы уже час с лишним едете на машине, тщетно надеетесь, что ребенок уснет в автокресле и вы сможете спокойно послушать радио – но нет! Все это время он будет хныкать и канючить, чтобы уснуть ровно за пять минут до возвращения домой. Поэтому вы будете сидеть в машине перед крыльцом, наслаждаясь тишиной и думая о том, что засни он на десять минут позже в своей кровати, вы смогли бы переделать кучу дел. Или хотя бы упасть на диван перед телевизором.

А если он все-таки уснет в колыбели? Что ж, в таком случае его либо разбудит закипающий чайник, либо вы едва успеете присесть с чашкой чая, как в дверь позвонят и на пороге нарисуеться половина вашей родни. «Нет, что вы, мы ничем не заняты», – с улыбкой ответите вы, в душе оплакивая утраченные минуты покоя.

Этот закон подлости всегда срабатывает на праздниках и торжественных мероприятиях, куда вас позвали с младенцем. Лучшая подруга, посетившая с маленькой дочкой две свадьбы и одни похороны, поделилась со мной следующим наблюдением: «Она безмятежно спит ровно до тех пор, пока не появится невеста или не внесут гроб. Она словно чувствует важность момента!»

Конечно, чувствует. Дети все чувствуют!

Младенцы выбирают самый неудобный момент, чтобы преподнести маме ароматный «сюрприз»

Невозможно подсчитать, сколько раз вы будете бормотать под нос «Да господи боже!», обнаружив в подгузнике внеочередной презент. Они имеют свойство появляться там сразу же, как только вы переоденете малыша. Видимо, у младенцев такое развлечение – пачкать свежий подгузник. Поэтому, если вы планируете выйти из дома в определенное время, оставляйте сорок минут в запасе – они вам пригодятся. Правда, когда вы закроете дверь, сядете в машину и пристегнете старших детей, младший постарается и либо выдавит из себя что-нибудь еще, либо просто срыгнет. Но к тому моменту вы уже постигнете дзен, притворитесь, что ничего не заметили, и повернете ключ зажигания.

Этот закон подлости частенько срабатывает в ресторане, когда вам только принесли еду, на приеме у доктора, когда вас таки вызвали, и в любой момент, когда у вас закончились влажные салфетки. Или вы забыли их дома. Да-да, уму непостижимо, как можно забыть влажные салфетки (я кладу их в сумку, даже если иду куда-то без детей). Но однажды их там не оказалось. И поверьте мне на слово: туалетная бумага в пиццерии не справляется с последствиями Какашечного Армагеддона.

Если вы собрались уйти в отрыв, кто-нибудь обязательно заболеет

Вы поймете, что свободный вечер накрылся медным тазом, когда дети в едином порыве начнут блевать дальше, чем видят. А вы только успели нанести на волосы сухой шампунь! Хотя, возможно, оно и к лучшему: все равно на ваши выходные джинсы уже страшно смотреть.

То же самое произойдет перед давно запланированными выходными, когда вы решите оставить детей с няней. Просто отлично.

Девичники, вечеринки по случаю дня рождения и прочие торжества обязательно случатся, когда вы будете на восьмом месяце беременности

Если вы останетесь дома, то будете потягивать на диване малиновый чай, смотреть очередное шоу и чувствовать, что жизнь проходит мимо. Если пойдете, то будете потеть в тесном платье и провожать тоскливым взглядом бокалы с шампанским. Так что вы в любом случае окажетесь в проигрыше. А если «повезет», вам еще и остальных гостей развозить придется.

Если же вы не беременны и позволили себе джинс с тоником (или даже четыре), ваши дети ощутят неожиданный прилив бодрости и будут скакать полночи. Что там пишут в умных книжках? Что в восемь месяцев у них сокращается количество сна? Количество сна у них сокращается всякий раз, когда мама с папой пытаются нормально отдохнуть! Маленькие засранцы.

Говорю вам: они все чувствуют!

И наконец, главный закон подлости...

Со всеми, кроме вас, дети ведут себя безупречно

Допускаю, что это не закон подлости, а просто мне так «повезло». Не поймите неправильно, я очень рада, что мои дети умеют хорошо себя вести. Меня удручает лишь то, что львиную долю примерного поведения они приберегают для кого угодно, кроме любимой мамы. Мамин удел – истерики, капризы и прочие «звездные» номера.

– Он просто чудесный мальчик, настоящее золото! – говорят мне люди, которым довелось присматривать за Генри.

– Что, простите? – переспрашиваю я с дергающимся глазом. Наверное, я ослышалась.

«Чудесный» – определенно не то слово, которым я охарактеризовала бы старшего сына, когда он категорически отказывался сидеть в коляске, швырял поильник на дорогу и специально долбил головой о стол, потому что бутерброды были «неправильными». Или когда он отказался укладываться спать, а потом полдня канючил от усталости. А устал он почему? Верно, потому что отказался спать!

Когда он не давал сменить подгузник, визжал и крутился бешеной колбасой, разбрасывая кашаки по всей комнате, я называла сына как угодно, только не «золотом».

– Но с нами он так себя не вел, – разводят руками счастливики.

– Разумеется, – улыбаюсь я в ответ, а сама думаю: «Отлично, просто отлично!»

В конце концов я пришла к выводу, что все дело во мне. В общем-то, теперь я почти всегда прихожу к такому выводу. Должно быть, Генри чувствует мою материнскую некомпетентность и ловит меня в моменты слабости, которые случаются довольно часто.

Но пару лет спустя, обзаведшись вторым ребенком, я стала думать иначе. Я смирилась с тем, что Генри просто такой, какой есть. И родителям, увы, достается его «темная» сторона.

Я знаю, что не одинока в своей «везучести». Бесчисленные истории, которыми делились со мной другие мамы и папы, подтверждают мою правоту. Знакомый отец семейства рассказывал, что одно время они с женой искренне верили, будто сын объявил им вендетту. Бабушка с дедушкой докладывали, что мальчик просто ангел, а нянечки в детском саду так и сыпали комплиментами. Но все это было сплошным притворством: дома ребенок напоминал уменьшенную копию Джуниора из фильма «Трудный ребенок».

Я, конечно, посмеялась над подобным сравнением, но родителям мальчика было не до шуток. Они действительно не могли понять, почему один и тот же ребенок сводит их с ума – и идеально ведет себя с чужими людьми.

Думаю, нам всем стоит помнить, что дело не в везении. Нужно просто благодарить небо за то, что дети хоть иногда ведут себя хорошо. Если люди считают, что мои сыновья – «золотые мальчики», значит, они не откажутся приглядеть за ними в следующий раз! О другом исходе я даже думать боюсь.

И все же, признаюсь, иногда мне прямо-таки хочется, чтобы мои драгоценные дети проявили себя во всей красе перед кем-то, кроме нас с Джеймсом. Я жажду услышать от кого-нибудь «Господи, как сегодня с ними было тяжело», пожать плечами с видом «Добро пожаловать в мой мир» и объяснить, что это еще цветочки! Наверное, мне просто нужно, чтобы кто-нибудь оценил мой тяжелый труд.

Я ведь об этом уже говорила? ☺

Кто не спрятался я не виновата!

В моей практике наберется с десятков (а то и с сотню) дней, которые я смело могу записать в категорию «Вычеркнуть из памяти и не вспоминать никогда». Если бы в те дни меня попросили приготовить коктейль «Материнство», я бы смешала растерянность, раздражение, немыслимую скуку и щедро приправила их чувством вины за все вышеперечисленное. Наслаждайтесь!

У меня ушел год на то, чтобы разобраться, чем же были похожи друг на друга эти дни. Вывод лежал на поверхности: все это время я сидела с детьми в четырех стенах, не высывая носа на улицу.

Будучи мамой-новобранцем, я регулярно совершала одну и ту же ошибку: думала, что дома с детьми будет проще. Даже когда у меня на руках был только младенец Генри, то есть мне не приходилось запихивать в машину строптивого трехлетку, я почему-то снова и снова наступала на эти грабли. Возможно, причина была в том, что спланировать что-то с детьми и добраться вовремя – задача практически невыполнимая. Ты обещала другу, что приедешь около одиннадцати, на часах уже половина первого, значит, у него скоро закончится обед, а если вы выйдете из дома после часа, то ребенка нужно будет укладывать спать, так зачем вообще шевелиться?

Иногда я чувствовала себя настолько вымотанной и обессиленной, что мне казалось, будто сидеть дома попросту безопаснее – для меня, для детей и для окружающих.

Ведь если мы останемся в родной гостиной, никто не будет укоризненно наблюдать за очередной истерикой Генри, малыш Джуд ни на кого не срыгнет в «Старбаксе» (да, такое бывало), и мне не придется десять минут заталкивать в коляску отчаянно сопротивляющегося трехлетку, чтобы в конце концов сдаться и подкупить его шоколадкой. В подобные моменты мне хочется крикнуть окружающим: «Я знаю, что он ведет себя отвратительно и не заслуживает шоколадки, но я просто не представляю, что еще сделать!» – и разрыдаться от бессилия. Если мы выйдем из дома, случиться может все. Следовательно, лучше отсидеться.

Увы, но нет. Не лучше.

Я на собственном опыте убедилась, что торчать целый день дома – почти всегда ужасная идея. Когда я сравниваю сотни дней, проведенных в четырех стенах с детьми, и сотни, когда я все-таки выходила на улицу, то прихожу к выводу, что пережить последние было куда легче. И хотя с детьми я стала тяжела на подъем (а вы попробуйте собрать двух разновозрастных, но одинаково вредных мальчишек, упаковать сумку вещей на случай «если пойдет дождь» и себя не забыть привести в порядок), сидеть с ними в заточении куда страшнее.

Я всегда воображала, что наши «домашние дни» будут тихими и уютными. Думала, мы будем лепить, вырезать, рисовать или играть в спокойные игры. Реальность, как обычно, оказалась куда менее радужной. Обычно в такие дни я бегаю по дому, пытаюсь сдержать наступающий хаос (то есть занимаюсь уборкой и стиркой), и попутно отслеживаю, чем младший сын решил почесать десны на этот раз («Только не зарядка от телефона! Генри, отними у него зарядку!»). О подтирании поп и сопливых носов даже говорить не буду. Как и о десятой кряду попытке попить неостывшего чая.

А когда мне все-таки удастся налить себе горячего, кто-нибудь обязательно заплачет.

День дома тянется невероятно долго.

Пока вы разбираетесь, как изюм из йогурта оказался за батареей – все это под неумолчный шум интерактивных игрушек, – каждая минута длится словно час.

Если же дело все-таки доходит до занятий творчеством, проще сразу застрелиться. Генри, только что требовавший «пять красок и пять кисточек», дожидается, когда я поставлю их на

стол, мгновенно заявляет, что ему нужен маркер (*мой маркер, второй из двух уцелевших!*), и вот я уже готова взорваться от злости.

К началу утренних новостей я практически лезу на стену. А Генри принимается канючить, чтобы я включила ему мультики. Но я понимаю, что и без того ими злоупотребляю. Такими темпами у детей скоро станут квадратные глаза (это же на самом деле неправда, верно?). Поэтому телевизор приходится выключать.

Иногда я начинаю готовить обед уже в 11:15. Потому что после обеда можно считать, будто половина дня позади. Понимаю, глупо так рассуждать, ведь на самом деле я просто пытаюсь убить время. Но «после обеда» звучит более оптимистично – и на горизонте уже маячит Час, Когда Придет Спаситель (то есть папа вернется с работы). А там уже не за горами купание, пижама, книжка в кровати, теплое молоко и «спокойной ночи, родной». Я всегда ужасно себя чувствую, когда мечтаю, чтобы день поскорее закончился – ведь я должна ценить каждое мгновение со своими малышами (еще порцию коктейля «Материнство», пожалуйста!). Но если вы день за днем сидите с детьми в четырех стенах, поглядывание на часы обязательно войдет у вас в привычку.

Если на вечерний вопрос Джеймса «Дорогая, как прошел день?» я отвечаю «Ужасно. Ненавижу сидеть дома. Ненавижу декретный отпуск. Кто вообще додумался назвать его отпуском?», значит, мы с детьми торчали дома. Но если Джеймс слышит в ответ: «Ты знаешь, хорошо!», мы с мальчиками точно куда-то ходили.

И под «куда-то» я подразумеваю «куда угодно». Я говорю не о библиотеках, игровых центрах, детских клубах или походах в гости (хотя у них всех есть свои преимущества). Я имею в виду садовые центры, где можно побегать среди саженцев и живых изгородей, супермаркеты и зоомагазины – о, сколько чудесных минут мы провели в этих «маленьких зоопарках»! Я безо всякой иронии говорю о случайных местах, которые стали для нас настоящим открытием. Помнится, Генри без конца спрашивал, когда мы снова пойдем в «оранжевый магазин», а я не могла понять, о чем речь.

– Оранжевый магазин с домиками, – уточнил сын.

Под «домиками» он подразумевал беседки. Значит, он говорил о строительном магазине с оранжевой вывеской, куда мы заглянули по велению моей левой пятки. Поэтому туда мы теперь тоже заходим. Не как порядочные семьи, которые заглядывают в подобные места по выходным с конкретной целью: купить дрель или белую краску, – но с экскурсией посреди недели. «Генри, пойдем в строительный? – Ураааа!» Мы разглядываем беседки (порой среди них попадаются настоящие домики), я катаю Джуда в тележке, мы машем рукой серьезным людям, которые пришли за дрелями и краской... Да, пожалуй, все эти признания насчет вылазок в строительный магазин выставляют меня не в лучшем свете. Но правда в том, что они позволяют нам с мальчиками весело провести время. И после того, как мы доедем до магазина, поспоняемся по рядам, полюбуемся на электрические камины (семейная традиция) и вернемся домой, иногда я получаю в награду почти целый час блаженного спокойствия.

В этом, я думаю, и заключается смысл подобных вылазок: они разбивают день на отрезки, осилить которые вполне реально. Для этого сгодится даже поход к зубному. Куда мы идем и чем занимаемся – на самом деле не так важно. Главное, что мы не сидим в четырех стенах, доводя друг друга до белого каления, и не считаем минуты до папиного возвращения.

Все дело в смене декораций, в которой отчаянно нуждаемся и я, и дети. А лично мне нужна еще и веская причина снять пижаму (в противном случае я могу проходить в ней весь день).

Не скрою, иногда поутру я подсознательно нашариваю ногой знакомые грабли и почти произношу роковое: «Мальчики, давайте сегодня посидим дома». Но мозг тут же включает сигнал тревоги: «Ужасная идея! Ужасная идея! Срочно передумать!» И если никто из нас не болен (или хотя бы в состоянии переступить порог), я стараюсь запланировать как минимум

одну вылазку за пределы дома. Бывает, мы заглядываем сразу и в строительный, и в зоомагазин. Чем не повод гордиться собой?

В такие дни я снова чувствую вкус к жизни. И да, порой мне самой не верится, что к этому меня побуждает разглядывание морских свинок и гаечных ключей.

«Никто не предупреждает, что отныне две трети дней в календаре официально будут “дерьмовыми”».

Джей, Глазго

Эти забавные карапузы

Помню, когда Генри был младенцем и лежал в детском шезлонге, я часто ловила его озадаченный взгляд. Видимо, сына слегка смущали наши с ним беседы, в которых я подавала реплики за нас обоих. Или его утомляло в сотый раз играть в «ку-ку!», и он думал: «О господи, только не “Где же мама? Вот она!”». Опять?! Ага, снова спряталась за шторкой. Ну кто бы мог подумать?»

Помимо хлопанья в ладоши и хождения с экскурсией по дому, с малышами, в принципе, особо нечем заняться. Я все ждала, когда Генри вырастет, чтобы с ним можно было нормально общаться – и нормально играть.

И вот он вырос (боже мой, да он уже самый настоящий дошколенок!), и его игры приобретают все большую осмысленность. Я этому очень рада, поскольку переходный период малышовых игр и прочих активностей был хоть временами и забавным, но по большей части утомительным. Проблема в том, что играть с карапузами не так-то просто – но если вы мама, избежать этого никак нельзя.

Сейчас, когда Джуд нетвердой, но уверенной походкой подбирается к этому замечательному возрасту, я мысленно готовлюсь к тому, чтобы пережить все заново. И успокаиваю себя мыслью, что теперь у меня большой опыт хотя бы по этой части.

Если вам подобные радости только предстоят, позвольте в общих чертах описать, что вас ждет.

Прятки

Приготовьте самое невозмутимое выражение лица и нарочито-растерянный голос (вы знаете, о чем я: он на октаву выше обычного), потому что ребенок *обязательно сообщит, где собирается прятаться*. «Мама, я полезу под стол!» Замечательно. Не исключено, что, досчитав до десяти, вы обнаружите, что он просто лежит на диване, зарывшись головой в подушки, и проказливо хихикает/азартно попукивает от восторга. От вас требуется призвать на помощь все свои актерские способности и с неподдельным изумлением вопрошать: «Где же мой малыш? Куда он подевался?»

Поначалу это кажется утомительным, но новизна ощущений быстро поблекнет. Поверьте, довольно скучно в сто первый раз обыскивать гостиную, когда объект поиска прекрасно виден и слышен, а уж запах... Но деваться некуда.

Хотя вы можете обернуть игру в свою пользу, отослав ребенка прятаться на второй этаж. В этом случае спокойно считайте до ста, а потом время от времени покрикивайте: «Надо же, на кухне его нет! И под шкафом тоже нет!», не отвлекаясь от просмотра фотографий со свадьбы вашей бывшей одноклассницы в Фейсбуке.

В хороший день это позволит вам выиграть десять минут на то, чтобы разгрузить посудомойку (или тайком сжевать шоколадку). А если очень повезет, ребенок спрячется в каком-нибудь теплом укромном местечке и благополучно уснет там, пока вы будете старательно его «искать».

Футбол

– Я буду «Ливерпулем», мамочка, а ты – «Челси».

Супер! Наконец-то настоящая игра. Главный болельщик сидит в манеже, чтобы не попасть под горячую ногу нападающего, вы стоите на позиции и готовитесь спасти ворота,

хотя и знаете, что мячик полетит куда угодно, только не в них, и вдруг... Ваш трехлетка начинает рыдать.

– Мама, не лови мячик! Мама, он должен попасть в ворота! Ты все неправильно делаешь!

Вы безуспешно пытаетесь объяснить, в чем заключается смысл игры – только для того, чтобы в конце концов махнуть рукой и бурно восхищаться тем, как юный футболист загоняет мячи в беззащитные ворота с расстояния меньше метра. Впрочем, мне грех жаловаться: мы значительно продвинулись, и мне теперь разрешают *делать вид*, что я пытаюсь перехватить мяч. Но ловить по-прежнему не стоит. Зачем расстраивать нападающего?

«Холодное сердце»

В 2013 году мультфильм об Анне и Эльзе захватил экраны, колонки и умы детей и взрослых по всему свету. Наш дом эта напасть тоже не обошла стороной, и Генри изрядно вдохновился историей двух сестер, оленя и придурковатого снеговика. Я поначалу воодушевилась, когда сын предложил поиграть в «Холодное сердце». Я уже предвкушала, как мы поделим роли и после обеда устроим любительский спектакль. И искренне надеялась, что в этой игре смысла будет больше, чем в футболе.

– Мама, ты будешь Анной. Я – Эльзой. Я буду стоять за дверью.

Отлично! Акт второй, сцена первая, мотор! Я откашливаюсь и пою в замочную скважину:

– Эльза! За окном опять сугробы! Снеговик нас ждет давно!

– Ура! Пойдем лепить! – вопит Генри, распахивая дверь.

Да что ж ты будешь делать! Он смотрел этот мультик сто раз, но, кажется, так и не понял, в чем суть. Однажды вечером я попыталась объяснить Джеймсу, почему так бешусь, когда Генри действует не по сценарию. Джеймс, разумеется, смеялся до слез, пока я возмущалась, что наш трехлетний сын не в силах оценить глубину диснеевского сюжета. В какой-то момент я увидела себя со стороны – вот я стою, возбужденно размахивая руками, и с искренним негодованием вещаю: «Но смысл же в том, что Эльза *не хочет* лепить снеговика!»

И как я дошла до жизни такой?..

Творчество и рукоделие

Готова поспорить, вы возлагаете большие надежды на всякие наборы для творчества и рукоделия. Такие занятия кажутся уютно-домашними; при взгляде на кисточки, краски, пластилин и цветную бумагу невольно задумываешься, как здорово возиться с ними в пасмурный день, когда за окном сонно шуршит дождь. Главная ошибка, которую могут совершить родители, – настроиться на конкретный результат.

Забудьте! Этого не случится. Зато вы будете бороться с постоянным желанием возопить: «Ты все делаешь неправильно!»

Как-то раз я захотела сделать овечку. Разложила на столе пушистую проволоку, вату, блестящий картон и даже пластиковые глаза. Мысленно я уже представляла, как наша гостиная превращается в творческую мастерскую. Но у Генри были другие планы. Вату он приклеил себе к пальцам, пластиковые глаза прилепил на стул, а пушистую проволоку попытался засунуть в нос. Как вы догадались, овца его вообще не заинтересовала. Тем не менее, я доделала несчастное животное и гордо выставила на кухне с подписью «Генри, 2 года».

Я прекрасно понимала, что сама себя обманываю. Но для Джуда я, пожалуй, тоже сделаю овечку. Чтобы ему не было обидно.

Машинки

«Ненавижу играть в машинки. Поэтому пытаюсь сделать игру хоть немного интересной для меня. Например: “Ой, смотри, грузовик поехал на кухню! Ему срочно нужно положить в кузов печенье...”»

Дэни, Саутгемптон

В эту игру приходится играть почти всем. Она входит в «базовую комплектацию» мальчишек. А еще она очень скучная. Вы сидите на полу и катаете игрушечную машинку вслед за машинкой сына. Иногда вы играете в гонки, и вас заставляют издавать рычащие звуки.

В этой игре есть несколько правил, которые соблюдаются неукоснительно. Правило первое: вам достается самая плохая машинка. Правило второе: вы никогда не выигрываете.

Недавно Генри решил слегка разнообразить игру и добавить адреналина: мне пришлось мчаться за ним в детский сад, потому что он проглотил колесо от машинки. И я не знаю, вышло оно или нет, – на случай, если вам любопытно. Подробно расспросив сына, я успокоилась хотя бы тем, что он не специально сунул колесико в рот. Нет, что вы, «Оно само туда залетело, мама!» Ну конечно, мой маленький Пиноккио.

Но буду с вами откровенной: «игры» – это меньшая из бед, когда вы имеете дело с двух- или трехгодовальными ребятами. Если ваши дети еще не доросли до этого дивного возраста, поверьте, у вас столько всего впереди... Вот мой топ-лист причин, по которым трехлетки – те еще засранцы, прости господи:

Они знают, когда вы блефуете

Когда в парке вы начинаете грозить, что сейчас уйдете («Нам пора уходить. Пойдем, или я уйду без тебя. Все, я ухожу. Пока!»), они бросают на вас взгляд, в котором ясно читается: «Мама, кого ты пытаешься обмануть?», и устремляются обратно к горке. Вот же поросята! И вы, теряя остатки достоинства, плететесь обратно, чтобы прибегнуть к старой испытанной тактике «Поднять и утащить». А родители детей, которые хорошо себя ведут, отводят глаза, делая вид, что ничего не происходит.

Они слышат все, что вы говорите, но повторяют только то, что повторять нельзя

Попросите ребенка в 2–3 года повторить за вами алфавит или посчитать до десяти, и его тут же одолеет избирательная глухота и немота. Но попробуйте в присутствии трехлетки выругаться в адрес криворукого водителя, который подрезал вас на трассе, и звонкое «Да чтоб тебя, чудила!» будет преследовать вас даже во сне. Социальные службы, мне стыдно, я сдаюсь.

Они устраивают лежащую забастовку, специально выбирая места, где много народу

Поскольку в 2–3 года детям, в отличие от вас, *все равно, что о них думают окружающие*, они охотно

применяют этот трюк всякий раз, когда сочтут нужным. Если им что-то не нравится, они ложатся на пол и лежат неподвижно, вынуждая вас выволакивать их на улицу за капюшон.

Осторожно: иногда капюшоны отстегиваются. Я обнаружила это, когда попыталась поднять за капюшон Генри, который улегся на пол в магазине уцененных товаров. Точнее, сначала закатил отвратительную истерику, а потом улегся на пол. Причина? Я сказала, что не куплю ему голую и наполовину лысую Барби.

Они отказываются есть то, что у них в тарелке

Вы говорите ребенку, что если он не начнет есть, еда отправится в мусорное ведро.

Он упрямо зажимает рот и мотает головой.

Еда летит в ведро.

Он рыдает, что хочет есть.

Устало потираю глаза забытой на столе хлебной палочкой

Они выставляют вас не в лучшем свете перед другими родителями

Когда у трехлеток спрашивают, чем они сегодня занимались, они поразительным образом забывают, как вы пытались увлечь их пластилином или предлагали построить башню. Вместо этого они отвечают: «Смотрели мультики», «Ели чипсы!» или «Смотрели мультики и ели чипсы!»

Они просят в туалет в самый неподходящий момент

Независимо от того, освоили вы горшок или до сих пор ходите в подгузниках, главные туалетные сюрпризы дети 2–3 лет приберегают для походов в гости. Или в супермаркет, где нет туалета для покупателей.

Они легко манипулируют вами. Особенно если на кону сладости

Я уже писала, как много раз добивалась желаемого от моего строптивого старшего сына, подкупая его печеньем. «Не ведите переговоры с террористами», – твердят нам со всех сторон. Да, ребенка, бьющегося в истерике, вполне можно сравнить с террористом – если оценить ущерб, который он наносит психике окружающих. И в принципе, я согласна, что поощрять такое поведение ни в коем случае нельзя. Но если я толком не спала ночью, съездила с детьми в магазин, и на обратном пути трехлетка угрожает закатить сцену в автобусе, я лучше наклонюсь к нему и шепну: «Прекрати ныть, и я дам тебе печенье». А о последствиях буду думать потом.

Они плачут, потому что хотят спать

Но не спят. Что тут еще сказать? Главное, помните: это ваша вина!

Но когда ваш двух-трехлетний ребенок наконец уснет, вы не сможете удержаться от вздоха, полного нежности и умиления. Ведь они такие лапочки, когда спят. А когда обнимают вас крепко-крепко, вы готовы простить им все на свете – и раскиданные игрушки, и рыдания в автобусе, и даже головную боль на протяжении следующих двадцати лет.

Конечно, они те еще засранцы. Но они ваши засранцы.

«На свадьбе моего брата кто-то из гостей случайно выругался: “Хрен тебе”. И наш полуторагодовалый сын, разумеется, сразу взял эту фразу на

вооружение. На свадебном видео четко слышно, как мы пытаемся отвлечь малыша:

– Как говорит коровка?

– Хрен тебе!

– Как говорит козочка?

– Хрен тебе!

Очевидно, на ферме выдался не лучший день...»

Марк, Западный Суссекс

Мамина ярость

Должна признаться, что не только поведение моих драгоценных сыновей вызывает у меня раздражение. После рождения детей я в принципе стала больше злиться. Мне сложнее держать себя в руках, я теряю контроль куда быстрее, чем раньше. Общение с другими мамами на эту тему привело меня к заключению, что в своих вспышках гнева я не одинока. Допускаю, что виной тому общая усталость. Ведь когда ты изо дня в день живешь на пределе сил и возможностей, на самоконтроль внутренних ресурсов хватает не всегда.

Обычно я без труда могу распознать приближение Вспышки Маминой Ярости, потому что эмоциональная реакция в этих случаях оказывается совершенно непропорциональной тому, что ее вызвало. Например:

Кто-то припарковался на месте для матери и ребенка

Думаю, не одна я сталкивалась с подобными нахалами. Они занимают место, предназначенное для родителей с детьми, хотя у них и детей-то нет, либо им лет *шестнадцать*, не меньше. Да, я буду смотреть на вас очень выразительно, когда мне придется ставить машину чуть ли не вплотную к соседней, а потом проявлять чудеса гибкости, отстегивая детей от автокресел. В такие моменты мне остается только молиться, чтобы Генри не снес лазерным мечом зеркала несчастной «ауди», которой не повезло оказаться рядом.

У планшета садится батарейка

Планшет с развивающими (и не очень) приложениями для детей – зачастую мой единственный спаситель. Он должен быть всегда заряжен! Ведь «Осталось 5 % батареи» означает, что мои планы полетят к чертям. И «планами» я гордо именуую скоростную уборку в ванной и смену постельного белья, которое я не меняла уже две – ладно, шесть недель!

Неторопливые покупатели, которые ничего вокруг себя не замечают

Я передвигаюсь по магазину с коляской. Так что, если вы плететесь со скоростью 2 км/ч, растянувшись своей компанией на весь ряд, а потом резко останавливаетесь в бакалее, чтобы выбрать хлопья к завтраку, я, скорее всего, наеду вам на ноги. Ничего личного, просто у коляски длинный тормозной путь.

Другие дети

Особенно на игровой площадке. О, игровые площадки! Когда мои дети не хотят делиться игрушками, вопят как резанные, воют и издают прочие отвратительные звуки, это раздражает. Когда точно так же ведут себя чужие дети, это становится просто невыносимо. Я часто ловлю себя на том, что недовольно кошусь на ребенка, который, к примеру, взбирается прямо по горке. Меня так и подмывает крикнуть: «Эй, мой сын хочет кататься! А ну быстро слезай! И мне все равно, что тебе два года». Но я молчу – и даже сочувственно киваю родителям этого несносного малыша.

Мужья

Втулка от туалетной бумаги, оставленная на держателе. Скомканные носки, брошенные на полу в спальне. Забытые на кухонном столе пустые коробки из-под хлопьев и пакеты из-под сока. Дорогой, фея уборки за ними не прилетит, а мистер Пропер забыл дорогу в наш дом! Поэтому хватит так себя вести.

Друзья, у которых нет детей

Сами друзья меня не раздражают. Но иногда они не понимают, что моя жизнь немного изменилась. Да, я все равно являюсь нормальным членом общества. И по-прежнему рада тебя видеть. Но когда ты пишешь «Давай встретимся в городе через полчаса», я могу только досадливо хмыкнуть или истерически расхохотаться. Полчаса? Да мне повезет, если мы с детьми будем на месте через полдня!

Случайные прохожие, которым не терпится поделить своим особо ценным мнением

Мне с ними столкнуться пока не довелось, но я не раз и не два замечала, как мамы, едва сдерживая злость (или уже не сдерживая), отбиваются от непрошеного внимания со стороны незнакомцев. «Знаю, она кажется голодной, но я ее только что покормила. Так что спасибо, мы сами разберемся» и «Да, кое-кто расстроился. И поэтому плачет». Почему-то чаще всего крупными мудрости разбрасываются дамы почтенных лет. Спасибо, леди, но вас действительно не спрашивали. Идите куда шли.

Идеальные мамы

Ладно, не буду кривить душой. Тут всему виной не злость, а натуральная зависть. Я искренне завидую мамам, у которых есть время, деньги и силы на педикюр, коррекцию бровей и личного тренера. Мамам, которые не ходят два дня подряд в одной и той же одежде и поддерживают порядок на голове при помощи сухого шампуня. Мамам, которые следят за модой и покупают одежду, а не только примеряют ее, чтобы, вздохнув, вернуть на вешалку. Мамам, у которых дом выдержан в едином стиле и которым не лень его украшать. (Декоративные подушки? Готова спорить, что мои дети сразу превратили бы их в *деструктивные*.) Знаю, завидовать нехорошо. Зависть унижает. Мне нужно перебороть свою злость. Пожалуй, внесу это в список планов на следующий год. Да-да, тех самых, которые никогда не воплотятся в жизнь...

Обманчивый блеск социальных сетей

Социальные сети врут.
Врут безбожно и беспардонно.
Конец.

Шучу. Мне лучше развить эту тему, ведь мой блог – тоже часть социальных сетей, а без него не было бы книги. Так что ответственно заявляю, что не представляю своей жизни – в том числе профессиональной – без соцсетей. Если бы я встретила Марка Цукерберга, то задушила бы его в объятиях.

Проблема, о которой я хочу поговорить, заключается не в самих соцсетях, а в том, как мы, родители, ими пользуемся. Точнее, чем мы делимся с окружающими посредством Фейсбука, Инстаграма, Твиттера и прочих.

Почти два года меня не покидало ощущение, что для всех остальных дети – это легко и просто. Они что, знают какой-то секрет? Тогда почему мне о нем не сказали? Со временем, при активном участии других родителей, я пришла к следующему выводу. Мое мнение о том, как замечательно справляются со своей ролью прочие мамы (и как плохо справляюсь с ней я), основывалось не в последнюю очередь на картинке, которую я видела в соцсетях.

Да, я допустила ошибку. Но согласитесь, ошибиться здесь очень легко – особенно когда ты устала, не уверена в себе и убеждена, будто с твоим ребенком что-то не так. Ведь он отказывается спать, несмотря на самые крутые качели с мобилем и ежевечерние ванны с лавандой.

Когда имеешь дело с Фейсбуком и ему подобными, важно помнить, что далеко не все люди, состоящие у вас в «друзьях», являются друзьями в истинном смысле этого слова. Я не говорю, что они вам враги, просто большинство из них с натяжкой можно отнести даже к знакомым. Вы никогда не были – или давно перестали быть – с ними близки. Возможно, вы когда-то вместе учились, работали, пару раз пересеклись на вечеринках или состоите в очень отдаленном родстве.

Я люблю иногда заглянуть в чужие профили. Да что там, я могу пару часов просидеть в альбоме бывшей одноклассницы, рассматривая, как она обставила дом и куда съездила отдохнуть с семьей. (И боюсь, мне будет очень стыдно, если эта книга попадет ей в руки.) Тем не менее, изучив профили в Фейсбуке, я вряд ли узнаю, что за люди передо мной. Я узнаю, на каких машинах они ездят, как зовут их детей и даже сколько килограмм они сбросили на последней диете. Возможно, сама того не желая, я окажусь в курсе их разрыва с парнем, который был настоящим «кобелюгой». Но так или иначе, общаясь в соцсетях, я узнаю лишь то, чем они решили со мной поделиться. Не больше.

При этом я понятия не имею, чего им стоило расставание с упомянутым «кобелюгой», счастливы ли они, довольны своей жизнью или нет. И я точно ничего не могу сказать о том, как они справляются с детьми. Умом я все это понимаю. Но в особенно неудачные дни, когда я кажусь себе абсолютно бездарной матерью, радостные статусы друзей в Фейсбуке или яркие фотографии в Инстаграме с хештегом #чудесные_моменты_с_малышом только подогревают мои чувства. Я умудряюсь даже рассуждать о том, как хорошо живет незнакомым мне мамам, только на основании их твиттеров и блогов.

Из-за соцсетей иногда создается впечатление, что все вокруг искренне наслаждаются материнством. Все, кроме тебя. Красивые фото детей на пляже, уютные селфи на диване, аккурратно и с фантазией разложенная на тарелке еда, счастливые семейные снимки... Ну как тут не поставить лайк? Совершенно естественно, что мы хотим оставить эти мгновения в памяти, да еще и поделиться с остальными. А фильтр «Валенсия» в Инстаграме делает их еще более чудесными. Поверьте, я знаю, о чем говорю. С этим фильтром я сама себе нравлюсь, а ведь я всю жизнь мечтаю о коррекции носа.

При этом мы удаляем фото, где у нас четыре подбородка. Без раздумий стираем кадры, на которых дети выглядят не слишком мило. Мы считаем себя обязанными выкладывать только жизнерадостные статусы и делиться лишь хорошими новостями.

Когда у друзей рождается ребенок, мы с нетерпением ждем первых умильных снимков из больницы, где младенец лежит в пластиковой колыбельке с плюшевым зайцем под боком. Мы знаем, что через пару недель нас порадуют фотографиями спящего малыша, его крошечных ручек и пяточек. От таких снимков яичники заводят вечную песнь продолжения рода. Мои не утихают с тех самых пор, как родился Джуд. Хорошо, что мозгу пока удастся их заткнуть. О чем мы понятия не имеем – так это о том, что происходит до, во время и после этих фотографий. Почему-то этим никто не торопится делиться.

На самом деле мало кто выкладывает в соцсети ежедневную рутину и пертурбации обычной жизни. На каждый день, когда мои мальчики бегали по пляжу с розовыми щечками и проказливыми улыбками, приходится десять, которые мы провели дома, играя в надоевшие игрушки, рисуя, просматривая по двадцатому кругу одни и те же мультики и перемежая все это вылазками на знакомую детскую площадку в парке. За каждым очаровательным снимком моих сорванцов стоят десятки, которые никогда (надеюсь!) не попадут в Интернет. За каждым статусом «маленький слонопотамчик поднял меня ни свет ни заря» рано или поздно последует «я засыпаю на ходу и готова продать почку за пять минут сна». Через несколько дней после рождения Джуда я выложила в Сеть фото нас с мальчиками на прогулке. И потом с искренним удовольствием читала комментарии в духе «Ух ты, здорово выглядишь!» Мне нужно было почесать свое самолюбие. И я и в самом деле выглядела хорошо, потому что кое-как пригладдила волосы утюжком, накрашилась в машине и пощипала щеки, чтобы вернуть им румянец. На том снимке я смотрелась куда лучше, чем себя чувствовала. Потому как реальность моя в то время была такова: я почти круглые сутки работала молочной фермой, сидя в ночнушке с грязным пучком на голове, и цвет лица у меня был бледно-серый от вызванного родами недостатка железа.

Уверена, я не одинока в стремлении предъявить окружающим отредактированную версию своей жизни. Фото без фильтра, однообразные будни без выходных, когда мы готовы на что угодно, лишь бы попить чаю в тишине и спокойствии, – вот наша настоящая реальность, без цензуры и фотошопа. Но ее мы оставляем для самых близких.

Тем не менее, ситуация меняется. Медленно, но верно. В Сети появляется все больше родителей-блогеров, форумов и сообществ вроде моей страницы в Фейсбуке, где люди рассказывают неприкрытую правду о материнстве. Временами у меня закрадывается мысль, что видеть только темную сторону тоже не так-то здорово. Я слежу в Инстаграме за мамами, чьи дети всегда прекрасно выглядят, ногти ухожены, а кухни словно сошли со страниц модных журналов (и еще они ведут кулинарные видеоблоги!). И знаете что? Я обожаю их инстажизни. Я понимаю, что это чистой воды эскапизм, но мне все равно. И я отдаю себе отчет, что отпускаю шуточки об Идеальных мамах только потому, что завидую. (Вот, я призналась в этом уже во второй раз. Могу и в третий!)

Поначалу я часто раздражалась, натываясь на блоги, где идеи для занятий и творчества с детьми перемежались фотографиями нарядных малышей, которые гуляют с мамой по залитому солнцем лугу. Но тысячам людей это нравится! Их в равной степени раздражают (и даже оскорбляют, как мне однажды сказали) фотографии детей, бьющихся в истерику, и гневные записи доведенных до отчаяния родителей. Некоторые блогеры, включая тех, которыми я любовалась издавна, никогда бы не выложили в Сеть не самые приятные моменты своей жизни с детьми. Точно так же я не стану писать в блог о чудесной, но ничем не примечательной семейной прогулке на выходных. И фотографировать содержимое нашей корзинки для пикника. Сомневаюсь, что подробности нашего похода в парк «сделают ваш день»: во-первых, я не озаботилась модной одеждой для сыновей, во-вторых, я отвратительно фотографирую, а в-третьих, в корзинке для пикника у меня лежали рисовые хлебцы и лимонад.

Итак, что я хочу сказать? Все, что родители (знакомые или незнакомые) транслируют в Интернет, следует делить минимум на два. И воспринимать с долей скепсиса.

Я пишу это для того, чтобы предостеречь вас от повторения моих ошибок. Мы вряд ли перестанем пользоваться Инстаграмом (господи, благослови «Валенсию»), все равно продолжим время от времени делать постановочные фото и писать поздравления нашим малышам на первый день рождения (сомневаюсь, что они их когда-нибудь прочитают). Но важно помнить, что соцсети не показывают картину целиком. Мы сами решаем, какой образ создать и чем поделиться. И если у вас выдался отвратительный день, лучше не открывайте Инстаграм, а

напишите подруге: «Я. Хочу. Сдохнуть». Лично мне это помогает куда больше, чем тоскливое прокручивание брызжущей счастьем ленты в Фейсбуке.

Наверное, все-таки не стоит говорить, что соцсети врут. Это слишком категоричное заявление. Они не врут. Ведь «избирательная правда» – не синоним лжи? Поэтому я продолжаю следить за отредактированной жизнью знакомых и незнакомых мне людей. Просто не забываю делить все на два.

«Когда я после выходных выкладываю фотографии в Фейсбук, друзья пишут: “Похоже, вы отлично провели время!” И мне остается только ответить: “О, еще как!” Я же не буду фотографировать получасовую истерику мужа из-за оставленной дома сумки для пикника или то, как дети всю дорогу нещадно доводили друг друга».

Лора, Лондон

Когда у вас дети: минусы и плюсы

Поскольку родители, как мы уже выяснили, довольно избирательно подходят к тому, чем делиться с окружающими, я решила составить честный обзор отрицательных и положительных моментов жизни с детьми. Давайте сначала разберемся с минусами.

Минусы

Шум

Плач, нытье, визг, ор, крики, бесконечное «Мам! Мам? Мааааааа! Мам-мам-мам!». Неумолимая симфония разнообразных жалоб и требований обрушивается на ваши барабанные перепонки день за днем, накаляя нервы до такой степени, что однажды вы просто швыряете противень через всю кухню. Добавьте к этому какофонию музыкальных игрушек и не удивляйтесь, что следующая эсэмэс, которую вы отправите мужу, будет «Купи вина!».

Вечные опоздания

Неважно, во сколько вы встали, как долго собирались и как тщательно упаковали сумку накануне вечером. Вы все равно не выйдете из дома вовремя. Когда мы уже стоим на пороге, Генри вспоминает, что ему нужно покакать и сидит на унитазе пятнадцать минут, пока не рассмотрит весь каталог игрушек. Я не шучу! Если никто не хочет в туалет, кто-нибудь обязательно проголодается (но яблоком не удовольствуется) либо потеряет куртку. Понятное дело, после всего этого мы опаздываем, я потею и стремительно теряю человеческий облик, а потом обнаруживаю, что в суматохе забыла что-то взять. Но отказываюсь возвращаться, только если это не влажные салфетки, подгузники или один из детей.

До рождения сыновей я была до ужаса пунктуальной. Теперь я стала одной из тех раздражающих персон, которые все время говорят: «Прости, я опоздаю» или «Погоди, мы что, на сегодня договаривались?!»

«Обувайся». Такая простая просьба – и каждый раз она отнимает у меня десять лет жизни».

Джоан, Глочестер

Невозможность спокойно поесть

Я могла бы посвятить отдельную книгу нашим злключениям за столом. Как я заметила, здравомыслящие родители предпочитают дожидаться, пока дети уснут, и только потом садятся пить чай или ужинать (подозреваю, вряд ли им удастся хоть раз нормально поесть до восьми вечера). Мы, пожалуй, относимся к странному меньшинству, потому что собираемся за столом всей семьей в шесть часов (не считая ночных налетов на холодильник, от которых я даже не буду отпираться) и едим одно и то же. К восьми часам я умру от голода, к тому же в это время я иногда падаю спать. Как люди вообще выдерживают столько без еды?

Так или иначе, прием пищи в компании младенца и его трехлетнего собрата довольно часто напоминает скорее цирк, чем цивилизованное застолье. Конечно, со временем станет лучше – во всяком случае, я старательно себя в этом убеждаю. Но до тех пор я продолжу закидывать в рот рис, одновременно подбирая с пола все, что туда накидал Джуд, и заставляя Генри доедать овощи («Если съешь зеленую фасоль, я дам тебе печенье»).

Недостаток сна

Зачем говорить об очевидном, скажете вы, но я настаиваю. Ночь непрерывного сна подобна живительному эликсиру, который мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся, – пока внезапно не лишаемся его в палате для только что родивших. В моем случае ситуацию усугубляла соседка. Она постоянно будила и так беспокойного Генри криками: «Ой,

кто это тут плачет? Малыш, не плачь, мама здесь!» Удивлюсь, если ее ребенок не оглох к выписке.

Генри чуть ли не с рождения завел привычку просыпаться на кормление в три часа ночи. Через пару месяцев я уже забыла, когда в принципе спала в это время. Чтобы оставаться в сознании, я в полудреме листала eBay. Дело кончилось тем, что мне доставили посылку с детскими вещами б/у. Не имею ни малейшего представления, когда умудрилась их заказать. Возможно, в тот момент я незаметно для себя отрубилась. Если бы сон был наркотиком, я бы первая кинулась к дилеру за дозой, чтобы запереться в ванной и «улететь».

Мультфильмы и шоу для детей

Даже не знаю, с чего начать... Хотя во многих ситуациях мультфильмы становятся для родителей настоящим спасением, ваше отношение к ним будет меняться от ненависти до любви и обратно. Их невозможно не любить, поскольку благодаря им вы получите полчаса свободного времени на уборку (читай: просмотр ленты в Фейсбуке). И их очень легко возненавидеть, потому как некоторые просто невыносимы. Взять, к примеру, «Тайни Лав». Пресвятая мать всех погремушек, кто додумался до песни «Моя кнопка голубая, // Она чудесная – я знаю»? Неизбежно наступит день, когда вы поймете, что уже минимум пять раз посмотрели все серии «Свинки Пеппы» и всерьез обсуждаете взаимоотношения машинок из мультсериала «Робокар Поли».

Дети отвратительны

Понятное дело, не все время. Иногда они очень милы. Но это не отменяет того факта, что вам каждый день приходится вытирать грязные попы, собирать с одежды козьявки и нюхать подгузники. Когда я приучала Генри к горшку, на бумаге все выглядело очень пристойно. Но жизнь не готовила меня к тому, что я почувствую, когда в первый раз столкнусь с человеческой какашкой в пластмассовом горшке. То есть я понимаю, что именно там она и должна была оказаться – собственно, ради этого все и затевалось. Но мне никогда прежде не приходилось изображать столько восторга при виде чужих экскрементов. «Умница! Ты молодец, сынок!» – нахваливала я Генри, сдерживая рвотные позывы по пути к туалету. А когда долгожданная какашка отправилась в далекое плавание, я побежала открывать окна по всему дому – не буду уточнять, сколько времени Генри ее высиживал.

Фотографии и истории, которыми со мной делились в течение последнего года, открыли мне новые грани омерзительности: я видела какашки, размазанные по стенам, читала о том, как дети умудряются срыгнуть в рот родителям, ковыряются в кошачьих туалетах и с аппетитом поедают свои козьявки... Пожалуй, здесь стоит остановиться.

Шопинг

Не знаю, почему я с таким упорством ем этот кактус. В смысле, пытаюсь делать покупки вместе с сыновьями. Я сейчас говорю не о походе в супермаркет (что тоже далеко не развлекательная прогулка, но все же), а о шопинге в истинном смысле этого слова. То есть о покупке одежды. Я знаю, во что мои мальчики могут превратить шопинг, и тем не менее, снова и снова наступаю на эти грабли.

Прошлая наша вылазка в «Маркс энд Спенсер» начиналась вполне прилично: я держала себя в руках и призывала Генри к порядку, как подобает уравновешенной маме из среднего класса. «Мы не бегаем, дорогой. Подойди ко мне, пожалуйста», – увещевала я сына, не повышая голоса. Только для того, чтобы через пару минут перейти на крик: «Живо сюда, я кому сказала?! Никакого планшета сегодня, и можешь забыть про подарки на Рождество!» (Да-да, я продолжаю разбрасываться невыполнимыми угрозами.) На протяжении всей поездки дети диктовали свои условия. Один требовал бутылочку, второй хотел в туалет, и я постепенно оставила попытки заскочить в магазины, которые интересовали меня. С маленькими детьми это просто невозможно. Шопинг по Интернету – наше все. Главное – не заснуть в процессе.

Невозможность нормально поболеть

С детьми вы не можете взять больничный, даже когда в самом деле больны. Если в шаговой доступности нет самоотверженных помощников, вам все равно придется кормить, одевать и развлекать малышей. А те будут донимать вас вопросами «Мамочка, почему у тебя такие красные глаза?» и причинять дополнительную головную боль. Дни, когда я болела, а Джеймс не мог отпроситься с работы (такое случалось не раз и не два), точно попадут в копилку «Не дней Бекхэма». В подобные минуты мы, мамы, особенно четко осознаем, что наши желания и потребности отныне даже не на втором плане. Но горевать об этом некогда: нужно приготовить обед и отыграть партию Бэтмена в новой битве супергероев.

Вам уже ничего не страшно

Правда, ничего. Я не боюсь, что мальчики увидят меня голой. Не боюсь, что застанут на унитазе. Не стесняюсь покупать при них тампоны. Но иногда я бы не отказалась от возможности побрить ноги в одиночестве, спокойно посидеть в туалете и постоять возле полки с гигиеническими прокладками больше тридцати секунд. Моя жизнь сейчас такова, что поход в туалет без сопровождения засчитывается за «свое время». Подозреваю, что у большинства мам такая же проблема, но общее положение вещей меня, мягко говоря, угнетает.

«Я выбирала прокладки в магазине, когда мой трехлетний сын участливо (и очень громко) поинтересовался: «Мамочка, тебе тоже нужны подгузники?»»
Аноним, Виндзор

Впрочем, не все так плохо. Потому что в материнстве, безусловно, есть и свои...

Плюсы

Безусловная любовь

Трудно переоценить силу объятий и детской улыбки. Когда маленькие ручки обвиваются вокруг твоей шеи, личико утыкается в грудь, и ты в первый (или в тысячный) раз слышишь «Мамочка, я тебя люблю», сердце поневоле тает. А если за этим не следует вкрадчивое «Можно мне печенье?», то вообще замечательно. Порой, когда нашим сыновьям больно, или они чем-то расстроены, нам с мужем достаточно прижать их к себе, чтобы разрешить все проблемы. В такие мгновения меня переполняет неподдельная гордость. Нет ничего удивительного в том, что дети нуждаются в своих родителях (в конце концов, мы для них – целый мир и основа благополучия). Но их бесконечное доверие рождает во мне ни с чем не сравнимые чувства. Нередко их оказывается достаточно, чтобы превратить «Когда же это кончится?» день в день «Господи-как-же-мне-с-вами-повезло!»

Смех. Очень много смеха

К сожалению, иногда я слишком сосредотачиваюсь на том, как тяжела жизнь с детьми, и забываю, что лежит на другой чаше весов. А там лежит очень много умиротворяющих ситуаций и мгновений искреннего смеха. Дети – это что-то с чем-то, и не только потому, что любят танцевать голышом и изображать Чубакку. Порой они выдают такое, что ты смеешься остаток дня – и еще неделю, похохатывая, пересказываешь знакомым.

Например, недавно на прогулке Генри заметил девушку в юбке с бахромой и не замедлил с восхищением прокомментировать:

– Мама, смотри, у тети щупальца, как у медузы!

Когда же у нас были гости и пришло время прощаться, расстроенный Генри провожал их словами:

– Уже уходите? Я думал, вы к нам на недельку!

Научившись ковырять в носу, мой старший сын не только с удовольствием рассматривал плоды своих изысканий, но и аккуратно раскладывал по всему дому. Нередко он пытался усадить их, скажем, мне на плечо со словами:

– Вот, пускай тут посидят.

– Я не хочу, чтобы на мне сидели козявки! – возмущалась я.

– Ну мама, они же такие милые!

Съев после завтрака бутерброд с джемом, Генри затребовал второй, на что я спросила:

– Попа не слипнется?

– А я джем в попу засовывать не буду, – деловито ответил сын.

Иногда мы включаем музыку и смотрим, как наши мальчишки исполняют народные танцы африканских племен. Не хочу оскорбить представителей упомянутых племен, но я всякий раз до слез смеюсь над их ужимками. Наш дом каждый день наполнен весельем, и, несмотря на вечерние капризы, от хохота моих мальчишек в комнатах становится светлее. Их смех способен разогнать даже самые темные тучи – и вытащить меня из пучины уныния.

«Наша трехлетняя дочь упорно называет говядину ‘говнятиной’. Мы с мужем ничего не можем с собой поделать и каждый раз бьемся в истерику от смеха. Поэтому просто стараемся не есть вне дома».

Хайди, Норвич

Рождество

В детстве я обожала Рождество, но с годами этот праздник утратил для меня свое очарование. Ожидание чуда, чувство единения и семейные традиции отошли на второй план, а на первый вышли рабочий корпоратив и пара-тройка внеочередных выходных, когда можно валяться на диване, поглощая индейку и шоколадные конфеты.

Но волшебство вернулось, когда появились дети. Теперь я с радостным сердцем предвкушаю, как мы будем наряжать елку и заворачивать подарки и как будут сиять глаза мальчишек, когда они обнаружат, что Санта-Клаус заглянул к нам не с пустыми руками. Рождество напоминает нам, что все тревобления уходящего года были не напрасны. А еще на Рождество мы не переживаем насчет того, что едят наши дети. Это, скажу я вам, очень здорово, поскольку в 2013-м Генри отреагировал на рождественский ужин криком: «Фуууу! Уберите это!»

Отпуск

Не буду лукавить: отпуск с детьми успешно сочетает в себе все лучшее и худшее, что они привносят в нашу жизнь. Поездка куда-либо (за границу или в пределах страны) с маленькими детьми – это совсем не расслабленный отдых в формате «все включено» из вашей прежней жизни. Моя лучшая подруга как-то описала отпуск с детьми емкой фразой «то же дерьмо, только в другом месте». И я готова с ней согласиться.

С другой стороны, отпуск – это замечательно. Смена обстановки и возможность оставить позади кучу домашних дел лично на меня действуют очень благотворно. Я расслабляюсь и гораздо спокойнее отношусь к детским истерикам и проказам. Прошлогодний отпуск в Корнуолле подарил мне немало радостных моментов. Помнится, я лежала в шезлонге, босоногий Джуд, охваченный жаждой открытий, ковылял по песку, а Генри с Джеймсом строили замок. Я закрыла глаза, подняла лицо к солнцу и вдохнула полной грудью. Такие мгновения, когда все идет хорошо, хочется разливать по бутылкам, чтобы доставать в пасмурные часы и отпивать глоток счастья.

Будущее

В конце концов, ведь все затевалось ради этого? В самые темные дни, когда я засыпаю на ходу и зевнуть не могу без того, чтобы кто-то из мальчишек меня не прервал, когда я выбираю любимые узкие джинсы, с горечью признавая, что уже в них не влезу, когда я с тоской задаюсь вопросом, хватит ли у нас денег еще хоть раз съездить в отпуск, я мысленно переношусь на пять/десять/двадцать лет вперед, в те времена, когда мои сыновья станут озорничать в школе, приводить домой девчонок – или у них появятся свои дети. Я думаю о грядущих мгновениях радости, когда я буду благодарна судьбе, что нас четверо.

Что мы – семья.

И это, пожалуй, главный плюс.

Часть пятая

Будьте снисходительны к себе

«Сомнения не делают вас плохими родителями»

Открытое письмо Маме в Красном Пальто

Дорогая Мама в Красном Пальто!

Ты, скорее всего, меня не помнишь.

На прошлой неделе я заметила тебя на детской площадке в парке. Погода стояла дождливая и пасмурная, и мне очень хотелось улыбнуться тебе, поскольку я чувствовала, что день у тебя выдался препаришивый. Честно говоря, я это не только чувствовала, но и видела: ты выглядела очень несчастной. Твои дети вели себя отвратительно, и на лице у тебя застыл немой вопрос: «Когда моя жизнь превратилась вот в это?!» Я сразу узнала это выражение, потому что сама довольно часто его ношу, изредка меняя на «Остановите Землю, я сойду!»

Именно поэтому, проходя мимо, я сказала: «Кошмар, правда?» – и ты коротко улыбнулась в ответ.

Наверное, тебя как раз отвлек старший сын, который забрался на «паутинку», снял с себя ботинки и отказывался слезать, и малышка-дочь, которая никак не могла перестать плакать. Хотя не исключено, что ты решила не вступать со мной в разговор, поскольку мой старший сын принялся распевать про ромашки и какашки в опасной близости от остальных детей. Увы, он часто это делает.

Но я сильно подозреваю, что собственные дети тебя беспокоили гораздо больше. Ты вся залилась краской и выглядела очень смущенной.

И вот что я хочу сказать.

В тот день тебе абсолютно нечего было стыдиться. Да, дети старательно испытывали тебя на прочность. Но это ничего не говорит о том, какая ты мать и что ты за человек. Так что, ради бога: злись на них, чертыхайся под нос, плачь, используй для подкупа мармеладных мишек – словом, делай все, что считаешь нужным. Но прошу, не косись через плечо, боясь наткнуться на осуждающие взгляды.

Потому что мы в одной лодке.

И я правда понимаю, что с тобой происходит – и что ты чувствуешь. Когда мой старший превращается в желе, пытаюсь выскользнуть из рук, и мне приходится буквально выволакивать его с детской площадки, трудно казаться невозмутимой и не прятаться от чужих взглядов. И да, когда твой сын закричал «Я тебя ненавижу!», он сделал это очень громко – и люди, естественно, начали оборачиваться.

Но когда ты настойчиво шептала своей плачущей малышке: «Милая, еще не время пить молочко, я только что тебя покормила», мне почему-то показалось, что твой шепот предназначен скорее нам – родителям, которые стояли рядом. Словно ты беспокоилась: вдруг мы решим, что ты не додумалась покормить ребенка.

Хотя мы так не думали.

Уверена, ты покормила ее, и подержала столбиком, и попыталась укачать, напевая извечное «баю-бай, баю-бай, моя крошка, засыпай», как любая нормальная мать.

Просто в тот день ничего не сработало.

И мы все знаем, как это бывает. Я, конечно, не эксперт в вопросах воспитания, но опыт подсказывает: иногда дети ведут себя из рук вон плохо просто потому, что могут. Целый день. И родители не в силах этого изменить.

Я не встречала подобных советов в популярных книгах по воспитанию, но убеждена, что где-то он должен был проскочить между строк: «Если вам кажется, что ребенок задался целью свести вас с ума, возможно, просто звезды на небе не так сошлись».

Ты изо дня в день проделываешь огромную работу, и тогда, на площадке, дети решили ее порядком усложнить. Ты можешь злиться из-за этого, можешь посмеяться над ситуацией

(прости, но трагическое «Я хочу новую маму!» в исполнении твоего старшего сына произвело фурор), главное потом – подведи черту и переверни страницу.

Поход на площадку обернулся провалом. И что?

Подшей эту прогулку в папку «Абсолютных катастроф», убери на дальнюю полку и начни заново. По пути домой заскочи в ближайший супермаркет и купи виноградного сока для взрослых (а также мармеладных мишек для дальнейших переговоров).

Подними средний палец и скажи: «Да пошел ты, дождливый вторник!» Завтра будет новый день. Конечно, не факт, что дети станут вести себя лучше. А может, и станут.

Потому что вот в чем фишка: чьи-то дети должны вести себя хуже всех на площадке. Просто должны. По закону вероятности иногда эти дети оказываются твоими.

Поэтому, когда в следующий раз какая-нибудь мама скажет «Дети – это какой-то кошмар», не подумай, пожалуйста, что она пытается тебя критиковать. Она всего лишь хочет наладить контакт, чтобы ты могла пожаловаться. Ведь она знает, каково это. У нее, скорее всего, есть свой младенец, у которого режутся зубки, и строптивый трехлетка, который любит раскинуться морской звездой на тротуаре.

И кстати, мне очень понравилось твое пальто.

С наилучшими пожеланиями, Антимамочка, живущая надеждой, что другие мамы поддержат ее сочувствующим кивком

Я написала это в марте 2015-го. Понятия не имею, прочитала его Мама в Красном Пальто или нет. Но мне хочется думать, что прочитала. А даже если нет, я была рада получить от многих родителей комментарии «Сегодня я – в красном пальто».

Порой мы все надеваем красное пальто. А я ношу свое так часто, что оно, кажется, попросту вытеснило из гардероба остальные вещи.

Один из таких дней

До появления детей я редко задумывалась о том, какой мамой стану. Но была уверена в одном: я не буду кричать. Я твердо знала, что не стану мамой-истеричкой, которая орет на своих детей посреди улицы.

Если я видела, как мама кричит на ребенка в супермаркете, я надменно вздергивала нос. Как некрасиво. Как непедagogично. Помню, я даже укоризненно покачала головой, когда заметила, как мама в автобусе сорвалась на расшалившихся детей. Кажется, кому-то прилетело по попе, и угроза «открутить уши» уже витала в воздухе. Подобное поведение я с высоты своего бездетного опыта воспринимала как возмутительное. И всегда с грустью слушала, как родители отвечают на вопросы любопытных детей равнодушным или раздраженным «Потому что я так сказал(а)». Ну разве так можно? Почему нельзя нормально объяснить?

Я молча составляла нелестное мнение об их воспитательных способностях. Мне даже в голову не приходило, что однажды я окажусь на их месте и буду вести себя точно так же. Ведь это ужасный пример для детей! Муа-ха-ха.

Карма, знаете ли, та еще бессердечная сволочь: она любит воздавать самонадеянным дамочкам по заслугам. За три года беспробудного материнства мой белый плащ изрядно пообтрепался. И я стала как раз той мамой, при виде которой прежняя я наверняка бы возмущенно поцокала языком. Не подумайте, что я так веду себя все время. Порой мне удается сохранить самообладание. Но, увы, не всегда. Далеко не всегда.

В прошлом я ни разу не потрудилась задуматься о том, что же предшествовало маминому срыву.

Я заставляла родителей в точке кипения, не подозревая, сколько часов до этого они сдерживали пар. И, соответственно, делала очень несправедливые выводы.

Так что прости меня, пожалуйста, Мама из Супермаркета. Когда я увидела, как ты сорвалась и резко отчитала маленькую дочку в отделе консервированных продуктов, я решила, что передо мной очередная ужасная мамаша, и искренне пожалела твоего ребенка. Я даже не задумалась, сколько свалилось на тебя до того, как вы пришли в магазин. Я никогда не узнаю, каким было твое утро, но теперь, имея на руках двух мальчишек, которых хлебом не корми, дай побегать по супермаркету, я, кажется, могу представить.

Скорее всего, первый акт грядущей драмы разыгрался уже за завтраком, над тарелкой с хлопьями. Дочка попросила хлопья, и ты дала ей хлопья, а потом она вдруг вспомнила, что ненавидит их, и смертельно обиделась. Все еще не оправившись от обиды, она, подозреваю, отказалась обуваться перед прогулкой.

Возможно, она выражала свое возмущение так громко, что ты не услышала, как стучался в дверь почтальон. Почтальон, принесший посылку, которую ты накануне прождала весь день. Посылку с игрушками или одеждой для маленькой ненавистницы хлопьев, но без единой приятной мелочи для тебя. Ведь все интересные каталоги, за которые ты иногда расписываешься, предназначены твоим бездетным соседям.

Когда ты сажала дочку в машину, она, наверное, выгибалась дугой и даже пнула тебя в лицо.

Перед выходом из дома она твердо заявила, что не хочет в туалет. И, конечно, захотела двумя минутами позже, когда вы встали в пробку.

Скорее всего, она соглашалась смиренно сидеть в магазинной тележке ровно до тех пор, пока ты кормила ее изюмом. А когда изюм закончился, решила прогуляться. Разумеется, ты сказала ей, чтобы она не отходила далеко, а она пообещала, что будет рядом. И сразу же забыла о своих словах, отправившись на поиски приключений.

Теперь я понимаю, что сам по себе побег из отдела консервированных продуктов не был преступлением. Просто он стал последней каплей. Чаша твоего терпения переполнилась, и ты среагировала так, как среагировала. Уверена, ты, как и я, прекрасно знаешь, что крики «С меня хватит! Живо иди сюда! Твой день рождения отменяется!» проблему не решат. Но иногда это вырывается непроизвольно.

Прости меня и ты, Мама из Автобуса. Теперь-то я понимаю, что ты никак не могла спасти ситуацию. Да, твои дети вели себя отвратительно, и попытки усмирить их и призвать к порядку были единственным способом показать остальным пассажирам (включая меня), что ты тоже не считаешь их поведение приемлемым. Я понятия не имею, как бы поступила на твоем месте. Прежде я любила порассуждать о том, как важны для детей границы и дисциплина. А теперь мне приходится иметь дело с двумя мальчишками, которые с завидной регулярностью выходят из-под контроля. Мне больно признавать это, но врать я не буду.

Я хочу попросить прощения у всех родителей, которых осуждала за фразу «Потому что я так сказал(а)». Когда вы отвечали «Угу», «Да, конечно» и «Пожалуйста, помолчи немного» на глубокомысленные вопросы своих детей, я просто не знала, что это уже миллион первый вопрос за день. И предшествовали ему такие вопросы, как:

– Почему сегодня среда?

– Можно мне шоколадку? А попозже – это когда? А сейчас уже попозже? А сейчас?

– Что такое хлопья? Ну что такое хлопья? Мам, расскажи! Можно мне хлопья? Нет, только не эти!

Теперь-то я знаю, что бесконечными вопросами можно довести до ручки даже самых терпеливых родителей, к числу которых я, кстати, не отношусь.

Теперь-то я знаю все.

Однажды в супермаркете Генри вел себя так плохо, что я не выдержала и наорала на него. А потом мы оба стояли и плакали среди макарон и прочей бакалеи.

В другой раз у нас дома закончились продукты, и я решила заскочить в магазин, чтобы купить еды. Судя по всему, поход в продуктовый не входил в планы Генри, о чем он не замедлил сообщить мне и окружающим. После продолжительной истерики я (под взглядами других покупателей) бросила корзинку и устремилась домой, так ничего и не купив. На обед я приготовила рис с горошком, добавив к нему сырные кубики. Я просто не могла заставить себя опять выйти из дома и показаться на людях.

Невероятно любознательный, как и все трехлетки, Генри однажды битый час пытал меня расспросами о Флойде, нашем коте, которого пришлось усыпить. И я час объясняла ему, что Флойд болел и плохо себя чувствовал, поэтому отправился на Радугу. Знаю, это не лучший вариант, но тогда я не была готова рассказывать еще и про рай (см. главу «Тебе, мама»). Я спокойно говорила сыну, что Флойд не вернется, потому что уснул навсегда. Что никто не живет вечно, но мы можем каждый день вспоминать тех, кого потеряли. Мы ведь взяли Генри с собой к ветеринару, чтобы он увидел, как это делается. Прорыдавшись (я тогда ходила беременная Джудом, и готова поклясться, кот решил, что мы усыпляем его, чтобы в доме хватило места еще одному ребенку), я немного пришла в себя и подумала, что поступила правильно, рассказав сыну про круг жизни...

Но после поездки и обстоятельного разговора Генри снова спросил меня:

– Мамочка, а когда Флойд вернется?

Да господи боже ты мой, мы приехали от ветеринара без кота и целый час беседовали о смерти. Неужели он вообще ничего не понял?!

– Флойд не вернется, – вздохнула я.

– Почему?

– Потому что не вернется, – ответила я, желая поставить точку: разговор потерял всякий смысл.

Мне остается только попросить прощения за мою прежнюю предвзятость по отношению к другим родителям. Теперь, став невольной свидетельницей их срывов или «неподобающего» поведения, я улыбаюсь и сочувственно киваю вместо того, чтобы присоединяться к укоризненному хору незнакомцев. И отправляю молчаливое послание: «Со всеми такое случилось. С ребенком не всегда можно сладить. Я здесь, и я тебя понимаю».

Покойся с миром, кот Флойд (2003–2014)

«Прошлый поход за обувью обернулся катастрофой, когда моя двухлетняя дочь начала кричать: “Мамочка, не надо, мне больно! Мне больно!” — к ужасу остальных покупателей. А я ведь просто надевала ей носок. После этого мне пришлось купить ей мигающие кроссовки, которые стоили дороже моих собственных туфель (а те, прошу заметить, даже не мигают), чтобы уйти из магазина прежде, чем кто-нибудь вызовет социальную службу».

Луиза, Туикенем

Пошла в жопу, Супермама

Первые месяцы после рождения Джуда я никак не могла войти в колею. Кажется, две трети осени/зимы 2014-го я провела в пижаме за просмотром «Щенячьего патруля» и поеданием шоколадных конфет. Я растеряла весь свой запал.

Я никогда не любила списки новогодних обещаний – с тех самых пор, как пообещала не сосать большой палец. Мама с папой пугали, что у меня вырастут зубы, как у кролика, но это было сильнее меня. Двадцать девять лет спустя несдержанное обещание все еще лежит камнем на моей совести. Да, мне почти тридцать – и я до сих пор сосу большой палец. Но речь сейчас не об этом. Новогодним утром 2015-го я проснулась с непривычным ощущением, что теперь-то у меня все получится.

Возможно, необычное воодушевление было как-то связано с отсутствием похмелья. Не то чтобы я пошла на это добровольно, но врачи не рекомендуют смешивать грудное молоко с игристым вином. Опять же, 2015-й стал первым годом, который наша семья встречала в полном составе: теперь нас четверо. Беременность, роды и упрямые плаценты остались позади. Передо мной лежала новая жизнь в качестве мамы двоих детей. От перспектив захватывало дух.

Как бы то ни было, когда на горизонте замаячила весна, а вместе с ней и конец декретного отпуска, я поклялась, что в корне изменю свой подход к материнству. Что буду вкладываться в детей и 2015-й не превратится в марафон сладостей и мультфильмов.

Список новогодних обещаний, составленный 1 января 2015-го, выглядел так:

1. Дети будут меньше смотреть телевизор.
2. Я буду меньше времени проводить в Интернете.
3. Я перестану подкупать Генри печеньем. Мы постараемся вообще отказаться от печенья: я начну готовить полезные завтраки и обеды с веселыми рожицами из орехов и черники.
4. Мы будем много гулять, даже в дождь – просто наденем резиновые сапоги.
5. Мы будем печь пироги.
6. Мы будем рисовать пальчиковыми красками, собирать паззлы и строить хижинки из одеял.

2015-й обещал стать годом Супермамы.

– И как все прошло? – спросите вы, хотя, подозреваю, уже знаете ответ. Ведь если бы Супермама с ее черничными рожицами одержала верх, я бы писала совсем другую книгу. Например, «Как стать Супермамой»; на обложке у нее красовалась бы улыбающаяся мама с детьми в чистых футболках, и они радостно занимались бы творчеством. И никто бы не костерил почем зря несчастный клей с блестками.

Так что все прошло не очень, но спасибо, что спросили.

Однако с тех пор я пережила еще один Новый год и теперь могу отчитаться, чего мне удалось достичь за двенадцать месяцев 2015-го. В конце концов, составляя в уме тот список, я предполагала, что продержусь в роли Супермамы не один год. И вот что из этого вышло:

– Сократить количество мультфильмов не получилось. Кажется, дети, наоборот, стали проводить перед телевизором еще больше времени, так что Маму Свинку вполне можно назвать ответственной за их воспитание.

– Я по-прежнему залезаю в телефон куда чаще, чем требуется. Ничего не могу с собой поделать, вредная привычка сильнее меня. Зато, когда мы уезжаем куда-то на выходные, я стараюсь оставлять телефон дома – или хотя бы выключенным в бардачке машины. Но если остаюсь с мальчиками одна, то волей-неволей пытаюсь отвлечься и сбросить стресс при помощи соцсетей. Иногда я притворяюсь, что мне нужно в туалет, только для того, чтобы окунуться в освежающий Инстаграм или припасть к живительному Фейсбуку.

– Печенье никуда не делось из нашей жизни. И я по-прежнему использую его, чтобы задобрить детей. Каждый день (или час, как повезет). Генри вышел на новый уровень: теперь его можно подкупить при помощи пончиков или детских журналов. Знаю, знаю... Я ужасная мать. Но у меня нет сил, и воли тоже нет. А еще у нас весь дом теперь завален пластиковыми игрушками, которые прилагаются к этим журналам.

– С долгими прогулками тоже не вышло. За год такие случались раза четыре-пять (на самом деле три). Но мы надевали резиновые сапоги! А однажды Генри принес из леса палку и сказал, что это его гарпун. Так что мой старший сын теперь практически Беар Гриллс¹⁰.

– Я ровно один раз добровольно ввязалась в затею с пирогами и сдулась уже через пять минут, потому что Генри все время пытался съесть предназначенные для украшения конфеты и крутился в опасной близости от горячей плиты, пока я проклинала свою неловкость и дула на обожженные пальцы.

– Я купила пальчиковые краски и скрепя сердце начала делать сенсорную коробку. Но совру, если скажу, что нам понравилось. Я, как обычно, надеялась, что у нас получится хоть что-то, достойное Инстаграма. А Генри хотел только смешивать краски в сопливую бурю массу. И даже не говорите мне про пазлы и блестки.

Значит, это провал?

Можно сказать и так. Супермама облажалась по полной программе уже в первые часы нового года – и продолжила стремительный спуск по лестнице идеального материнства в течение оставшихся 365 дней.

Но я ничуть из-за этого не переживаю – и сейчас объясню, почему.

«Супермама» – это полная хрень (уж простите мой легкий исландский акцент). Образ, слепленный из жизнерадостных платьев в цветочек, полезных смузи, полноприводных семейных автомобилей, модных кулинарных книг и не имеющий никакого отношения к реальности. Супермamu можно найти на сайтах, рекламирующих обтягивающие джинсы или гели для якобы небрежной укладки, а также на стильной кухне а-ля прованс, где пахнет яблочным пирогом.

Супермама купается в волшебном эликсире безмятежного спокойствия и никогда не выходит из себя. Ее дети не закатывают истерики на почте и не распевают о ромашках и кашках, потому что она грамотно установила границы. У нее двое детей (разумеется, мальчик и девочка), и мультики они смотрят лишь в исключительных случаях, например, когда за окном снежная буря – ведь Супермама такая, блин, затейница, что не нужен им никакой телевизор.

И пусть я много месяцев завидовала Супермаме, в конце концов я поняла, что это все равно что завидовать кукле Барби. Супермама может подавиться своими маффинами из зерновой муки, потому что на самом деле *никакой Супермамы не существует!*

И никто не может все время быть Супермамой.

Бывают дни, когда у меня получается. Как-то раз мы отправились на прогулку в лес, построили хижину из одеял в гостиной, порисовали пальчиковыми красками и приготовили горячий шоколад – и все за один день. Да, я выложила кучу фотографий в Инстаграм и потом самодовольно собирала лайки. Но это было сродни игре в Супермamu, а настоящая жизнь совсем иная.

Я была бы рада каждый день отправляться с детьми на поиски приключений, печь пряники и делать кораблики из бутылок от моющих средств. Но обычно Генри носится по дому со скоростью 100 км/ч и с криками «Я Базз Лайтер!», я четыре раза загружаю стиральную машинку, потому что подгузники иногда не справляются со своей задачей, на столе меня ждут незаполненные счета, в кухне – грязная посуда, и еще было бы неплохо принять душ, потому

¹⁰ Британский путешественник, телеведущий и писатель. Наиболее известен программой «Выжить любой ценой». – Прим. перев.

что на волосах уже белый налет от сухого шампуня. В такие дни я просто не могу заставить себя уйти дальше ближайшего парка или затеять веселую игру в гостиной, которая уже выглядит так, будто по ней пронесся тайфун.

Поэтому я вытаскиваю мальчишек на детскую площадку, чтобы слегка проветриться, возвращаясь домой, включаю «Щенячий патруль» и даю Генри печенье. А потом на час зави-
саю в Фейсбуке.

Потому что это жизнь. Такая, какая есть.

Но даже без сенсорных коробок, смузи и бесконечных запасов терпения мои мальчики почему-то считают, что я супер.

И это, наверное, самое главное.

«После рождения ребенка моя жизнь изменилась до неузнаваемости, и я долго не могла прийти в себя. Материнство оказалось совсем не таким радужным, как мне обещали. Помню, на детской площадке я с трудом сдерживала желание крикнуть «Заткнитесь!!!» мамам, которые оживленно обсуждали блестящую глину для лепки».

Стеф, Линкольн

Чувство вины

Ненавижу чувствовать себя виноватой.

Став мамой, я начала испытывать чувство вины куда чаще, чем раньше. Прежде оно обрушивалось на меня, когда я, например, говорила подруге, что у телефона заканчивается заряд (хотя на самом деле мне просто не хотелось с ней болтать). Или когда, выпив лишнего, выкладывала собеседнику не то, что думала (или то, что думала, но делиться этим было вовсе не обязательно). Или когда съедала ведерко мороженого, а потом ленилась качать пресс.

Все это было цветочками по сравнению с материнским чувством вины. Иногда мне кажется, что оно разъедает меня изнутри, готовое в любой момент выплеснуться и окатить горячей волной.

Как выяснилось, в этом я тоже не одинока.

С момента публикации первого поста я получила бесчисленное множество сообщений от мам, погрузившихся в пучину самобичевания. «Мне так жаль, что я (не) сделала то-то и то-то», – писали одни. «Как бы я хотела быть такой, как...» – вторили им другие. Обычно я отвечала им: «Не вините себя! Материнство – тяжелый труд. Вы делаете все, что можете, и ваши сомнения говорят о том, что вам не все равно. Дорогие мои, помните, что вы не одни».

А нажав «отправить», чувствовала себя жуткой лицемеркой, потому как сама продолжала есть себя поедом. Мысль о том, что я «делаю все, что могу», ничуть меня не утешала. Мое «все, что могу» определенно не соответствовало принятым (неизвестно кем и когда, но прочно укоренившимся в головах) стандартам материнства. Поэтому я корила себя еще и за то, что уговаривала других быть к себе терпимее, а сама занималась ровно противоположным. Как. Же. Много. Вины.

Когда в прошлом году я размышляла над постом о проблеме материнского самобичевания, то решила заодно записать все, за что я чувствую себя виноватой. Вот мой список, который с годами сильно разросся:

- Я не принимала фолиевую кислоту первые семь недель беременности, потому что не знала, что беременна.

- Мне следовало купить витамины для беременных премиум-класса, а не ограничиваться бюджетными.

- В третьем триместре я пахала на работе до седьмого пота и, наверное, нанесла малышу Генри непоправимый ущерб.

- Я должна была рожать без анестезии. Я накачала своего ребенка наркотиками.

- Я слишком рано свернула грудное вскармливание и не защитила Генри от болезней.

- Я злилась на Генри, когда он все время плакал в первые месяцы. Что за мать станет кричать на плачущего младенца?

- Я поторопилась с выходом на работу. Разве можно добровольно предпочесть карьеру своему малышу?

- Я мало занимаюсь с ним, когда сижу дома. Ему со мной скучно.

- Мне самой скучно, когда я сижу с детьми дома. Я ужасный человек.

- Я слишком много кричу. Мне не хватает терпения.

- Мне кажется, что я «предала» Генри, родив второго ребенка. Теперь он перестал быть для меня Целым Миром.

- Во время второй беременности я вообще забыла про витамины.

- А еще периодически позволяла себе бокал вина, хотя беременным советуют воздержаться от алкоголя. Разумеется, я не напивалась до потери пульса, но если с моим ребенком что-то будет не так, все сразу поймут, в чем причина.

- Я мечтала о девочке, поэтому вторые роды были такими тяжелыми. Я это заслужила.

– Я не водила Джуда ни на какие развивающие занятия. Генри в первый год достался массаж и музыкальная группа. С Джудом я не напрягалась.

– Я слишком много времени провожу в интернете.

– Я редко готовлю полезную еду. Мы едим слишком много полуфабрикатов.

– Генри ест слишком много сладостей, у него испортятся зубы.

– У нас нет красивого сада. Я лишила мальчиков детства, поселив их в городских джунглях.

– Я покупаю обувь в обычных магазинах и тем самым обрекаю сыновей на плоскостопие и прочие проблемы с ногами.

– Я оставила плачущего Генри в яслях, и теперь он знает, что его мама – большая лгунья, ведь я обещала никогда его не бросать.

– Я часто мечтаю, чтобы время с пяти вечера и до момента отхода ко сну просто выпало из моей жизни. Иногда я хочу, чтобы это случилось уже в одиннадцать утра. Я не ценю время, проводимое с детьми.

– Я ни разу не Веселая мама. Я мало пеку, леплю и рисую. Я скучная и унылая.

Когда я взялась перечитывать свой список, он меня, конечно, потряс. Некоторые пункты кажутся до смешного глупыми, и от этого становится совсем грустно.

Конечно, со временем чувство вины частично выветривается. Я уже не казню себя за забытую фолиевую кислоту, анестезию в родах и недолгое ГВ. Что было, то было, этого не изменить. Я также знаю (и свидетельства друзей и семьи тому подтверждение), что Генри действительно очень много плакал. Постоянный плач в буквальном смысле сводил меня с ума. Я не горжусь тем, что однажды сорвалась и закричала: «Да что, мать твою, с тобой не так?!», сама размазывая слезы по лицу. Но в тот нелегкий первый год я гораздо больше времени проводила, прижимая его к себе, баюкая и утешая. Так что отчасти я себя простила.

Но лишь отчасти. Я по-прежнему переживаю, что мало занимаюсь с сыновьями, и думаю, что мне стоит больше с ними играть, наслаждаться их обществом и каждой проведенной вместе секундой. А не поглядывать на часы, всякий раз удивляясь, как много времени осталось до возвращения мужа с работы.

Уверена, список еще не раз пополнится новыми пунктами. Я буду винить себя за то, что не успеваю забирать их из школы, недостаточно помогаю с домашними заданиями, что у нас не хватает денег на отдых за границей.

И кажется, я заранее чувствую себя виноватой за то, что когда-нибудь мои мальчики прочитают эту книгу. Мне совестно открывать им не самую приятную правду о моем материнстве. Возможно, через пару лет я искренне захочу, чтобы они оставались в приятном заблуждении, будто я никогда не тосковала по прежней жизни.

Но с грядущими проблемами можно разобраться и потом. А что сейчас делать с чувством вины мне и тысячам мам, которые ежедневно предаются самобичеванию?

Я не буду говорить, чтобы вы взяли передышку или перестали себя грызть. Я сама с трудом следую этим рекомендациям. Но все же кое-что я вам посоветую.

Попробуйте разделить с кем-то свою вину.

То есть не саму вину, а чувства, которые вас терзают. Расскажите о них другим людям, другим мамам и папам. Готова поспорить на что угодно, им все это до боли знакомо. Возможно, через полчаса обсуждений, кто из вас больше виноват перед своими детьми, вы придете к выводу, что вы – всего лишь кучка бесполезных нытиков. И начнете переживать уже о том, как много времени тратите на самокопание.

А я по-прежнему считаю, что чувство вины в первую очередь говорит о вашем неравнодушии.

В общем-то, при трезвом размышлении, львиная доля моего списка – сущая ерунда. Полбокала вина и забытые витамины не делают вас безответственной матерью. Эпидуральная ане-

стезия не подтолкнет ребенка к наркотикам. Да, конечно, было бы неплохо чаще откладывать телефон в сторону и больше играть с детьми. Но не нужно постоянно корить себя за то, что вы делаете недостаточно. Вы рядом – и это уже значит очень много.

А лепкой из глины вполне можно позаниматься на детской площадке. Зато потом не нужно оттирать гостиную.

«Я не могла понять, почему на меня никак не снизойдет счастье материнства, о котором твердили все вокруг. Каждый день становился настоящим полем боя. И я винила в этом себя. Но у меня совершенно чудесная дочь, и, оглядываясь назад, я вижу, что оно того стоило».

Сара, Кардифф

Вы не обязаны ни перед кем оправдываться

Мамы всегда готовы защищаться.

Нам кажется, мы должны объяснять окружающим, почему поступаем так, а не иначе, ведем себя определенным образом и чувствуем то, что чувствуем. Оправдываться, что обычно мы так не делаем, но сейчас у нас мало времени/был тяжелый день/это исключение из правил...

Иногда это дико выматывает. Я пытаюсь снабдить рациональным зерном каждое движение или слово, словно боюсь услышать вопрос: «Зачем ты так делаешь?» Его, к счастью, задают очень редко, но я никак не могу избавиться от привычки заранее придумывать обоснование – просто на всякий случай. В душе я заранее выстраиваю линию обороны.

И я более чем уверена, что за этим стоит уже описанное чувство материнской вины. Сомнения, не отпускающие меня ни на миг (вдруг я что-то делаю не так, вдруг я недостаточно хороша), находят выражение в оправдательном тоне. Должно быть, я просто боюсь, что другие родители – и не только они – подумают, будто я плохая мать.

Такая беда не только у меня. Я часто слышу, как оправдываются перед окружающими другие мамы.

В конце концов я пришла к выводу, что это совершенно необязательно. Следующие оправдания я неоднократно слышала на детской площадке от знакомых мам. И мне бы очень хотелось успокоить их, а не просто кивнуть в ответ, как я, кажется, делала.

«Я дала ему соску, потому что сегодня он капризничает, а с ней затихает. Обычно я стараюсь...»

Расслабься. Соска помогает вам обоим – и это главное. Я была бы рада, если бы мои дети признавали соску. Увы, нет. Если они начинают плакать, их ничем невозможно заткнуть.

«Я редко разрешаю ей перекусывать печеньем, просто у нас закончились фрукты и...»

Не волнуйся. Ты дала дочке печенье. Ничего страшного не случилось. Я вижу перед собой здорового, счастливого ребенка. Уверена, ты стараешься кормить ее правильной едой. Естественно, она любит шоколадное печенье. Она ведь еще маленькая! Покажите мне ребенка, который его *не* любит. Ты пообещала ей печенье, если она не забудет попроситься на горшок. Все в порядке. Не нужно оправдываться.

«Я включила им мультики, потому что мне нужно помыть посуду. Так они посидят спокойно хотя бы полчаса, а потом я выключу!»

От мультиков еще никто не умирал. Конечно, тут важно знать меру, но давай посмотрим правде в глаза: домашние дела сами себя не сделают. Поэтому спасибо тебе, Господи, за телеяню, у которой не бывает выходных.

Как я обнаружила, тема грудного вскармливания является для мам одной из самых болезненных – и часто заставляет их поднять щиты. Это вопрос волнительный и интимный. Первое время я сама боролась с искушением рассказать всему миру/жене друга/соседской собаке, почему решила перейти на искусственное вскармливание, когда ребенку было всего четыре месяца. Как-то раз я начала откровенничать об этом с женщиной, которой не повезло стоять за мной в очереди в супермаркете. Вряд ли она горела желанием услышать, что Генри все время срыгивает и плохо набирает вес. Скорее это было нужно мне. У меня в голове бушевали гормоны, я чувствовала себя очень уязвимой и боялась поймать косой взгляд, устремленный на банку детской смеси в моей тележке. И мне хотелось донести до окружающих, что я честно *пыталась*.

Но когда я в обычном разговоре спрашиваю у молодой мамы, как дела с ГВ, и узнаю, что она не кормит грудью, я не жду от нее объяснений. Я задаю этот вопрос для того, чтобы поддержать разговор. Если она никогда не кормила грудью, я не стану жаловаться на протекающие прокладки для лифчика. И наоборот, если ее ребенок исключительно на ГВ, я не буду

спрашивать, что она думает про смеси. Я всего лишь поинтересовалась, как у нее дела. Она не обязана оправдываться и рассказывать, что младенец плохо набирал вес, а она мучилась от мастита и потому решила перейти на искусственное вскармливание. Конечно, если она хочет об этом поговорить, я готова слушать. Но она имеет полное право не хотеть.

Будучи родителями, мы снова и снова оправдываемся, так как боимся осуждения. Боимся показаться неудачниками и неумехами в глазах окружающих. Возможно, мы надеемся, что пространные объяснения помогут задавить критику в зародыше: «Если я расскажу, почему так делаю, наверное, она не станет плохо обо мне думать...»

Проблема в том, что оправдания – не панацея. Некоторые люди в любом случае будут вас осуждать.

Я встречала таких мам. Их немного, и они твердо уверены, что все делают правильно. Точнее, они *знают*, что все делают правильно, поскольку прочитали все книги по воспитанию и все статьи именитых детских психологов. Они в своем роде элита, верхушка пищевой цепи. Они вклиниваются в разговор с непрошеными советами, которые обычно начинаются со слов «Я всегда считала, что...» или «Я бы на твоём месте этого не делала, в одной статье...»

Первое время после рождения Генри я кивала и смущенно улыбалась в ответ на рекомендации всеведущих мам. А потом шла домой, где упивалась чувством вины – ведь другие родители уличили меня в непрофессионализме! С Джудом я отравила могучий дзен и научилась не обращать внимания¹¹. Теперь, когда движимая благородными намерениями Мама в Белом Плаще пытается осенить меня своей мудростью и говорит: «Знаешь, не стоит использовать слово “гадкий”, оно слишком негативное и может повлиять на поведенческое развитие ребенка» (если что, это реальная цитата), я отвечаю не слишком дружелюбной улыбкой. И мне хочется верить, что на моем лице в этот миг легко можно прочитать: «Когда мне потребуется твой совет, я о нем попрошу. А сейчас отвали, пожалуйста».

Если ты читаешь это, уже попав под прицел миссис Я-лучше-всех-знаю-как-воспитывать-детей, призываю тебя не обращать на нее внимания. Ты не обязана ни перед кем отчитываться. Более того, это совершенно бессмысленно – все равно найдутся те, кому что-то не понравится. Так что наплюй на критиканов – и выше голову!

Лично мне кажется, что куда лучше не объяснять свои действия. Позиция «я делаю так, потому что это подходит мне и моей семье» вызывает неподдельное уважение. Она говорит об уверенности, способности самостоятельно принимать решения и определять, что правильно. Правильно не с точки зрения высокоумных психологических теорий, а конкретно для тебя и твоих детей.

- Нет, я не кормлю грудью.
- Да, ей три года, и она до сих пор носит подгузники.
- Я не собираюсь возвращаться на работу.

Достаточно. Этим можно ограничиться. Объясняй свои решения, только если сама этого хочешь.

Невозможно выработать универсальный подход к материнству. Все мы разные, и дети у нас разные: то, что подходит одним, не подходит другим. Так что не пытайся угодить всем. Все равно не получится.

Когда я написала в блоге о том, что родителям каждый день пытаются навязать противоположные мнения о воспитании и уходе за детьми, один папа оставил очень – на мой взгляд! – остроумный комментарий: «Свое мнение – как задница. Есть у всех».

¹¹ Пожалуйста, не думайте, что я сейчас говорю обо всех советах и попытках помочь. Довольно часто они бывают очень к месту. Если человек действительно беспокоится о благополучии моего ребенка и ему кажется, что тот сейчас подавится, или что я неправильно закрепила детское кресло, то я внимательно выслушаю и поблагодарю за неравнодушие. Иногда незнакомые родители искренне хотят помочь. Речь идет о непрошенных советах, высказанных снисходительным тоном, единственная цель которых – потешить собственное самолюбие. А большинство мам – настоящее сокровище, и я очень рада, что они есть.

Если и это не заставит вас улыбнуться, когда вы в следующий раз столкнетесь с Мамой в Белом Плаще, то я даже не знаю, что добавить.

«Мы поехали отдыхать, и под конец отпуска дети устали от обилия впечатлений и начали капризничать. А еще мне совершенно некуда было пристроить восьмимесячного младенца, который еще не умел ползать, но уже научился летать с дивана. В конце концов я сказала другим членам семьи, что мы напутали с датами и нам придется уехать на день раньше. Не буду же я говорить им, что этот отдых у меня уже в печенках сидит?»

Кейси, Виррал

Выходить из себя естественно

Читатели моего блога знают, что я довольно часто выхожу из себя.

Так часто, что у меня собралась целая армия подписчиков-родителей со схожими проблемами. И я очень ценю их поддержку. Она оказывается весьма кстати, когда я сижу, запершись в туалете, и отговариваю себя от того, чтобы пойти и побиться головой об пол в гостиной. Иногда это кажется на редкость соблазнительным.

Что гарантированно выводит меня из себя?

– Генри, закативший истерику по поводу шнурков. Они вдруг оказались «неправильными», хотя шли в комплекте с ботинками.

– Джуд, обкакавший четвертую пижаму за ночь. Откуда в таком маленьком человеке столько... добра?!

– Когда оба ребенка не в духе и единодушно вымещают свое недовольство жизнью на мне.

– «Сюрпризы» вроде стиральной машинки, сломавшейся как раз тогда, когда Генри в очередной раз намочил постель.

Обычно для того, чтобы успокоиться, мне достаточно понюхать и выпить чаю. Однажды я увидела табличку с надписью «Чашка чая решит все ваши проблемы» и подумала, что не решит, конечно, но однозначно сделает жизнь чуть терпимее. А если мысленно пообещать себе чего-нибудь покрепче после отбоя, то она и вовсе заиграет новыми красками. Так что я даже нахожу в себе силы шутить.

Но иногда мне бывает совсем не смешно.

Иногда мне даже не хочется выколоть себе глаза, проораться, напиться джина с тоником (это мне-то, преданному фанату джин-тоники, особенно по акции «Три банки по цене двух!»).

И заператься в туалете меня тоже не тянет.

Иногда мне не хочется делать *ничего*, потому как все, что я чувствую, – это беспросветное отчаяние. Значит, моим детям в очередной раз удалось довести меня до ручки, и я понятия не имею, что теперь делать.

Конечно, у меня и в обычной жизни бывают моменты уныния, когда я шучу, что «материнство – это не мое», но на самом деле так не думаю. А вот в такие «темные» дни мне начинает казаться, что это правда. В животе словно тугой узел, в горле комок, на душе беспросветная тоска, и никакой чай тут не поможет.

В такие дни я не могу избавиться от ощущения, что совершила большую ошибку. Что я сама – одна большая ошибка.

И когда я срываюсь на детей, разнывшихся в машине, или вру Генри, что горка мокрая, потому что мне не хочется тащиться на площадку, или мечтаю, чтобы неделя наконец закончилась, потому что не переживу еще три дня наедине с любимыми сыновьями... Мне становится страшно. Что со мной не так?

Почему мне не нравится сидеть с ними дома?

Почему мне так тяжело?

Неужели другие мамы тоже так себя чувствуют?

Неужели им тоже трудно?

Неужели, когда их младенцы и трехлетки ревут одновременно, они тоже начинают плакать от усталости? И все вместе рыдают в ванной? (Боюсь даже представить, что думают наши соседи...)

Бывает, что сомнения невыносимой тяжестью давят мне на плечи, а в голове заевшей пластинкой крутится: «Я ужасная мать. Я больше не могу». Я продолжаю терзаться, сравнивая себя с мамами из рекламы или Инстаграма – и, разумеется, проигрываю. Эти мамы улыбаются,

с удовольствием возятся с детьми, выдумывая миллион интересных занятий, и при этом умудряются выглядеть как с обложки журнала. А я? Сколько я уже хожу в этой толстовке с пятном?

Но в конце концов тучи рассеиваются. Возвращается с работы Джеймс, дети начинают сонно тереть глаза, я снова обретаю способность дышать полной грудью и думаю: «Что на тебя нашло, глупая женщина? Успокойся, все с тобой в порядке». В глубине души я знаю, что рыдания в ванной, вранье насчет погоды и желание выкинуть кого-нибудь из машины – все это не идеально, но ничего не говорит обо мне как о матери.

Об этом могут сказать только мои мальчики. То, как они себя чувствуют, то, как они себя ощущают. А для меня самое главное – чтобы они знали, как я их люблю.

Однажды вечером, через пару месяцев после рождения Джуда, я колотила стену от отчаяния. Я больше не шутила про то, что не создана для материнства. Я откровенно сказала Джеймсу, что не справляюсь. Опустила руки и сама себе вынесла приговор: сегодня я была отстойнейшей матерью в истории отстойных матерей.

Я провела целый день, мечтая оказаться в другом месте.

Я не заслуживала своих мальчиков.

А они заслуживали лучшей матери, чем я.

Но пришло время ложиться спать, и Джуд уснул посреди кормления. Десять минут я сидела с ним в полутьме и гладила его маленькие ушки. И он улыбнулся. Возможно, виной всему были газы (потому что вскоре он срыгнул мне за шиворот), но конкретно в тот миг он выглядел счастливым и довольным, как младенец с обложки журнала про материнство. Потом я заглянула пожелать Генри спокойной ночи и не просто подоткнула одеяло, а забралась к нему в постель и прочитала две сказки, поражаясь, какой у меня смысленный, забавный и, главное, счастливый мальчик.

– Люблю тебя до самой луны и обратно, мой Пижамный Медвежонок, – сказала я. И хихикнула, когда Генри в полудреме пролепетал что-то про ромашки и какашки (да, он тогда еще не перерос этот дивный период). Затем спустилась вниз, упала на диван перед телевизором, и меня охватило удивительное чувство, что я все делаю правильно. Что у нас все в порядке.

Я поняла: нет ничего страшного в том, что иногда случаются темные дни.

Когда ты не справляешься.

Когда хочешь сбежать от собственных детей, которые дружно перешли в режим «невероятные засранцы».

Дни, когда ты сомневаешься в себе.

Да, я бы хотела, чтобы таких дней было как можно меньше. Чтобы они вообще исчезли из моей жизни. Но они никуда не денутся. И, глядя на мальчиков, я думаю, что как-нибудь это переживу.

Если у вас тоже случаются дни, когда вы мучаетесь сомнениями, теряете веру в себя и переживаете упадок духа, я хочу сказать вам следующее:

Сомнения не делают вас плохими родителями.

Они делают вас *живым человеком*.

Так что сомневайтесь на здоровье.

Это совершенно нормально.

Всем нам иногда кажется, будто мы взвалили на себя слишком много. Это часть материнства. Но если количество темных дней зашкаливает и вас не покидает чувство, что вы не просто не справляетесь, но все гораздо хуже, – пожалуйста, не боритесь в одиночку. Расскажите об этом своим близким, поговорите с врачом, обратитесь к психологу или свяжитесь со службой психологической поддержки. Главное – не молчите.

«Я часто сидела и плакала навзрыд: мне казалось, что я не люблю своего ребенка. Что же я за мать такая, если меня посещают подобные мысли?»

Джина, Бристоль

Вращающиеся тарелки

Я не помню, когда в последний раз просыпалась без огромного списка дел, требующих моего участия. В основном этот список существует у меня в голове и постоянно претерпевает изменения, поскольку бедный усталый мозг в состоянии удержать в памяти не больше десяти пунктов. Это значит, что «Распечатать фотографии Джуда, а то можно подумать, будто у нас всего один ребенок» регулярно вылетает из списка, уступая место «Позвонить в налоговую» и «Купить бабушке открытку на день рождения». Важные и неотложные дела перекачываются из головы в элегантный ежедневник, который я приобрела в те славные времена, когда еще не утратила надежду стать собранной, организованной мамой. Сначала я делаю пометки шариковой ручкой: «Записать Генри на прививку», «Отправить по почте просроченные счета». А когда через две недели обнаруживаю, что не выполнила ни один пункт из списка, то подчеркиваю особо срочные дела, заключаю их в рамочку или закрашиваю выделителем с такой яростью, что он просачивается на следующую страницу. Прежде стильный ежедневник теперь выглядит под стать моей жизни – таким же растрепанным и несуразным.

Список из головы выглядит еще более плачевно: в нем дела, которые я должна сделать, в хаотическом порядке перемежаются с делами, которыми мне следовало бы заняться (но никак не удается, по поводу чего я очень переживаю).

Купить коврик в ванную, сходить в начальную школу, куда мы хотим отдать Генри (остальные родители уже сходили!), отнести сумку с вещами в благотворительный магазин (посмотреть в шкафах – вдруг там что осталось?), закончить главу, почистить и обработать от плесени ванную, купить мусорные мешки, отправить открытки с благодарностями (или слишком поздно? Тогда надо еще извиниться за забывчивость), включить в меню больше блюд с овощами, пока у детей не развился авитаминоз, ответить как-ее-там по поводу чего-то-там, почитать Джуду или хотя бы записать его на развивающие занятия, потому что я еще никуда его не водила, купить Генри новые штаны, написать статью в журнал, заказать новую раковину, сделать упражнения, чтобы избавиться от «попных ушек», взять у доктора рецепт на противозачаточные (не дай бог это случится снова), поменять дизайн блога, позвонить мастеру насчет окна на первом этаже, проверить, на какие дни рождения мы идем в следующем месяце (кажется, на некоторые я записалась два раза...), сдать телефон в ремонт, начать пользоваться кремом для рук, организовать вечеринку, которую я уже три раза отменяла, привести в порядок гостиную, купить какой-нибудь стеллаж для хранения игрушек (ИКЕА?), позвонить сестре.

Я все время чувствую себя жонглером, который судорожно пытается удержать на шестах вращающиеся тарелки. В левой руке у меня крутится тарелка материнства, в правой – старательно сохраняет равновесие тарелка карьеры. Я не могу упустить ни одну из них, но иногда у меня просто не хватает сил. Поскольку все мое внимание сосредоточено на этих двух, мне волей-неволей приходится упускать из виду тарелку домашнего очага (на которой лежит продление страховки, звонок в службу установки бойлеров, хозяйственные хлопоты и прочие «радости» взрослой жизни). Естественно, она с грохотом срывается с шеста, и хорошо, что у меня есть Джеймс, который ловко подхватывает ее на лету, погашает задолженности по кредиту и снимает показания счетчиков. Я даже не знаю, где эти счетчики находятся (честное слово!).

Я всегда была девушкой домовитой («всему свое место, все на своем месте»), но, как мне ни больно в этом признаваться, после рождения детей мои стандарты серьезно пошатнулись. Теперь наш дом больше напоминает Бермудский треугольник, и найти в нем что-нибудь – та еще задачка. Когда-то аккуратные шкафы готовы взорваться грудой всякого хлама. Я не преувеличиваю: мне приходится утаптывать вещи ногой, чтобы закрыть дверцу. Пыль лежит во всех укромных уголках, да и не в укромных тоже. Стекланная стойка для телевизора (стекло

– не лучший выбор, я уже поняла) так и притягивает к себе липкие пальчики. Всякий раз, когда я нахожу минутку, чтобы посмотреть сериал, мои глаза невольно натываются на отпечаток чьих-то губ точно посередине экрана. Значит, Джуд опять пытался поцеловать любимых героев прямо после завтрака.

Тарелка домашнего очага не единственная, кому приходится прозябать в забвении. Точно так же не везет тарелке с временем для себя, на которую кучей свалены списки незаконченных дел, журналы о знаменитостях, похудевших до нулевого размера к утру после родов, походы в бассейн и сто раз перенесенные встречи с друзьями. Она медленно остановила вращение и без лишнего шума упала на пол, где лежит в ожидании дня, когда корни у меня отрасли до такой степени, что мне просто придется подвинуть остальные дела и пойти в парикмахерскую. Или же когда я соберусь с духом и запишусь на второй сеанс коррекции бровей. Я как-то сходила на первый, но дальше дело не пошло: я купила карандаш для бровей за пять фунтов и успокоилась.

Правда в том, что если я когда-нибудь и найду время, чтобы покрасить кухонный гарнитур, который забросила полтора года назад, пропылесосить за стойкой телевизора, куда не ступала нога человека со времен Большого Гнездования 2014-го, или нанести автозагар больше, чем на половину тела, я буду переживать, что не потратила эти часы на тарелки материнства и карьеры.

Я всегда представляла себя этакой мамой-карьеристкой в стильном деловом костюме, которая после важного совещания спешит на рождественский спектакль своих дочек (ага). Я буквально видела, как на меня с затаенной завистью или неприкрытым восхищением смотрят другие зрительницы. Еще бы, ведь я все могу и все успеваю. Когда я в первый раз ушла в декретный отпуск, то наивно полагала, что вернусь к работе в полном объеме (или хотя бы на четыре дня в неделю) и брошу все силы на дальнейшее построение карьеры, в которую уже неслабо вложилась.

Несколько месяцев я тешила себя иллюзиями, но потом начала подозревать, что никогда не смогу достичь прежнего уровня. Я очень хотела работать, но боялась, что отдавать всю себя карьере уже не получится. Генри начинал плакать, стоило мне просто скрыться из виду. А я вдруг поняла, что не горю желанием расставаться с ним чуть ли не на всю неделю и регулярно пропускать вечернее купание и сказку на ночь. При этом у меня перед глазами были примеры мам, которые вернулись к работе на схожие должности и доказали, что это возможно. И я не испытываю к ним ничего, кроме уважения (ну и немножко зависти, конечно).

Но я поняла, что мне (и, подозреваю, не мне одной) придется чем-то пожертвовать. До рождения детей я привыкла засиживаться на работе допоздна и трудиться на выходных, чтобы впечатлить начальство своей производительностью. Мне было двадцать четыре года, я ездила на корпоративной машине, носила красивые блузки и туфли на каблуках. Необходимость в сжатые сроки заполучить выгодное финансовое предложение приятно щекотала нервы; когда я ближе к ночи возвращалась из офиса, то наливала бокал вина и проверяла рабочую почту. Я, наверное, была немножко мученицей и находила в этом извращенное удовольствие – «Я отвечу на письмо в десять вечера, пусть все видят, что я горю на работе». Но такой ритм жизни полностью меня устраивал, поскольку других занятий, кроме как разложить по полкам и так идеально сложенные вещи или выйти на пробежку с наушниками в ушах, у меня не было. Даже во время болезни я умудрялась работать из дома. Я действительно была на сто процентов предана своему делу.

Работающая мама в моем исполнении даже отдаленно не напоминает тот идеальный образ, который я рисовала в своем воображении. Стильные блузки как-то странно сидят на моей новой фигуре; нередко, добравшись до офиса, я обнаруживаю, что Джуд-таки успел срыгнуть мне на юбку. Я выхожу с работы в пять часов, потому что дома меня ждут не менее важные

дела, и часто отменяю встречи в последний момент, если дети умудряются заболеть. Теперь я вообще ничему не могу посвятить себя на сто процентов.

Я плакала, когда уходила со старой работы и устраивалась в местный университет, где предлагали неполный день и не такой напряженный график. В то время мне казалось, будто я предаю свою карьеру, свою мечту. Но сейчас я понимаю, что была бы точно так же недовольна собой, если бы осталась. Я бы сделала все, что могла – как мама, которая работает с девяти до пяти с понедельника по четверг. А не все, на что способна. Я бы не вынесла соревнования с призраками собственных амбиций.

Я вышла на работу в университет, когда Генри было полгода. Но это была работа с частичной занятостью, всего на три дня в неделю. Просто благословение для мам. Мне говорили, что частичная занятость позволит получить *лучшее от двух миров*. Думаю, именно это я и хотела услышать: что я все-таки могу успевать и там и там, быть и тем и тем. С тех пор я успела сменить работу еще раз (например, сейчас я пишу тексты – посмотрим, как пойдет), но по-прежнему работаю неполную неделю. Мы с мальчиками привыкли к такому распорядку.

Значит, я все успеваю? Действительно получаю лучшее от двух миров? Я не знаю, как честно ответить на этот вопрос. Во многих отношениях работа с частичной занятостью – самый оптимальный вариант для нашей семьи. Большую часть недели я провожу дома, наслаждаясь материнством, и пару дней хожу на работу, чтобы хоть немного от него отдохнуть. Как я уже говорила, я восхищаюсь мамами на полную ставку, но сама на такое не способна.

Золотая середина – это, конечно, здорово, но иногда она кажется мне недостижимым идеалом. Существует немало профессий с гибким графиком или возможностью работать дома. Но многим родителям подобная роскошь недоступна. Им приходится выбирать – либо полная ставка и возвращение домой к десяти вечера, либо ничего. Даже не представляю, сколько мам отказались от повышения, потому что в глубине души знали, что они нужнее дома. Между работой и семьей они выбрали семью.

Порой тарелки материнства и карьеры начинают опасно балансировать на своих шестах, и я падаю духом. Вместо того, чтобы успевать и там и там, я не успеваю нигде. Я была бы рада взять больше работы, но не могу. Я хотела бы вовремя отвечать на письма и общаться по телефону с важными людьми, не прерываясь на подтирание поп, но не могу. Я бы с радостью ездила на пафосные мероприятия в Лондон – ведь меня приглашают! – но не могу. Точно так же я чувствую себя виноватой, когда три дня в неделю вверяю своих мальчиков заботам чужих людей; когда мы с Джеймсом приходим с работы слишком поздно и сил у нас хватает только на ужин из рыбных палочек; когда перед сном Генри просит меня пойти завтра в парк, а я отвечаю: «Завтра не получится, милый, мама работает». Тогда он спрашивает: «А послезавтра?» – чтобы услышать: «Послезавтра мама тоже работает, но потом мы обязательно сходим, обещаю».

Так что нет, я не могу сказать, что получаю *лучшее* от двух миров. Я не выкладываюсь по полной ни на работе, ни дома с детьми. Но не могу представить, как отказаться от одного в пользу другого. Я пытаюсь успевать везде, и, наверное, это большее, на что стоит рассчитывать. Возможно, резко снизившиеся требования к себе в отношении домашнего хозяйства и прочего – естественное следствие моего стремления удержать в воздухе сразу две тарелки. Супермама с блеском справилась бы с этой задачей. Но нам, простым смертным, приходится опускать планку.

Для меня семья на первом месте – и так будет всегда. Работа на втором, поскольку она помогает мне чувствовать себя собой и сохранять рассудок. Все остальное – та куча дел, что ежедневно крутится у меня в голове, – отступает на задний план. Да, чем-то приходится жертвовать, и, думаю, я научусь с этим мириться. Или найму помощницу по хозяйству. Правда, боюсь, я отдраю весь дом перед ее приходом, чтобы не сгореть со стыда за покрывшийся налетом душ.

В сутках слишком мало часов...

Возможно, именно поэтому я четыре дня ждала, когда мне пришлют пин-код от банковской карты, и готова была поклясться, что «они мне ничего не присылали!». На самом деле я получила пин-код за пару недель до этого и даже записала его куда-то, чтобы не потерять.

По той же самой причине воскресенье стало единственным днем недели, когда я пытаюсь приготовить что-нибудь из свежих, а не консервированных овощей. И Фред, родившийся в июле сын моей лучшей подруги, так и будет находить подарки на именины под рождественской елкой.

А я продолжу ворчать из-за игрушек, которые заполонили наш дом, – и по-прежнему буду запихивать их ногой под кровать, чтобы «подумать об этом завтра».

Мы – родители, и значит, с наших тарелок всегда свешивается через край. Наши мозги постоянно решают кучу задач: мы думаем о том, что нужно сделать, что нужно делать чаще, о том, что мы сделать забыли, о том, что бы мы хотели сделать, выдайся у нас свободная минутка... Подозреваю, что выход только один: определить, какие тарелки не должны остановиться ни в коем случае, какие тарелки делают нас счастливыми и составляют саму суть нашего существования. Что же до остальных... Придется глубоко вздохнуть и спокойно наблюдать, как они летят вниз.

Потому что все успеть невозможно.

Хотя коврик в ванную все-таки надо купить.

Тебе, мама

Мама, я пишу книгу. Настоящую книгу! У самой в голове не укладывается. И эту главу я пишу со слезами на глазах. Мне невыразимо грустно, что ты никогда не сможешь ее прочитать. Наверное, глупо с моей стороны вообще ее писать, но есть вещи, которые я должна сказать. Я не знаю, что с ними станет, если я не выплесну их на бумагу. А потому наконец оформлю свои мысли в слова, пусть даже самый главный человек никогда их не прочтет. Как бы я хотела, чтобы это было не так.

Недавно я заметила у магазина женщину примерно моего возраста и почувствовала жгучую зависть. Я ни разу в жизни так не завидовала незнакомке, ведь у нее было то, чего я не смогу получить ни за какие деньги: она держала за руку свою маму. Они шли рядом и обсуждали, что еще нужно купить и в каком кафе лучше попить кофе.

Часть меня хотела отвернуться и слиться с толпой покупателей, притворившись, будто я ничего не видела. Но я не могла отвести от них взгляда. Они были так удивительно гармоничны, что мне захотелось крикнуть им: держитесь друг за друга и цените каждое мгновение вместе.

Как же мне тебя не хватает. Я бы все отдала за чашку кофе с тобой – а ведь я даже не люблю кофе. Я помню, как ты любила пить его воскресным утром, читая газеты. Может, когда я повзрослею, я тоже познаю прелесть воскресного кофе.

Я мечтаю ходить с тобой за руку по магазинам и вместе примерять одежду. Мечтаю услышать, что нам непременно нужно заглянуть в «Маркс энд Спенсер», ведь этим вещам сносу нет!

Но больше всего я тоскую по тем обыденным и неприметным мгновениям, которые мы никогда не сможем разделить. Ты никогда не заскочишь ко мне на полчасика, чтобы поболтать о всякой чепухе, не пойдешь со мной в садовый центр и не поможешь испечь мальчикам именинные торты. Мне очень не хватало тебя на первый день рождения Джуда, я тогда знатно напортачила с глазурью. Уверена, ты бы такой ошибки не совершила. Как бы я хотела, чтобы мои сыновья попробовали пироги, которые испекла их бабушка Дебби. Люди часто говорят: как жаль, что Генри и Джуд никогда тебя не узнают. А мне не просто жаль. Я до сих пор чувствую, что твоя смерть оставила в нашей жизни огромную дыру. Куда бы я ни пошла, что бы я ни делала, мне всегда чего-то не хватает. Мне не хватает тебя.

Генри спрашивает о тебе – на моей прикроватной тумбочке стоит твоя фотография в рамке. Нам пришлось объяснить, почему он не сможет поехать к бабушке с ночевкой и почему она не повезет его в бассейн. Я сказала ему, что ты отправилась на Радугу, а он спросил: «Бабушке там хорошо?» Мне было очень трудно не расплакаться.

Я не верю ни в Радугу, ни в рай, ни в жизнь после смерти. В глубине души я знаю, что если кто-то умирает, это конец. Физически и духовно он исчезает, оставляя нам лишь воспоминания. Конечно, приятно думать, что ты где-то там присматриваешь за мной. Многие добрые люди говорили мне, что так и есть. Они искренне хотели меня утешить, но я им не верила.

До того, как Генри начал задавать вопросы, я думала, что буду с ним предельно честна. Но когда это случилось, вместо отрепетированного «после смерти люди никуда не уходят, они просто умирают и все, милый» у меня вырвалось «бабушка Дебби отправилась на Радугу с котом Флойдом и другими людьми, которые чувствовали себя слишком плохо, чтобы оставаться на земле».

Очень скоро мне придется объяснять ему, что Берег бабушки Дебби, куда мы иногда выбираемся, – это красивое место, где мы развеяли твой пепел.

При мысли об этом у меня уже сейчас сжимается сердце.

Иногда я сижу и думаю, как ты себя чувствовала в последние месяцы в больнице. Я была слишком юной, чтобы понимать всю серьезность ситуации; мне нужно было готовить уроки, и, когда время посещения подходило к концу, отец увозил нас с сестрой домой. Сейчас я представляю, что ты оставалась одна в палате, и мне отчаянно хочется вернуться назад, чтобы провести с тобой все отведенное нам время. Ты хотела, чтобы мы продолжали жить нормальной жизнью и хорошо учились. Может, это и было правильно, но ты слишком быстро ушла от нас – и нам стало некого навещать.

Я бы все отдала за то, чтобы снова сидеть у твоей кровати, держать за руку и никогда не отпускать. Я все переживала из-за того, как мы будем без тебя, и даже не думала, как, наверное, страшно было тебе. Ты знала, что скоро покинешь нас, что нам придется расти без тебя. Я даже близко не могла представить, что ты чувствовала, пока сама не стала мамой. Теперь у меня есть Генри и Джуд, и мне невыносимо думать о том, что когда-то я оставлю их одних.

Глядя на тебя, я и не подозревала, что быть мамой так тяжело. У тебя все получалось легко, даже когда ты проходила многолетний курс лечения. Ты была прирожденной мамой. Тебе было не занимать терпения, ты готовила для нас всякие вкусности и пришивала ярлычки к свитерам. Хотя ты работала учителем на полную ставку, я всегда чувствовала, что ты рядом, что ты с нами. (За исключением школьных выступлений, на которых ты физически не могла присутствовать, но, учитывая обстоятельства, я не в обиде.) Ты была и остаешься моим идеалом. Из тех, кого я знаю, ты была к Супермаме ближе всех, и я очень горжусь тем, что настоящая Супермама – моя мама.

Теперь я сама стала мамой. Мамой, которая плохо готовит и еще хуже шьет, мамой, которая срывается из-за пустяков. Я часто думаю, что будь ты рядом, я бы смогла стать лучшей матерью. И о том, что быть мамой без собственной мамы – попросту нечестно.

Я стараюсь напоминать себе, что, несмотря ни на что, ты по-прежнему со мной. Не в том смысле, что ты приглядываешь за нами с вип-трибуны на мифической Радуге, нет. Ты в моих мыслях и в моем сердце, где хранятся воспоминания. Я перед тобой в неоплатном долгу: ты подарила мне детство, которое я безуспешно пытаюсь воссоздать для твоих внуков. Они бы тебе понравились, мама. Они чудесные мальчики. И они бы точно тебя полюбили. Генри бы требовал, чтобы ты обнимала его по поводу и без. А Джуд забирался бы к тебе на колени, чтобы ты почитала ему книжку. (Только осторожнее: от избытка чувств он может стукнуть тебя этой книжкой по лицу. У него просто такой период.) И Джеймс бы тебе тоже понравился. Ты бы одобрила мой выбор.

В сумрачные дни, когда мне кажется, что я не создана для материнства, когда меня гложут сомнения и я казню себя почем зря, я вспоминаю, какой прекрасной мамой была ты. Я хочу, чтобы ты мной гордилась. Не обещаю, что перестану кричать – тут я ничего не могу с собой поделать, это сильнее меня. Не обещаю, что не буду ошибаться. И не обещаю, что всегда смогу быть хорошей мамой.

Но кое-что я твердо обещаю.

Я обещаю стараться. Ты всегда говорила мне, что это самое главное, и была права. Я постараюсь сделать так, чтобы мои дети были счастливы и знали, как их любят. Я буду любить их изо всех сил – за себя и за тебя. От меня они получают твою долю поцелуев и объятий. От меня они узнают, какой замечательной ты была.

Потому что это правда.

И мне очень жаль, что ты не услышишь, как я говорю им об этом.

Часть шестая

Не променяю ни на что на свете?

«Иногда я смотрю на своих мальчишек и не могу поверить, что они мои»

И оглянуться не успеешь...

Если бы я получала доллар каждый раз, когда слышала «Ты даже не заметишь, как они вырастут!», то давно обновила бы мальчикам гардероб. Что было бы весьма кстати для моих любителей срыгивать, особенно на только что купленные наряды. Из-за этого я давно перешла на дешевые марки (надо, кстати, добавить этот пункт в мой Виновный список...) Но я отвлеклась.

– Как летит время! – расхожая фраза, которую можно услышать в разговорах на площадке.

– Наслаждайся, это чудесные годы!

– Однажды ты будешь по ним скучать!

– И оглянуться не успеешь, как малыши пойдут в школу!

Обычно я пропускаю мимо ушей эти щедро расточаемые крупницы родительской мудрости, но должна признать, что прежде находила такие замечания довольно утомительными. Например, когда у Генри случался очередной кризис (года, полутора лет, двух лет и двух месяцев или третьей пятницы октября) и он устраивал лежащие забастовки. Особенно мне запомнилась истерика, которую он закатил в лифте торгового центра. Там он улегся на живот и наотрез отказался выходить. Другие пассажиры сбежали этажом выше, а я проводила их тоскливым взглядом и покрепче ухватила сына за капюшон... Или вечерами, когда я бродила по дому, усыпанному дешевыми пластиковыми игрушками и заляпанному детским пюре, методично поднимала с пола грязные вещи и пыталась сообразить, с какого края подступиться к уборке. А голова невольно поворачивалась к входной двери, за которой скрывался мир свободы и спокойствия. Когда Джуд визжал из-за бутылочки (наверное, я всегда подогревала ее чуть сильнее, чем нужно) или висел у меня на ногах, размазывая по джинсам текущие из-за очередных зубов слюни и сопли. В такие дни мне в голову закрадывалась мысль, что время отнюдь не летит – в лучшем случае ползет. И я вряд ли буду скучать по этим «волшебным» мгновениям.

Я никогда не считала себя сентиментальным человеком, и знаковые события первых лет не вызывали у меня больших эмоций. Не потому что я не считала их особенными, но потому что сначала они случаются почти каждый день. Первая улыбка, первый переворот без посторонней помощи, первый зуб... Вот он пополз, вот он сел, вот поднялся и сделал первый шаг. Видимо, у меня «умилятор» бракованный, но ко всему этому я относилась без пиетета. Я была уверена, что не стану одной из тех мам, которые вытаскивают младенческие фотографии и прочувствованно восклицают: «Ты только посмотри, каким он был крохой!»

Разумеется, все вышло наоборот. *Именно такой мамой я и стала.*

Первая волна сентиментальности накрыла меня прошлой осенью, незадолго до дня рождения Джуда. Это стало большой неожиданностью, потому что первый день рождения Генри особых эмоций у меня не вызвал. (Прости, Генринатор, мы отметили его как следует, просто я не прослезилась.) Теперь же мысли по поводу грядущего празднования начали крутиться у меня в голове еще за несколько недель до знаменательной даты. «Джуду скоро исполнится год!» – думала я ночью, едва голова моя касалась подушки. (А также о том, что нужно сдать мазок и отвезти бутылочки на переработку.)

Я поймала себя на том, что хочу нюхать пушистую макушку Джуда и наслаждаться его младенчеством, пока еще есть возможность. Мозг настойчиво твердил, что после дня рождения мой мальчик останется тем же малышом, только на день старше, но я-то знала, что ему будет уже целый ГОД. Он станет годовалым карапузом, который улыбается зубастой улыбкой и вперевалочку ходит в своих модных ботиночках, наверное, это от их ценника слезы наворачиваются на глаза. Ведь после года дети перестают быть младенцами. И люди начинают исчислять их возраст годами: «Ему год, верно?» Я боялась, что так и буду невольно считать в месяцах:

«Ему уже четырнадцать/семнадцать/двадцать два месяца». Кстати, до каких пор это можно делать? «Да, ему двести девятнадцать месяцев, он учится в университете, кушает хорошо, в прошлом месяце набрал двести грамм».

Когда я поделилась с Джеймсом своей грустью, что Джуду скоро исполнится год, муж серьезно озадачился. Такое в его супружеской практике случилось впервые: я никогда не отличалась излишней чадолюбивостью – и вдруг начала вести себя, как типичная овуляшка. Так что он счел необходимым сразу обозначить свою позицию: «Да, конечно, но третьего мы не заведем».

Я бы могла поддразнить мужа каталогами одежды для младенцев и задумчивым перебиранием имен для третьего малыша, но при этом прекрасно понимала, что не хочу еще одного ребенка. Возможно, моя внезапная сентиментальность была связана именно с этим: я вдруг осознала, что больше такого в моей жизни не повторится. Младенцы скоро станут пройденным этапом. Как уровень в компьютерной игре.

Уровень «Младенец»: завершен.

Во многих отношениях это повод для радости. Я точно не буду скучать по вымазанному в пюре детскому стульчику, срыгиваниям и вечерним капризам, от которых хочется просверлить себе мозг. Я не буду скучать по большой сумке с кучей необходимых для простой прогулки вещей. Я никогда не была особой поклонницей младенческого возраста, поэтому совру, если скажу, что буду скучать по многочасовым зависаниям на груди или ронять слезы над гипсовым отпечатком маленьких ножек.

И все же это конец эпохи. Джуд уже совсем большой мальчик; опыт подсказывает, что скоро и он будет долбить меня световым мечом по голове и просить дернуть за палец. Не за горами приучение к горшку, трусики и карусель с мокрыми штанами и лужами в самых неожиданных местах – по второму кругу. Я подсчитала, что к тому времени на нашем счету будет около 1825 ранних подъемов для смены вонючего подгузника. Так что мокрые штанишки я как-нибудь переживу, а вот над последним подгузником точно станцую победный танец.

Тем временем старший брат Джуда, преуспевший во владении световым мечом и шутках на фекальные темы, тоже перешел на новый уровень и отправился в детский сад. А меня снова одолела ностальгия. Когда я сидела с Генри дома, то временами тяжело вздыхала: «Ну когда же в садик?..» Теперь мне кажется, что это случилось слишком быстро. В следующем году Генри пойдет в начальную школу, и у меня в голове не укладывается, что мой малыш, мой Медвежонок Генри наденет форму, возьмет книжки и сядет за парту. Даже не сомневаюсь, что в первый школьный день я вернусь домой и буду плакать над его младенческими фото. Хочу заранее попросить прощения у всех родителей маленьких детей, с которыми столкнусь в этот период, потому что я точно буду говорить: «Вы и не заметите, как он вырастет!» и «Наслаждайтесь этим чудесным временем». Я совершенно точно забуду о лежащих забастовках в лифте и буду тосковать по дням, когда оба моих мальчика умещались у меня на коленях и я могла беспрепятственно нюхать их сладкие макушки.

Я прекрасно понимаю, что впереди еще очень много всего. Много хорошего, плохого и просто ужасного. Я регулярно получаю сообщения от родителей подростков; они говорят, что мои нынешние сложности – это пустяки по сравнению с тем, что будет лет через десять. И я склонна им верить. Я знаю, что нас ждет школа, ночевки у друзей и минуты тревожного ожидания, когда великовозрастное дитя соизволит вернуться домой в облаке алкогольных паров. А еще я знаю, что больше никогда не буду так сильно нужна им, как в эти ранние годы. Сейчас я для своих сыновей – настоящий центр вселенной, и хотя их бесконечная потребность в маме иногда утомляет, я покривлю душой, если скажу, что мне это не нравится. Конечно, перспектива глотнуть свободы воодушевляет (да здравствуют выходные у бабушки!), но мысль о том, что мои мальчики становятся все более самостоятельными, навеивает грусть.

У меня сжимается сердце, когда я думаю, что в скором будущем они оба пойдут в школу и у них начнется своя, неизвестная мне жизнь. Наверное, я и правда оглянуться не успею, как они станут слишком крутыми, чтобы танцевать на кухне под «Отпусти и забудь» или забираться ко мне под одеяло, спасаясь от подкроватных монстров.

И я буду по этому скучать.

Если сейчас у вас на руках младенец, который не дает вам спать по ночам, регулярно пачкает колыбель и срыгивает в лифчик, или вы только что выволокли из магазина орущего трехлетку, мои рассказы о неизбежных приступах сентиментальности, возможно, вызовут у вас скептическую усмешку. Когда Генри только родился, я тоже с трудом верила словам других мам о том, что «Ты и не заметишь, как он пойдет в школу. Еще будешь скучать по этим дням!» В то время школа казалась мне чем-то нереальным. Но вот я уже сижу, выбираю начальную школу для Генри и волнуюсь, что мой малыш не *справится* без мамы, – а о том, что справится, переживаю едва ли не больше.

Наверное, тоску по младенческим годам можно познать только на собственном опыте. О ней бесполезно рассказывать, нужно просто пережить. Должно быть, это неотъемлемая часть материнства: вот вы смотрите на своего младенца и мечтаете, чтобы он скорее вырос, а потом просыпаетесь однажды утром – и понимаете, что скучаете по тем дням, когда он был маленьким.

А я, пожалуй, перестану ныть о том, как быстро летит время, и вернусь к разглядыванию младенческих фото. И не говорите потом, что я вас не предупреждала!

«Забавно, правда? Сначала мы мечтаем, чтобы первые месяцы поскорее закончились, а потом хотим их вернуть...»

Маури, Нью Миллс

Меняет ли нас появление детей?

Через пару недель после рождения Генри один друг спросил меня:

– Ну вот, ты стала мамой. Теперь, наверное, чувствуешь себя по-другому?

– Не особо, – честно ответила я.

В физическом смысле – да, ничего подобного я прежде не испытывала. Моя грудь раздулась и на ощупь напоминала камень, а через вагину прошло три с лишним кило человека. Бывали в моей жизни деньки и получше. Но эмоционально, психически... Нет, я не чувствовала особых изменений. Из зеркала смотрела потолстевшая, измотанная версия меня – только с ребенком на руках.

Я знала, что материнство изменит мою жизнь и тело, но искренне верила, что личность эти перемены не затронут. Несмотря на подгузники, пеленки и лифчики для кормления, я была все той же.

Я встречала мам, которые, скажем откровенно, менялись до неузнаваемости. И я сейчас говорю не о том, что происходило с их телом. Они в буквальном смысле становились другими людьми. Я боялась, что нечто подобное случится и со мной. И обещала себе не допустить, чтобы материнство поглотило меня без остатка.

Но недавно кое-что произошло. Я ехала забирать детей от няни и, воспользовавшись случаем, решила послушать какой-нибудь диск. Под руку мне попался старый сборник, и выбор пал на композицию Джей-Зи «Ниггеры в Париже». Да-да, знаю.

И когда, подкрутив колонки, я дошла до очередной «мазафаки», я поймала свое отражение в зеркале заднего вида. Посмотрела на детские автокресла, на светоотражатели с кошачьими ушками. Заметила морщинки и неловко замазанные круги под глазами. И вдруг мне стало стыдно за то, что я сижу вот так и подпеваю Джей-Зи и его ниггерам. Я почувствовала себя *мамой*...

Правда в том, что я составляла эту подборку, когда дни напролет разъезжала по клиентам на корпоративном BMW с внушительным запасом лошадиных сил. А в обстоятельной, неторопливой «Воксхолл Астр», которая недавно отметила десятый день рождения, в окружении коробочек из-под фруктового сока и забытых игрушек, она звучала как минимум неуместно. Светоотражатель, автокресла и тот факт, что я торопливо переключила проигрыватель на «Классный мюзикл», явно указывает, что моя жизнь изменилась. И я вместе с ней.

Бывают времена, когда Прежняя Я выходит на сцену. Недавно я встречалась со старыми коллегами по работе, забыла о зарке «пить только джин» и задержалась в баре намного дольше, чем планировала. Хотя у троих из нас есть дети, мы просидели до позднего вечера, обсуждая «нормальные» темы – то есть все, кроме наших родительских проблем.

Надо сказать, я и без алкоголя способна поддержать интересную беседу. На детской площадке я первая готова выйти за рамки обсуждения зубов, колик и прибавок в весе – не потому, что отрицаю свое материнство, но потому что очень здорово для разнообразия поговорить об «Игре престолов».

У меня много бездетных друзей. Иногда общение с ними я предпочитаю «игровым свиданиям». Болтовня об отпускных интрижках, рабочих новостях и сплетнях из газеты «Мейл» кажется дуновением свежего ветра среди бесконечных разговоров о яслях и детских кризисах. Благодаря бездетным друзьям я могу прикоснуться к другой жизни. Но отдаю себе отчет, что до рождения Генри моя жизнь была иной. И я сама была иной. Дети изменили все.

Они изменили мой образ мышления и по-другому расставили приоритеты. Я больше не чувствую себя беззаботной. На мне лежит огромная ответственность: я должна обеспечить своим детям счастливую и безопасную жизнь. У меня нет права на ошибку. Я волнуюсь, что не слишком в этом преуспеваю, что они заслуживают лучшую мать, и порой мне кажется, будто я

совсем не справляюсь. Иногда я скучаю по той жизни, в которой слушала не самые приличные музыкальные сборники и отрывалась на вечеринках, зная, что на следующий день мне не нужно идти на чей-то день рождения и прикалывать хвост растреклятому ослу. Заявиться на детский праздник с похмелья – значит обречь себя на адские муки.

Иногда я смотрю на своих мальчиков и не могу поверить, что они мои. Порой на работе я до такой степени вживаюсь в роль Прежней Себя, что внезапная мысль о том, что я отвечаю за двух маленьких человечков, потрясает меня до глубины души. «Как это случилось?» – ошарашенно спрашиваю я себя. Конечно, я знаю, как это случилось (я представляла работу аиста менее экстремальной), но, кажется, так до конца и не осознала себя мамой.

Я мама.

И, конечно, еще много кто. Я писательница, блогер (но, увы, не хипстер), подруга, жена, волонтерка в службе поддержки для переживших насилие, удивительно неловкий человек с тягой к джину и булочкам в сладкой глазури. А еще я отвратительно мою посуду (да, такое тоже бывает, у меня просто антиталант). Но если все аспекты моей жизни представить в виде круговой диаграммы, то самый большой кусок достанется моим мальчикам (в число которых входит и Джеймс, только ему мы об этом не скажем).

Вряд ли что-нибудь еще повлияет на меня так, как рождение детей. И дело не в том, что они оставили на моих бедрах серебристые растяжки и возложили на меня огромную ответственность. Я даже не могу описать, как они изменили меня с эмоциональной точки зрения. Это действительно невозможно понять, пока у вас не родится ребенок. Материнство изменило мою суть. Мои мальчики сделали меня другим человеком. Это безумие, но знаете что? Мне нравится.

Оно того несомненно стоит.

«Кажется, я дошла до точки невозврата... Материнство определенно оказалось не таким, как я себе представляла. Сегодня, например, я шумно поздравляла сына с тем, что он покакал в горшок. Хотя он туда всего лишь пукнул. Но это ведь считается? В любом случае, мы оба гордимся достигнутым!»

Эми, Сент-Олбанс

«Ты просто не представляешь, как тебе повезло»

Я не могу закончить эту книгу, не поделившись с вами одной мыслью, которая не дает мне покоя. Я хочу пожаловаться. Пожаловаться на то, что нам не позволяют жаловаться. Я пишу эту главу с бокалом вина у клавиатуры и чувствую себя так, будто собралась откровенничать с близкой подругой. Поэтому для начала тяжело вздохну.

Время от времени, когда я сливаю в блог негатив по поводу детей и материнства, на меня сыплются упреки. Меня упрекают, что я смею говорить о своих чувствах и жаловаться на то, во что дети превратили мою жизнь. А за фразу «Если бы материнство было оплачиваемой работой, я бы, не раздумывая, уволилась» с десятков человек вообще отписались от меня, напоследок громко хлопнув дверью.

Большинство критических замечаний представляют собой вариации на тему «Тебе не на что жаловаться»:

- Ты должна быть благодарна судьбе! Многие вообще не могут иметь детей.
- Зачем заводить детей, а потом все время жаловаться на них?
- Ты просто не представляешь, как тебе повезло.

Нет, я не смеялась над этими комментариями и не показывала компьютеру средний палец, бормоча под нос «Да свалите уже, самовлюбленные идиоты», – потому что они и правда задевали меня за живое. Однажды я призналась Джеймсу, что подумываю закрыть блог и удалить прочие страницы в соцсетях. Буду жить, как обычная мама, и пусть Антимамочка, чье отношение к материнству стало притчей во языцех, тихо канет в Лету.

Разумеется, на самом деле я не хотела закрывать блог. Поэтому пришлось отращивать броню и учиться игнорировать непрошеную критику. Но я продолжала прокручивать в голове вышеупомянутые комментарии и чувствовала себя, мягко говоря, не очень. В минуты сомнений и кризисов я обычно пользуюсь мудрым советом Тейлор Свифт «Да забей!», но тут забить почему-то не получалось. Возможно, причина в том, что эти замечания были по сути справедливыми.

Мне действительно повезло.

У меня в самом деле нет причин жаловаться.

И я должна быть благодарна судьбе.

Я признаю это, потому что могу оценить ситуацию со стороны. Даже не знаю, сколько раз я принималась жаловаться на бесконечное нытье в два голоса, невозможность нормально работать или просто усталость после особенно ужасного дня – и резко одергивала себя, услышав или прочитав что-то, что заставляло меня подумать: «В самом деле, а чего это я жалуюсь?»

Я знаю людей, чьи дети тяжело больны, знаю тех, кто потерял любовь всей своей жизни и верного партнера в воспитании ребенка, и тех, чьи дети умерли. Я читала о парах, которые годами пытались забеременеть, но так и не преуспели, о тех, кто неоднократно проходил через процедуры ЭКО только для того, чтобы переживать выкидыш за выкидышем. Новости тоже подчас хорошо отрезвляют: я проплакала целый день после того, как по телевизору показали выброшенное на турецкий берег тело маленького беженца Алана Кудри. Тогда я поклялась больше никогда не жаловаться на судьбу.

Истории этих людей полны невероятной боли и невероятной силы. Они приводят меня в чувство и заставляют иначе относиться к своей жизни: меньше ныть и больше ценить то, что имеешь.

В конце концов, у меня есть муж, два замечательных сына, крыша над головой, мы все здоровы. Господи, да мне достаточно посмотреть один эпизод «Службы спасения» – и я уже мчусь обнимать своих мальчуганов, благодаря Бога за то, что с ними все в порядке. Моей маме не было и пятидесяти, когда она умерла, и я выросла с четким пониманием, что жизнь коротка.

Можно еще долго говорить о том, что все познается в сравнении и всегда может быть хуже... Но вы чувствуете, что грядет «но»? Вы правы, оно грядет.

Я могла бы закончить эту главу словами «Так что прекращайте жаловаться, большинство ваших проблем не стоят выеденного яйца...» Только я так не сделаю. Потому что, помимо тех комментариев, есть еще сотни сообщений от родителей, которые со временем заставили меня радикально поменять точку зрения.

Родители, которые пишут, что достигли предела, что конкретно сегодня любимые отпрыски не вызывают у них ничего, кроме желания бежать куда подальше, что решение завести детей кажется им ошибкой, – вовсе не любители поныть. Честно рассказывая, что сейчас им приходится нелегко, в конце они всегда начинают оправдываться: «Я понимаю, что мне повезло...» или «Я знаю, что у других людей ситуация куда хуже...» Хотя мне самой знакомо чувство вины за свои жалобы, со временем эти оправдания стали немного раздражать. Чаще всего мне хочется ответить: «Я знаю, что ты любишь своих детей и понимаешь, какое это счастье. То, что ты пожаловалась на них, не делает тебя неблагодарной эгоисткой». Жалобы – это часть нашей жизни. Мы должны делиться наболевшим, тревогами, обидами, досадой и неудовлетворенностью, а не держать все внутри. Только так можно почувствовать себя нормальными людьми.

Для меня поворотным моментом стал разговор с одной мамой. Она десять лет пыталась зачать ребенка, прежде чем ЭКО увенчалось успехом, и у нее появилась очаровательная дочка. Эта мама написала мне, что как-то, после очень тяжелого дня, она в сердцах крикнула изумленной подруге: «Оно того не стоило!!!» – и, конечно, тут же расплакалась от нахлынувшего чувства вины за собственную неблагодарность. Поскольку чудесная дочка досталась ей такой ценой, женщина убедила себя, что не имеет права жаловаться и испытывать отрицательные эмоции. Тем временем ее «чудо», будучи обыкновенным младенцем, естественно, доставляло немало хлопот. Эта мама прекрасно знала, как ей повезло, и бесконечно дорожила своей дочкой. Но при этом она, как и все мы, оставалась живым человеком – со своими слабостями и потребностью иногда поворчать.

Я, конечно, шучу насчет «Службы спасения», но действительно обещаю себе вспоминать, в какие страшные ситуации попадают порой люди, когда мне в следующий раз захочется поныть из-за «пустяков».

В реальности это не помогает. Невозможно все время отрицать свои чувства и запрещать себе недовольство. Чужие проблемы, какими бы серьезными они ни были, отступают на второй план, когда на руках у вас заходится криком младенец, а трехлетка в семьдесят шестой раз отказывается надевать трусы. Если я устала до черноты в глазах, а дети словно сговорились свести меня с ума, я не могу трезво оценивать ситуацию со стороны и твердить мантру «Как же мне повезло!». Я иду и пишу злобный пост или шлю Джеймсу кучу сообщений о том, как меня все задолбало (прости, Джеймс). Я просто не могу сдержаться. И не считаю нужным.

Я не просыпаюсь по утрам с мыслью: сегодня я буду ныть, что дети ведут себя отвратительно, а я не создана для материнства.

Это работает не так.

Поэтому я встану плечом к плечу с родителями, которые изливают мне душу в сообщениях, и не буду стыдиться собственных постов с жалобами (включая пост про работу и увольнение). Потому что эти записи – отражение того, как я чувствовала себя в тот момент. Я была зла, раздражена, сходила с ума от тоски и одновременно корила себя за все эти чувства. Да, были моменты, когда я хотела сбежать. Да, временами я хотела вернуть свою прошлую жизнь, когда могла провести десять минут в одиночестве, без громких воплей на заднем плане, сходить в туалет без сопровождения и услышать, что говорит диктор в новостях, не отвлекаясь на демонические звуки, которые издает музыкальная игрушка с садящейся батареей.

Но если бы я действительно могла уволиться с этой «работы» и рано утром обнаружила кровати сыновей пустыми, то принялась бы на коленях умолять, чтобы меня взяли обратно. Я жалею не потому, что не понимаю своего счастья, а потому, что мои мальчики порой повергают меня в пучину отчаяния.

Хорошенько поразмыслив над критическими комментариями, я поняла, что говорить «Зачем заводите детей, а потом все время жаловаться на них?» на редкость глупо. Это все равно что сказать: «Ты же сама решила работать в отделе кадров, так что у тебя нет права жаловаться на тяжелый день, это был *твой выбор*».

Представьте, что вам предложили работу вашей мечты: должность (личный ассистент Тома Харди), фирма, зарплата – все, чего вы только могли желать. Но работать придется не с понедельника по пятницу с 8:30 до 17:30, а семь дней в неделю 24 часа в сутки, без перерыва на еду, сон и туалет. Никто не посмеет упрекнуть вас, что к полудню среды вы вззоете: «Мать божья, я сейчас сдохну!» Ну так вот, материнство – это то же самое, только без зарплаты и Тома Харди. Иногда вам кажется, что все прекрасно и что вы не променяете свою работу ни на какую на свете. А иногда ловите себя на мысли, что и на старой было совсем неплохо.

Да, я сама решила завести детей. Причем дважды. Я ни за что с ними не расстанусь, но это не мешает мне время от времени тяжело вздыхать: «Твою ж мать...» Все родители имеют на это право. Мы любим своих детей и благодарны за то, что они есть в нашей жизни. Но иногда у нас случаются отстойные дни, мы чувствуем себя паршиво, и даже если никто не умер, не заболел и не пропал, наши эмоции, в том числе и отрицательные, важны и самоценны.

Разумеется, все познается в сравнении, но тот факт, что где-то в Африке голодают дети и на другом конце света случилось землетрясение, не делает мою жизнь легче, когда сыновья стоят на головах и отказываются ложиться спать. Я при всем желании не могу считать благословением небес младенца, плюющего пюре, и его трехлетнего братца, вдруг разучившего понимать человеческую речь. Мы не обязаны дорожить каждым мгновением и не должны винить себя за то, что порой у нас прорывает плотину жалоб.

Это глава стала для меня чем-то вроде сеанса терапии. Меня начали изрядно подбешивать комментарии о том, что я не понимаю своего счастья. Теперь я разложила свои чувства по полочкам и хочу обратиться ко всем сторонникам партии «Соберись, тряпка!» со взвешенным и исполненным достоинства ответом.

Дорогие сторонники партии «Соберись, тряпка!»

Спасибо, что снизили до того, чтобы выразить мне свое неодобрение. Вы заставили меня почувствовать себя еще хуже и в который раз осознать собственную родительскую неполноценность.

Вынуждена с прискорбием сообщить, что отныне я буду игнорировать ваши комментарии. Я не хочу слышать от вас, какая я неблагодарная и как мне повезло. Я и так знаю, что у меня два потрясающих мальчика. И вы, наверное, удивитесь, но о любви к ним я пишу куда чаще, чем жалею на жизнь.

Родив детей, я не перестала быть человеком и не превратилась в робота, запрограммированного круглые сутки восторгаться какашками, плачем и прочими радостями материнства. Я помню, что многим повезло куда меньше, чем мне. Но я также помню, что тысячи обычных мам чувствуют себя неполноценными просто потому, что имеют наглость уставать и не наслаждаются каждой секундой материнства. Они не одиноки, и я буду снова и снова писать об этом.

Короче говоря, можете засунуть свои критические комментарии туда, где солнце не сияет никогда.

С наилучшими пожеланиями, Антимамочка

Американские горки

Мудрый философ Ронан Китинг¹² как-то сказал, что наша жизнь – это американские горки. Уверена, он говорил прежде всего о жизни родителей.

Это правда: до рождения детей меня нельзя было назвать очень эмоциональным человеком. Я могла прикрикнуть «Куда прешь, ослеп, что ли?» на наглеца, который подрезал меня на трассе. Могла хохотать до слез на вечеринке с друзьями и расплакаться во время шоу «Британия ищет таланты», когда участники признаются, что отважились петь впервые с тех самых пор, как умерла их кошка. Но в остальном я слыла спокойной и уравновешенной.

Я подозревала, что дети существенно расширят мой эмоциональный диапазон. Но даже не догадывалась, на каких американских горках мне придется кататься следующие четыре года (и, наверное, всю оставшуюся жизнь). Должна признаться, что к этому привыкнуть было сложнее всего.

Остались в прошлом «плохие» и «хорошие» дни; после родов жизнь значительно усложнилась. За сутки я могу несколько раз эмоционально выгореть и восстать из пепла, как птица феникс. Иногда я переживаю целую гамму различных чувств за один час. И невозможно предсказать, что послужит причиной в следующий раз.

Бывает, я злюсь. И изо всех сил сдерживаю ярость. Поверьте, я действительно стараюсь. Дети плюются едой, оставляют лужи на диване, капризничают и испытывают мое терпение до пределов, недоступных простым смертным. Тогда я бормочу «господибоже ты мой» по 127 раз на дню и тяжело вздыхаю. В такие моменты я не слишком себе нравлюсь. Многовато вздохов.

Бывает, меня одолевает чувство вины. За то, что я не выкладываюсь по полной, что не дотягиваю до стандартов хорошей мамы – только до *достаточно* хорошей. Меня удручает собственный родительский стиль «И так сойдет!», но, судя по всему, это большее, на что я способна.

Порой я чувствую себя невероятно счастливой; я сияю от гордости и благодарю небо за то, что у меня есть, за мою семью. Чаще всего это случается, когда я смеюсь над выходками своих сорванцов и улыбаюсь до боли в щеках, не зная, чем заслужила такую награду.

Иногда мне страшно. Страшно от того, как сильно я их люблю. Страшно отпускать их в этот большой мир (ладно, в школу, но школа определенно больше, чем наша гостиная). Достаточно один раз посмотреть новости, чтобы понять, в какое ужасное время мы живем. Мне становится страшно, когда я их не вижу и не слышу. Я схожу с ума от беспокойства всякий раз, когда они ночуют у бабушки. Я просто не могу смотреть на их пустые кровати без того, чтобы начать воображать все те ужасы, которые могут с ними случиться... Или уже случились?!

Есть от чего поседеть раньше времени.

Смех, слезы, крик, беспокойство, страх, снова смех. Неудивительно, что родители так выматываются. Эмоциональные качели истощают своей непредсказуемостью. Иногда я отчаянно нуждаюсь в покое и возвращении душевного равновесия. Я мечтаю пойти в офис, в штатном режиме поволноваться из-за рабочих задач, а потом вернуться домой, выпить бокал вина и расслабиться, а не заступать на вторую смену. Но моя другая работа куда более важна, хоть и не оплачивается. Ведь я забочусь о маленьких людях, которые полностью изменили мою жизнь.

Я вспоминаю, как заявляла, что хочу оказаться «где угодно, только не здесь». Поверьте мне, в те минуты это желание было искренним. Но в конце концов я поняла, что без мальчиков «где угодно» будет мне не в радость. Да, моя жизнь станет спокойной и размеренной; никто не будет осаждать дверь туалета, пока я плачу на унитазе. Но останется ли в такой жизни смысл?

Наверное, нам нужно просто смириться с непредсказуемостью.

¹² Участник поп-группы Boyzone, популярный сольный исполнитель. – Прим. перев.

Принять взлеты и падения. Проживать ужасные дни, помня о том, что за ними обязательно придут светлые. Ну, или хотя бы не такие ужасные.

Думаю, Ронан был прав.

Так что сели, пристегнулись – и в путь.

Благодарности

Людей, которым я хочу сказать спасибо, так много, что я, пожалуй, обойдусь без долгих предисловий. Ханна Фергюсон, спасибо, что поверила в меня и была таким заботливым литературным агентом. Команде издательства Transworld – ребята, спасибо, что позволили моей книге увидеть свет. Работать с вами было сплошным удовольствием. Отдельное спасибо Мишель Синьор, Софи Кристофер, Луизе Джонс и никогда-не-забываемой Гарриет Буртон, которая своим энтузиазмом запустила этот проект, прежде чем сбежать в декретный отпуск.

Папа, спасибо тебе за все (особенно за предыдущие двадцать девять лет моей жизни). Спасибо Тине, Бекке, Эне, Эндрю и остальным членам семьи, которые пришли на помощь и сидели с детьми. О большем я не могла и мечтать! Спасибо друзьям и коллегам, старым и новым, которые помогли мне сделать шаг в неизвестность – и получить от этого нереальное удовольствие.

Мэри-Энн, моя лучшая подруга! Спасибо тебе, что подбадривала, возвращала веру в свои силы – и делилась моим блоготом со всеми, до кого могла дотянуться. Мэл, спасибо за то, что предоставила уголок, где я могла всласть повздыхать над книгой и своей жизнью. И за то, что иногда садилась рядом и тоже вздыхала.

Спасибо всем, с кем я познакомилась в Сети – и кто с тех пор стал мне настоящим другом. Лиззи, Ди, Элла – никакой книги не хватит, чтобы перечислить всех чудесных блогеров, которым я искренне благодарна.

Джеймс, мой замечательный Джеймс, спасибо за то, что сохранял присутствие духа, когда я выбывала из строя. И за бесчисленные чашки чая, которые ты приносил мне, даже когда была моя очередь. Мы с тобой чудесная команда.

Генри и Джуд, спасибо, что вдохновили меня на творчество. Я вами невероятно горжусь. Простите, что иногда была слишком занята печатанием, чтобы отвлекаться на ваши «Мама, посмотри на меня!». Когда мы в следующий раз поедем отдыхать, обещаю оставить ноутбук дома.

И наконец, спасибо всем, кто читал мой блог и делился моими постами в социальных сетях. Спасибо за ваши комментарии, рисунки и фото, я не раз смеялась над ними до слез. Благодаря вам я перестала чувствовать себя неправильной мамой. И вы не представляете, как много это для меня значит.